

классика детектива

Джон
Диксон

КАРР

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

классика детектива

классика детектива

John Dickson

CARR

THE UNICORN MURDERS

■

THE JUDAS WINDOW

Novels

классика детектива

Джон Диксон

KAPP

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

Романы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2007

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К21

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Карр Дж.Д.
К21 Убийства единорога: детективные романы / Пер. с
англ. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 383 с.

ISBN 978-5-9524-3099-0 (Вып. 16)
ISBN 5-9524-1962-3

Очаровательный и неповторимый сэр Генри Мерривейл продолжает расследовать таинственные убийства. На этот раз они совершаются не просто в «запертой комнате», но и очень странным образом — с помощью необычных орудий: одно из них напоминает рог единорога («Убийства единорога»), а другое необходимо отыскать по странному обломку с оперением, напоминающим оперение стрелы («Окно Иуды»).

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)

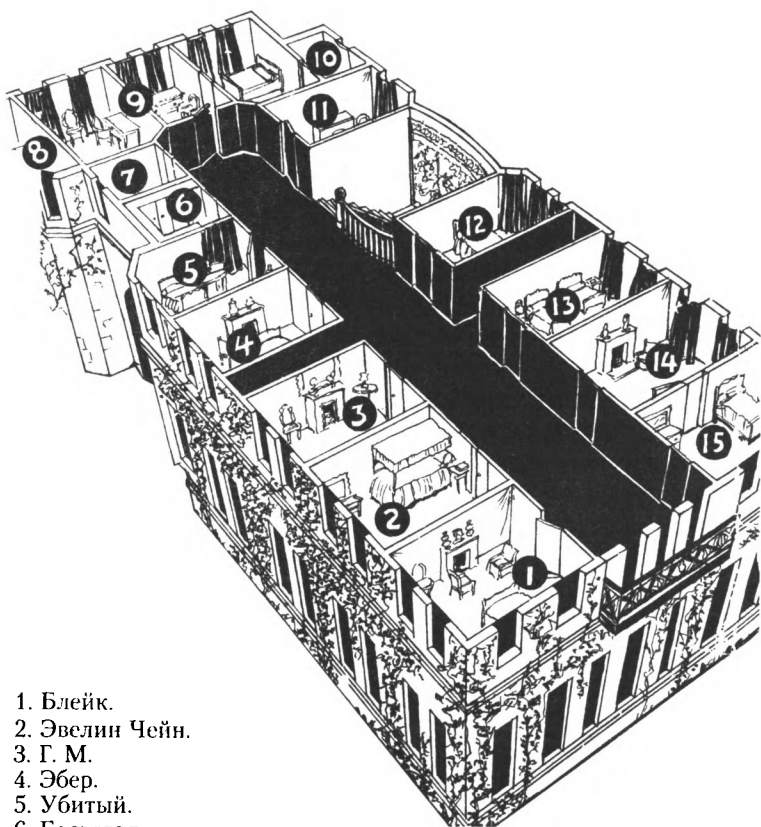
ISBN 978-5-9524-3099-0 (Вып. 16)
ISBN 5-9524-1962-3

© Состав, перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2007
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф»,
2007

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

ШАТО ДЕ Л'ИЛЬ

План второго этажа

1. Блейк.
2. Эвелин Чейн.
3. Г. М.
4. Эбер.
5. Убитый.
6. Бельевая.
7. Ванная.
8. Огюст.
9. Д'Андрье.
10. Личная ванная.
11. Фаулер.
12. Хейуорд.
13. Э. + О. Миддлтон.
- 14, 15. Рэмсден.

Глава 1

ЛЕВ И ЕДИНОРОГ

Позвольте мне изложить вам дело и спросить, как бы вы поступили при таких обстоятельствах.

Вы в Париже на каникулах, в том месяце, когда весна почти становится летом. На душе у вас легко, и вы в полном согласии со всем миром. Однажды в сумерках вы сидите на террасе кафе «Лемуан» на рю Руаяль, попивая аперитив. Потом вы видите идущую к вам девушку, с которой ранее были знакомы в Англии. Эта девушка — которую, кстати, вы всегда считали весьма чопорной — подходит прямоком к вашему столику и начинает с серьезным видом декламировать детский стишок. После этого она садится за столик и продолжает болтать самую нелепую чушь, какую вы когда-либо слышали. Ну?

Да, именно это я и сделал — стал ей потакать. В результате я оказался вовлеченным в серию событий, одно воспоминание о которых вызывает у меня дрожь, не только потому, что они оказались куда хуже тех, с которыми мне приходилось сталкиваться во время службы в разведке, но и при мысли о том, какие ужасные вещи может повлечь за собой безобидная ложь. Я был глупцом, но меня интересовала Эвелин Чейн, а весенний Париж подталкивает к глупостям.

Я могу предоставить лишь самые необходимые биографические данные. Согласно паспорту, мое имя Кенвуд Блейк, возраст — тридцать восемь лет, адрес — Эдвардиан-Хаус, Беристрит, Сент-Джеймс. О роде занятий говорить нечего — я не люблю работать и признаю это. Мне прочили дипломатическую карьеру, поэтому пичкали множеством языков. В 1914 году я

отправился в Вашингтон в качестве атташе британского посольства, а год спустя, уже перейдя возрастной лимит, умудрился получить назначение в полк хайлендеров¹ Сигрейва. Я надеялся командовать батальоном, но был ранен при Аррасе, а когда поправился, меня признали негодным для службы в действующей армии.

Потом одним пасмурным днем в Лондоне, когда мое настроение было под стать погоде, я столкнулся с Г. М. Едва ли я когда-нибудь забуду его шагающим по Уайтхолл в сдвинутом на затылок цилиндре, съехавших к кончику носа очках и пальто с побитым молю меховым воротником. Он шел опустив голову, размахивая кулаком и бормоча проклятия по адресу правительственных чиновников, которые обвинили его едва ли не в прогерманских настроениях. Думаю, Г. М. сразу понял, как обстоят мои дела, хотя и не подал виду. Он затащил меня в свою берлогу с окнами на набережную Виктории, и таким образом я поступил на секретную службу, по его словам не имея к этому никаких особых данных, кроме отсутствия хитрости.

Г. М. утверждал, что это бесценное качество для сотрудника секретной службы, так как слишком хитрые заканчивают жизнь перед расстрельной командой или с ножом в спине. Если подумать, это не так глупо, как кажется. Он предупредил, что не сможет оказать мне никакой помощи, если у меня возникнут трудности, что было ложью от начала до конца. Я знал, что Г. М. способен поставить с ног на голову все правительство и мобилизовать все ресурсы министерства иностранных дел, дабы защитить самого ничтожного из своих агентов. Они его семья, заявлял он, а если такому-то это не нравится, он может идти туда-то и делать то-то.

Я перешел из контрразведки в разведку, что означало работу за рубежом, которая продолжалась до конца войны. Здесь не место рассказывать о моих тогдашних приключениях и о славных парнях, которые делили их со мной. Но я вспоминал о них, сидя на террасе «Лемуана» на рю Руаяль и потягивая «Дюбонне».

¹ Хайлендеры — шотландские горцы. (Здесь и далее примеч. пер., кроме примеч. авт.)

Была суббота 4 мая. Парижская весна погружала меня в ледяную добродушность. Деревья были в цвету, в янтарных лучах солнца светло-зеленые листья казались прозрачными, а воздух наполняли шум голосов и гудки такси.

Было около восьми вечера — подходящее время, чтобы расслабиться после обеда под звуки, весьма напоминавшие летний дождь. Капли барабанили по навесу у меня над головой, порывы ветра уносили прочь газеты и раздували белые фартуки официанток. Запомните, что я две недели не заглядывал в газеты — разве только мельком видел заголовки. Мимо меня пронеслась одна из них, и я придавил ее ногой. Заголовки сообщали о подготовке к юбилею английского короля, беспорядках в Индии, но более всего о людях по имени Фламанд и Гаске.

Это вызвало у меня интерес, смешанный с раздражением, какой вызывает бессмысленная популярная фраза, значение которой вам непонятно. Годами люди отвечали почти на все: «Да, у нас нет бананов»¹, вызывая желание спросить: «Что, черт возьми, это значит?» Точно так же мне захотелось узнать, кто такие Фламанд и Гаске. Казалось, все говорили о них. Их имена наполняли Париж, как гудки такси, и слышались даже на этой террасе, где было не так уж много народу. У меня возникла идея, что они — соперничающие друг с другом боксеры или члены кабинета министров. Во всяком случае, заголовок статьи, которую мне было лень читать, сообщал, что один послал другому зловеющий вызов.

За улетевшей газетой побежал официант. Я протянул ему газету и осведомился наугад:

— Вы друг Фламанды или Гаске?

Результат был поистине удивительным. Проходивший мимо *agent de police*² внезапно остановился и уставился на меня с явным подозрением, после чего шагнул на террасу.

— Ваш паспорт, месье, — потребовал он.

Официант склонился над столом и быстро провел по нему тряпкой.

— Этот джентльмен не сделал ничего дурного. Он только спросил...

¹ Популярная песня Фрэнка Силвера и Ирвинга Кона, появившаяся в 1923 г.

² Полицейский (*фр.*).

— Англичанин, — промолвил полицейский, изучая мой паспорт. — Вы использовали слова, месье, которые могли служить сигналом. Поймите, я не хочу докучать безобидному путешественнику, но...

Полицейский говорил сквозь зубы, поглаживал усы, как строгий чиновник, но я не мог понять, что такого я сказал. Конечно, если это было политическое дело вроде аферы Ставиского¹, то я ступил на опасную почву.

— Вероятно, все дело в моем скверном французском языке, месье, — отозвался я с поклоном, чувствуя себя полным идиотом. — По правде говоря, я спросил не подумав. У меня и в мыслях не было пренебрежительно отзываться о ваших боксерах или министрах...

— О ком? — перебил полицейский.

— О ваших боксерах или министрах, — повторил я. — Мне дали понять, что эти господа принадлежат к одной из упомянутых категорий...

Полицейский засмеялся, и я понял, что неприятности позади, хотя мы привлекли нежелательное внимание других посетителей.

— Да неужто? Наши парижане смеются над вами, месье. У них дурные манеры, за которые я извиняюсь. Простите, что побеспокоил вас. A'voir², месье.

— Но все-таки кто этот Фламанд? — осведомился я.

Пристрастие полицейского к драматическим эффектам повлекло за собой ряд трудностей.

— Он убийца, месье, — ответил полицейский, после чего расправил плечи, отсалютовал и вышел из кафе с таким видом, словно скрывался за кулисами. Я отослал официанта и в следующий момент осознал, что полицейский ушел с моим паспортом.

Бежать за ним я не стал, поскольку и так обратил на себя слишком много внимания. Пережив триумф своего драматического ухода со сцены, полицейский обнаружит у себя в руке мой паспорт и вернет его, а если нет, официант наверняка знает его номер, так что я в любом случае смогу получить паспорт

¹ Ставиский Серж Александр (1886—1934) — международный аферист, выходец из России.

² До свидания (фр.).

назад. Поэтому я остался сидеть за столиком и вскоре увидел Эвелин Чейн.

Она прошла на террасу через дальний вход со стороны плас де ла Конкорд и, должно быть, видела, если не слышала, заключительную часть моей беседы с полицейским. Моей первой реакцией была мысль, что теперь я всегда буду выглядеть дураком в ее глазах. Заметив Эвелин на фоне темнеющего неба, я вздрогнул не от предчувствия, а скорее от удивления при виде ее и того, как она одета. Я даже был не вполне уверен, что это Эвелин.

Ее нельзя было назвать моим старым другом. До сих пор мы встречались только четырежды. У нее были темные волосы и карие глаза — не сочтите мою речь неподобающей, но о внешности Эвелин можно было сказать: о такой девушке мечтают солдаты, возвращаясь после трехнедельного пребывания под огнем. Однако она никогда бы не признала свое истинное *métier*¹. Эвелин утверждала, что хочет быть ценимой за свой ум, и я как дурак верил ей — или почти верил. Она «занималась политикой». Это означало, что Эвелин начнет карьеру как секретарь какого-нибудь говорливого члена парламента, потом будет избираться сама и со временем может стать такой же знаменитой, как леди Астор² (ужасная мысль!).

Она с такой холодной небрежностью говорила о прогрессе, служении человечеству, его будущем и тому подобных материях, которые я считал полнейшим вздором, что я не знал, чему верить. Эвелин бросала вызов природе, нося строгие костюмы и пенсне на цепочке.

Но все это было до того вечера в «Лемуане». Я увидел Эвелин такой, какой ей следовало быть всегда. Девушка на террасе была одета во все белое, включая кокетливую шляпку, а ее кожа отливала золотисто-кофейным оттенком, который так редко встречаешь в реальности. Карие глаза были устремлены на меня — их взгляд был бесстрастным, но рука нервно шелкала замком сумочки. Она подошла к моему столику, и я вскочил.

— Привет, Кен, — поздоровалась Эвелин так же холодно, как всегда.

¹ Призвание (*фр.*).

² А с т о р Нэнси Лэнгхорн (1879—1964), виконтесса, первая женщина — член парламента в Англии.

— Здравствуй, Эвелин.

После этого она произнесла так же серьезно:

— «Вел за корону смертный бой со Львом Единорог. Гонял Единорога Лев вдоль городских дорог...»¹

Если бы такое произошло со мной несколькими минутами раньше, я бы засмеялся или спросил, что она имеет в виду. Но это случилось слишком скоро после непонятной истории с полицейским. Я начинал чувствовать, что мои спокойные каникулы оборачиваются цепью невероятных событий, что стрелка компаса повернулась и я должен следовать ее направлению.

— Дай вспомнить, что дальше, — задумчиво промолвил я. — «Кто подавал им черный хлеб, а кто давал пирог, а после их под барабан прогнали за порог».

Эвелин облегченно вздохнула и села, все еще глядя на меня.

— Закажи мне выпить, ладно, Кен? — сказала она. — Знаешь, я ужасно рада, что это оказался ты.

— Я тоже рад нашей встрече, Эвелин. Не обидишься, если я скажу, что сейчас ты выглядишь именно так, как должна выглядеть?

Она не улыбнулась. Карие глаза продолжали разглядывать меня, а брови приподнялись, слегка наморщив лоб.

— Это большое облегчение, — вполголоса продолжала Эвелин. — Вероятно, мы должны сразу кое-что выяснить. Наша предыдущая встреча... ну, тогда все казалось неправильным, верно?

— Верно, — согласился я. — И это моя вина. Если бы я не делал замечания относительно твоих эстетствующих друзей...

Эвелин усмехнулась. В этот момент она была настолько привлекательна, что я едва сдержал восклицание.

— Я могла бы сразу ответить тебе, что думаю о моих эстетствующих друзьях, Кен, если бы ты хотя бы намекнул мне, что все еще состоишь на секретной службе. Но ты делал бесстрастное лицо каждый раз, когда я пыталась затронуть эту тему... Понимаешь, я должна была это знать. Я дошла до того, что

¹ Перевод Д. Орловской. Предполагают, что этот стихок появился в начале XVI в., когда шотландский король Яков VI стал английским королем Яковом I. В результате этого союза был составлен новый герб, где шотландский Единорог и британский Лев, соперничество между которыми длилось веками, поддерживают геральдический щит.

спросила Г. М., работаешь ли ты еще на него, но не получила ответа. Он ограничился двусмысленными замечаниями на мой счет — о том, что мне следует выйти замуж или еще что-нибудь... да, и проворчал о ком-то по имени Хамфри Мастерс¹. А теперь я перейду к делу и сообщу тебе...

Ее лицо вновь стало серьезным. Она быстро огляделась и сделала абсолютно ошеломляющее заявление:

— Сэр Джордж Рэмсен везет единорога в Лондон. Мы должны сегодня вечером быть в «Слепом», но я не знаю почему, так как сэр Джордж приедет в Париж.

— Хм... — произнес я. Стрелка компаса начала дико вращаться.

Эвелин порылась в сумочке.

— Сэр Джордж вчера прибыл в Марсель. Он пользуется регулярными авиалиниями, так как не доверяет частным самолетам. Сегодня есть два рейса «Эр-Юнион» из Марселя в Париж — сэр Джордж полетит вторым, который прибывает в Ле-Бурже в 21.15... Последние полученные мною инструкции предписывают тебе и мне поехать в гостиницу «Слепой» в паре миль за Орлеаном и быть там в одиннадцать вечера. Насколько я понимаю, сэр Джордж, прибыв в Париж, по какой-то причине должен сразу отправиться в эту гостиницу. Пароль — первые две строчки стишка про Льва и Единорога, а отзыв — его завершение. Это все, что мне известно. Каковы твои инструкции?

Чтобы выиграть время, я заказал еще два «Дюбонне» и сигареты для Эвелин, после чего начал медленно зажигать трубку. Конечно, вам легко говорить, что мне следовало не лезть в это дело и сразу признаться Эвелин: я не тот, с кем она должна встретиться в «Лемуане», тем более что в любой момент мог появиться настоящий агент. Но упрямство, свойственное человеческой натуре, не поддается доводам рассудка. Я упивался сложившейся ситуацией, не хотел отпускать от себя Эвелин, а кроме того, думал, что окажусь полезен секретной службе не меньше, чем, вероятно, куда менее опытный агент, которого они прислали. Поэтому я решил занять его место.

¹ Мастерс Хамфри — полицейский инспектор, персонаж романов Дж.Д. Карра с участием сэра Генри Мерривейла.

— И ты не знаешь, что означает слово «единорог»? — спросил я.

— Нет, и хочу услышать от тебя.

— Ну... дело в том, Эвелин, что я тоже этого не знаю.

Она уставилась на меня:

— Но где ты получил свои инструкции?

— От самого Г. М. А ты его знаешь?

Конечно, Г. М. слишком ленив, чтобы отправиться во Францию и разоблачить меня. Но теперь мне стало не по себе, и я проклинал себя за то, что ввязался в эту историю. Это была нечестная игра. Но, опять же повинаясь свойствам человеческой натуры, я утешал себя тем, что вскоре скажу ей правду.

— Очевидно, мы должны сравнить нашу информацию. Тебе известно хоть что-нибудь еще?

— Ничего, кроме того, что ты видел в газетах, — Фламанд говорит, что собирается лететь тем же самолетом.

— Фламанд! — воскликнул я и обжег пальцы спичкой.

— Да. Держу пари, Кен, что это беспокоило наше начальство еще до его угрозы. Вот что делает ситуацию такой опасной. Признаюсь, что мне страшно, но я чувствую себя лучше, зная, что ты рядом. — Эвелин откинула прядь темных волос и улыбнулась, но ее глаза оставались беспокойными. — О, я знаю, что Фламанд склонен к театральности и саморекламе, но, к сожалению, он всегда делает то, о чем предупреждает. Говорят, что Гаске на сей раз его прищучит. Но я в этом сомневаюсь.

— Послушай, — спросил я, на миг ослабив бдительность, — кто такие Фламанд и Гаске? Честное слово, о них не упоминалось в моих инструкциях. Я не шучу. Кто этот Фламанд?

Эвелин скорчила гримасу:

— По крайней мере, ты должен был читать газеты. Фламанд — самый колоритный преступник в современной Франции. А здесь любят колоритных преступников и хвастаются ими, даже отправляя их на гильотину. Эта дуэль обсуждается, как футбольный матч в Англии.

— Дуэль?

— Между супермошенником Фламандом и Гаске — старшим инспектором Сюрте¹. Не смейся, Кен. Такое не могло

¹ С ю р т е — французская уголовная полиция.

случиться в Англии, но происходит здесь. Это дико, фантастично, но это правда. — Серьезное лицо Эвелин обуздало мое веселье. — Никто не знает, как выглядит Фламанд. Но, за исключением самых близких ему людей, никто не знает и как выглядит Гаске — это его главный козырь. Ни один из них не является профессиональным лингвистом, но каждый безукоризненно владеет тремя языками — французским, английским и немецким. Каждый может выдать себя, например, за англичанина или американца и обмануть тебя или меня. К тому же оба настоящие хамелеоны, способные играть любую роль. Я не имею в виду парики, фальшивые бакенбарды и тому подобное. Но поскольку никто никогда не видел Фламанд достаточно долго, чтобы запомнить его лицо, ему ничто не мешает выдать себя за врача или адвоката...

— Или архиепископа, или балерину.

Эвелин сердито посмотрела на меня:

— Не говори так, Кен, пока не увидишь его досье. Прочитав его, ты вряд ли станешь шутить. А к твоим словам я отношусь вполне серьезно. Да, он может выдать себя за архиепископа, хотя едва ли за балерину. Понимаешь, хотя никто не помнит, как выглядит Фламанд, известно, что он довольно высокого роста и у него тягучий голос... — Она открыла сумочку и достала записную книжку. — Взгляни на это, и у тебя пропадет охота к шуткам.

Ее слова невольно произвели на меня впечатление.

— Послушай, Эвелин, даже выдающиеся мастера маскировки не могут одурачить человека достаточно опытного. Но ты говоришь, что этот человек — убийца...

— Я так не говорила, Кен. Но ведь ты меня не опровергаешь? Значит, ты читал статью в утренней газете об убийстве в Марселе? Вскоре Фламанд заявит права на него. Я знаю, что именно он совершил это преступление, хотя ничто не связывает его с ним. Впервые он был вынужден убить человека. Фламанд... — Она оборвала фразу и уставилась на меня. — Но почему ты использовал слово «убийца», Кен? До вчерашнего дня Фламанд никого не убивал. И в этом преступлении его не подозревают. Кто сказал тебе, что он убийца?

— Полицейский, — ответил я и тут же умолк.

Куда делся этот полицейский с моим паспортом?

Глава 2

КРАСНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Вероятно, это было совпадение, но оно заставило меня вздрогнуть и окинуть взглядом рю Руаяль с новым интересом. Я не собирался ничего рассказывать Эвелин, пока не буду уверен полностью.

— Всего лишь сплетни, — произнес я небрежным тоном. — Полагаю, ему хотят пришить все, включая убийство... Но что за история с убийством в Марселе?

Было странно задавать такой вопрос Эвелин Чейн — новичку в департаменте Г. М. Она достала записную книжку, в которой лежала вырезка из газеты.

— Я вырезала статью из сегодняшней «Пари-Миди». На первый взгляд она не связана с Фламандом, но тут есть кое-что, имеющее отношение к нашей работе. Это выглядит скверно, Кен. Не хочу верить, что мы окунулись в мир ужасов и сказочных чудовищ. Прочти.

«Ужасная и таинственная трагедия произошла прошлой ночью в Марселе, в парке возле Променад дю Прадо. Полицейский, патрулировавший аллеи после наступления темноты, увидел человека, который сидел прислонившись к подножию фонаря у фонтана Оша. Полицейский подошел к нему, думая, что мужчина пьян, но обнаружил, что тот едва жив в результате страшной раны между глазами.

Одежда жертвы была разорвана, тело покрыто ссадинами, а правая рука сломана. Рану сначала приняли за пулевую, так как в черепе было отверстие, форма и размер которого наводили на мысль о выстреле из крупнокалиберного револьвера.

Раненого повезли в больницу Святой Девы, но он умер в машине «скорой помощи». Дважды он пытался заговорить, но смог произнести лишь одно слово по-английски. Доктор К.С. Мелисс, владеющий этим языком, сообщил нам, что то было слово «единорог».

За этим последовало удивительное открытие: рана в голове несчастной жертвы не является огнестрельной. Никакой пули найдено не было. Оружие проникло в мозг на глубину четырех дюймов.

Поблизости не нашли подобного оружия. Доктор Мелисс утверждает, что вонзить острие в голову на такую глубину и вытащить его снова не в человеческих силах. Он также заявил, что не знает огнестрельного оружия, способного нанести подобную рану, и добавил как бы в шутку, что ее мог причинить только длинный и острый рог животного».

Я посмотрел на Эвелин, которая ответила мне серьезным взглядом испуганного ребенка. В сумерках ее лицо казалось белым пятном позади красного кончика сигареты. Уличные фонари уже горели среди деревьев, и весь Париж казался освещенным луной. Вдалеке слышались раскаты грома — приближалась гроза.

«Насколько мы понимаем, эти заявления подтвердил, хотя и с некоторой осторожностью, доктор Эдуар Эбер — полицейский врач департамента Буш-дю-Рон. Нам также сообщили, что находки доктора Эбера столь удивительны, что он собирается отправиться в Париж для консультации с медицинским отделом Сюрте.

В соответствии с его паспортом мертвец был опознан как месье Гилберт Драммонд, лондонский адвокат. Брата мистера Драммонда, также проживающего в Лондоне, уведомили о печальном событии. Месье Драммонд остановился на три дня в Гранд-отеле, прибыв в Марсель из Парижа.

Нам сообщили, что полиция располагает важной уликой».

— Единорог... — промолвил я, чувствуя, как у меня холодеет внутри. — Единорог — сказочное животное, Эвелин, но этот, похоже, не вполне сказочный. Гилберт Драммонд был как-то связан с нашей работой?

— Насколько я знаю, нет.

— А при чем тут Фламанд?

— Вчера вечером он отправил записку в «Ле Журналь», которая была опубликована сегодня утром. Все газеты ее перепечатали, а сегодня вечером пришла записка от Гаске. Письмо Фламанда было отправлено из Марселя в пять часов вечера. Могу пересказать его слово в слово: «Меня интересуют странные животные. Завтра, дорогие друзья, я буду среди

пассажиров самолета Марсель—Париж, прежде чем он достигнет места назначения. *Фламанд*».

— А как насчет детектива?

Она улыбнулась:

— Гаске тоже не чужд театральности. Его записка напоминает комментарий, нацарапанный на доске объявлений: «Я тоже там буду, дорогие друзья».

Я усмехнулся, и мы оба почувствовали себя лучше.

— Ее тоже отправили из Марселя?

— Не знаю. Об этом не сообщалось — журнал старается подыгрывать Гаске. Но, несомненно, это так. Он ведь мог телеграфировать, только услышав новости о первой записке. Странное дело, не так ли? И эта ужасная история с Драммондом...

— Давай будем благоразумны. Ты же не можешь всерьез полагать, будто сэр Джордж Рэмсен таскает за собой единорога, который сбежал и прикончил этого беднягу в парке?

— Нет, но... Говорю тебе, за этим убийством стоит Фламанд! Не спрашивай, почему я так думаю и какие у меня доказательства. Я просто знаю, что это его рук дело! — Она стиснула кулаки. — Конечно, больше никто не обратил внимания на статью в «Пари-Миди» и не стал связывать ее с Фламандом.

— Вероятно, по веской причине. Ты сама говоришь, что он никогда не был известен как убийца.

Эвелин приподняла бровь. Сигарета вспыхнула и погасла.

— Логика на твоей стороне. Я не собираюсь ссылаться на инстинкт или женскую интуицию. Конечно, у меня есть свои предположения, иначе я бы не работала в секретной службе. Но на сей раз от них мало толку. Я лишь знаю, что это какой-то кошмар... А если говорить о логике, то зачем Фламанду нужен единорог?

Я напомнил, что Фламанд об этом не упоминал, а только сообщил, что будет в том самолете. В любом случае было приятно убедиться, что мое приключение с полицейским и потерянным паспортом всего лишь совпадение. Если Фламанд намеревался лететь вместе с сэром Джорджем Рэмсденом, он бы не расхаживал по Парижу в полицейской форме, что вообще выглядело чепухой, как, впрочем, и все дело... Эвелин вернула меня к действительности:

— Сейчас половина девятого, а в одиннадцать мы должны быть в этой гостинице. До Орлеана семьдесят пять миль, так что нам лучше выехать сразу. Мой автомобиль снаружи с полным баком и картой. Ты упаковал чемодан? Мы ведь можем и не вернуться этой ночью.

Я поспешно объяснил, что остановился в «Крийоне» за углом и могу собраться в одну секунду. Но это ставило крест на поисках чертова паспорта. Под предлогом расчета я отвел официанта в сторону и объяснил мои затруднения. Он знал номер полицейского, хотя не знал его имени, и сказал, что легко может вернуть паспорт. Я дал ему стофранковую купюру, пообещав еще одну, когда паспорт доставят в мой отель. Знает ли он полицейского в лицо? Не вполне, но...

Теперь я окончательно ввязался в авантюру. Это стало ясно, когда я сел в двухместную машину Эвелин с мощным мотором и мы начали пробираться через сигналящий транспорт по *плас де ла Конкорд*. Что, если сказать ей правду? Очевидно, с ее инструкциями было что-то не так. Где агент, с которым она должна была встретиться на террасе «Лемуана»? Там находилось несколько человек, но я мог бы поклясться, что никто из них не был британцем. Итак, я шагнул в брешь, но крепость выглядела мрачной и таинственной...

Она стала выглядеть еще мрачнее, когда я просматривал досье Фламанд, упаковывая в отеле чемодан. Эвелин перечислила все факты, невольно вызвав мое восхищение. Хотя до сих пор за Фламандом не числилось ни одного убийства, дважды он едва не избил жертву до смерти. Несмотря на склонность к театральности, Фламанд знал свое дело. У него были железные нервы, ироническое чувство юмора и ум, чей блеск давал себя знать в неожиданной простоте наносимых им ударов. Ни один сейф не являлся для него препятствием, но даже ребенок мог бы применить его методы взломщика, если бы додумался до них. Фламанд наносил два визита сейфу, который намеревался обчистить. Первой ночью он всего лишь удалял диск на комбинационном замке и возвращал его на место, поместив под него кружок тонкой белой бумаги размером меньше диска. Днем сейф должны были открыть минимум однажды или дважды. Следующей ночью Фламанд возвращался туда, удалял бумагу и изучал вмятины, оставленные действием механизма, откры-

вающего сейф. Это сообщало ему комбинацию, и он мог спокойно открыть сейф, не оставляя следов и ставя в тупик Сюрте. Таким образом Фламанд похитил двести тысяч франков из сейфа банка «Лиль Кредит Лионне», комбинацию которого знал только управляющий. Он проник в офисы крупнейшей парижской фирмы, производящей сейфы и хвастающей тем, что они недоступны для воров, и открыл все сейфы в демонстрационном зале, прежде чем обчистить президентский сейф, где хранился миллион в облигациях.

Именно Фламанд впервые использовал для открытия сейфа термит — химический препарат из алюминиевого порошка, окиси железа и порошка магнезии, который можно было пронести в спичечном коробке, но который, будучи помещенным на крышку сейфа, создавал температуру две тысячи градусов, расплавляя любой металл под ним. Именно Фламанд первым применил микрофон для прослушивания реверсивного механизма. Именно Фламанд украл изумруды де Рейтера в Антверпене и смог вывезти их из страны, несмотря на полицейский кордон по всей границе, спрятав их под шерстью черного ньюфаундленда в свите короля Бельгии.

Я мог лишь мельком просмотреть записки Эвелин, но благодаря им перед мысленным взором возникала фигура, комбинирующая две латинские крайности: любовь к дерзким театрализованным выходкам и сатанинскую жестокость. Один полицейский комиссар негодовал на тупость своих коллег, до сих пор не поймавших Фламанд. Покуда он негодовал, в участок вошел «рабочий» забрать мебель для ремонта и удалился с любимым креслом комиссара на глазах дюжины полицейских. Таким же образом Фламанд украл из зала суда часы, когда вышеупомянутый комиссар давал показания на процессе. Но тот же Фламанд едва не убил сторожа в Монте-Карло, заставшего его во время очередного рейда.

Чем больше я читал, тем сильнее убеждался, что у меня были основания подозревать Фламанд в краже моего паспорта. Конечно, это с таким же успехом мог быть и Гаске, но я бы хотел увидеть дуэль между Фламандом и сэром Генри Мерривейлом. Фламандом нельзя было не восхищаться. В то же время я, по личным причинам, отдал бы правую руку за то, чтобы одержать над ним верх.

Когда я спустился, гроза уже бушевала над белым лесом фонарей на плас де ла Конкорд. Париж лишился вечернего мерцания под потоками ливня, сопровождаемого сверканием молний. Это не походило на обычную весеннюю грозу, а нам предстояла семидесятипятимильная поездка. У меня были международные права, поэтому я сел за руль. Мы проехали по мосту Инвалидов и выбрались из Парижа через Версальские ворота. Пробираться сквозь гудящий транспорт было нелегко, и мы оба молчали, прислушиваясь к мерному шарканью «дворников» на фоне шума дождя.

— Ты все прочитал? — заговорила наконец Эвелин, сняв шляпу и надев плащ.

— Да.

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Фламанд — опасный тип. Меня беспокоит, является ли этот Гаске адекватным его противником.

Засмеявшись, Эвелин плотнее задернула боковую занавеску и откинулась назад так, что свет щитка отразился в ее глазах. Казалось, она удобно расположилась в кресле у камина.

— Думаю, что да. Ты сомневаешься потому, что прочитал только об одном участнике поединка. Если бы ты слышал о Гаске, то без колебаний сделал бы ставку на него. Сейчас у меня нет времени вдаваться в подробности — нам слишком многое нужно обсудить, — но его называют «усмехающимся Гаске». Он арестовывает убийцу с эпиграммой на устах и вежливо кланяется перед выстрелом. Гаске любит театральные эффекты не меньше, чем Фламанд, так что это будет битва гигантов. Знаешь, Кен...

— Ну?

— Если бы у меня не было ощущения, что все это куда опаснее, чем мы думаем, я бы этим наслаждалась. Мы едем по темной дороге, никто не знает, куда, почему и когда мы вернемся. Но почему все так таинственно? Ни ты, ни я понятия не имеем, что нам предстоит делать, и я даже не уверена, что это знает Г. М. Почему сэр Джордж Рэмсен должен приехать в Париж и сразу же мчаться в захудалую гостиницу под Орлеаном?.. Насколько я смогла выяснить, он важная шишка в министерстве иностранных дел. Ты его знаешь?

Я хорошо знал Рэмсдена. Он был известен как баронет-спортсмен, но немногие знали, как близко он связан с министерством иностранных дел. Рэмсден был одним из тех подкованных дипломатов, которые работали как бы без официальной санкции и приносили империи куда больше пользы, чем все пышные мероприятия в посольствах за рубежом. Внешне он являлся полной противоположностью чопорному субъекту, служившему идеалом дипломата, который пыжится из всех сил, стараясь впечатлить другие нации и вызывая лишь неприязнь к Британии. Рэмсден был маленьким, толстым и вспыльчивым, с манерами карикатурного полковника. Он любил женщин, виски, баккара и все виды спорта, но при этом мог быть британцем с британцами, мусульманином с мусульманами и, насколько я знаю, зулусом с зулусами, потому что знал свое дело. Если сэру Джорджу доверили привезти единорога в Лондон, значит, этот единорог был чертовски важен.

— В таком случае, — добавил я, — мне кажется, мы пренебрегаем очевидной нитью к тому, что замышляет Уайтхолл. Вчера Рэмсден прибыл в Марсель. Откуда? Где он был до того?

— В Афинах.

— В Афинах? Там какие-то неприятности?

Эвелин задумалась.

— Много неприятностей, но никаких, которые касались бы нас или, насколько мне удалось выяснить, Рэмсдена. Всем известно, что в Афинах он был на каникулах.

Мы снова умолкли. Мне приходилось следить за мощеной дорогой, проходящей через деревни вдоль реки справа. Гроза не только не уменьшалась, а, напротив, усиливалась.

— С такой скоростью мы никогда не доберемся, — сказала Эвелин. — Не мог бы ты подстегнуть машину?

Я попытался. У Версальского дворца мы свернули налево и выехали на асфальтированную дорогу, которую тоже буквально заливал дождь. Молнии освещали два бесконечных ряда тополей, черневших на фоне неба. На дороге не было никого, кроме красного «вуазена», который обогнал нас около Рамбуйе с невероятной скоростью, вызвав подозрения Эвелин. Но в лесу мы его потеряли из виду, или же он свернул. Мы поехали по шоссе в направлении Шартра, что казалось мне круглым путем.

Эвелин сказала, что не может найти на карте эту дорогу, но она выглядела прямой и благоустроенной, несмотря на узость. Выехав из леса, мы увеличили скорость и помчались вниз по склону холма. Справа находился овраг.

— Осторожно! — крикнула Эвелин.

Из-за поворота вылетел красный «вуазен» и остановился поперек дороги тридцатью футами впереди нас. Кто-то размахивал фонарем. Я нажал на тормоз, но машину занесло на скользкой дороге сначала влево, потом вправо, пока она не остановилась, упершись задними колесами в насыпь перед оврагом. Я посмотрел на Эвелин — она смертельно побледнела. Мотор заглох, и тишину нарушали только шум дождя и наше тяжелое дыхание.

— Одну минуту, пожалуйста, — произнес кто-то голосом вежливого секретаря.

Чья-то рука скользнула под боковую занавеску и повернула ручку дверцы.

Глава 3 НА ОРЛЕАНСКОЙ ДОРОГЕ

Будучи во Франции, мы ехали по правой стороне дороги, поэтому я, сидя за рулем, оказался ближайшим к руке. Прежде чем я успел шевельнуться, дверца со скрипом открылась. Я видел только силуэт на фоне дождя и черных деревьев и расплывчатое пятно вместо лица, когда человек шагнул назад к насыпи. Но мне показалось, что я узнал голос, хотя его приглушал дождь и французские слова звучали нечетко.

— Что это значит, черт возьми? — крикнул я по-английски.

— Англичанин, — отозвался голос на том же языке, и если в нем звучало облегчение, то оно сразу исчезло. — Кто вы и что здесь делаете?

Голос говорил на превосходном английском. Краем глаза я посмотрел на красный автомобиль. Он не полностью преграждал дорогу, и слева можно было проскочить мимо.

— Вопрос в том, кто вы, — ответил я, — и почему вы пытаетесь устроить автомобильную катастрофу?

— Кто бы я ни был, — сказал мужчина, — у меня имеются полномочия от французской полиции. Два полицейских ждут впереди в той машине.

Он говорил так спокойно, что на мгновение я почти поверил ему. Потом мужчина шагнул вперед, и я увидел, что он что-то держит в руке.

— Выходите из автомобиля. Я хочу взглянуть на ваш паспорт.

— Сегодня утром я уже предъявлял паспорт. Этого недостаточно?

— Выйдите из машины.

Он подошел ближе, и свет щитка блеснул на черном металле в его руке. Но ему не следовало этого делать, так как я увидел, что его оружие слишком похоже на жестянку. Если бы он нажал на спуск этого маленького пистолета, поднялась бы крышка рукоятки, и ничего более. Фактически нам угрожали портсигаром. Но передо мной на расстоянии вытянутой руки стоял Фламанд.

Я далеко не храбрец, но, когда мне в грудь направляют игрушечный пистолет, могу посоветовать даже Фламанду окунуть голову в Луару. Г. М. и я обычно посмеивались над триллерами, в которых бесстрашный герой бросается на целящегося в него противника — такое не могло прийти в голову никому за пределами сумасшедшего дома. Но эта ситуация была принципиально иной. Сначала нужно было выяснить, что намерен делать незнакомец. Покуда я покорно вылезал из автомобиля, Эвелин великолепно изображала негодующую туристку.

— Слушайте, приятель, — обратилась она к мужчине, который осветил фонарем верх нашей машины. — Даже в стране, кишашей нежелательными иностранцами, это худшее оскорбление, о котором когда-либо докладывали британскому консулу. Мой кузен и я едем в Орлеан...

— Вы тоже выходите, — прервал незнакомец тем же бесстрастным тоном, который начал казаться мне жутким. — Стойте рядом с ним, но не слишком близко, и держитесь оба на свету. А вы, — он посмотрел на меня, — поднимите руки.

В его голосе звучало усталое презрение. Во мне начал закипать гнев, но я повиновался. Дождь бил нам в лицо, а незнакомец снова включил фонарь, направив луч нам в глаза. Обе

его руки были заняты. Мне казалось, что он говорит замедленно, как будто держит во рту что-то, затрудняющее речь.

— Теперь отвечайте. Кто вы?

— Кенвуд Блейк из Лондона. Я импортер чая. — Не знаю, почему это занятие пришло мне в голову.

— Вы выдаете себя за сотрудника отдела С-5 британской разведывательной службы?

— Нет.

— Что вы делали этим вечером в «Лемуане»?

— Выпивал.

— Вы пожалеете о том, что так говорите. — Теперь в голосе слышались нотки ярости, но речь по-прежнему что-то тормозило. Он обратился к Эвелин: — Пошарьте у него в карманах и дайте мне его паспорт, если таковой у него имеется. Если нет, мы отвезем его в Орлеан и там им займемся. Не спорьте со мной. Делайте, что вам говорят!

— Откуда мне знать, где он хранит свой паспорт? — осведомилась Эвелин. — Я порядочная женщина.

Луч фонаря сразу устремился на нее.

— Заткнитесь, проклятая предательница! — прошипел незнакомец.

И тогда я бросился на него, как игрок в регби, старающийся отобрать мяч у противника.

Должно быть, он подумал, что я спятил. Дело в том, что пистолет был настоящий. Я обнаружил это, когда двумя дюймами выше моего уха грянул выстрел и вспышка обожгла поля моей фетровой шляпы.

О дальнейшем у меня сохранились смутные впечатления. Я услышал, как пуля угодила в нашу машину со звуком, какой бывает, когда протыкаешь консервным ножом крышку банки с горохом, прежде чем мое плечо ударило противника выше колена и он инстинктивно отскочил к оврагу. Луч фонаря осветил ему лицо, и я увидел, как у него во рту блеснул серебром какой-то предмет, который он едва не проглотил. Это был полицейский свисток, скользящий к краю рта, издав жалобное чириканье.

Потом что-то ударило меня по голове, деревья перевернулись вверх ногами, и мы оба свалились через насыпь в овраг, покотившись по дну. Что-то натягивалось и рвалось под нами,

как струны, а еще что-то ударило меня по голове, прежде чем мы налетели на какое-то бревно. Освободившись, я с трудом поднялся на колени. Сквозь звон в голове у меня мелькнула ужасная мысль.

Бандиты не носят полицейские свистки. Господи, кто же этот парень? И где полиция?

Отчасти унять головокружение и усмирить пчелиный улей в голове помог свет фонаря, который валялся возле бревна, позволяя разглядеть моего противника. Он лежал на спине с открытым ртом и в съехавшем набок котелке.

Я подобрал фонарь — при этом все снова закружилось перед глазами — и направил луч на незнакомца. К счастью, он не был мертв и даже не пострадал, если не считать шишки на голове от оглушившего его удара о бревно. Мои мысли вернулись к свистку, который он, слава богу, не проглотил. Кто же этот человек? Его румяное лицо было испачкано грязью, которую смывал дождь, все еще хлещущий по растущим в овраге березам. Массивное квадратное лицо с торчащими скулами и щеткой усов казалось английским. Почему же он сказал «проклятая предательница»?

Потом я увидел под распахнувшимся плащом то, что выпало из его внутреннего кармана. Это был маленький сероватый клочок бумаги, свернутый в трубочку, который мой противник обмотал вокруг авторучки и прикрепил зажимом колпачка. На клочке были белый крест на голубом фоне, номер, имя шефа и печать министерства иностранных дел, но подделать все это было невозможно, так как любой сотрудник секретной службы узнает клочок по фактуре, как банковский клерк узнает подлинный банкнот. Значит, этот человек служит в британской разведке.

Внезапно я понял, что именно с ним Эвелин должна была встретиться в «Лемуане», и когда он увидел, как я ухожу с ней... Боже, какая неразбериха!

Как вы понимаете, все это было делом нескольких секунд. Я едва успел перевести дух, как услышал сквозь шум дождя голоса наверху. Над моей головой протянулись белые лучи двух фонарей. На фоне света фар нашего автомобиля бежали две фигуры в фуражках и коротких плащах полицейских. Мой противник говорил правду — два полицейских ждали в крас-

ном автомобиле и теперь искали меня. К их несчастью, они не могли найти место, где мы свалились в овраг, а так как с дороги он казался черной бездной, то, вероятно, боялись прыгать через него. Никакие объяснения мне не помогут — нужно как можно скорее убираться отсюда. О моем противнике позаботятся полицейские, когда мне удастся от них отделаться, но Эвелин надо забрать. Пусть садится в машину и уезжает, пока я буду избавляться от преследователей. Но где она?

— Ты цел? — послышался тихий голос совсем рядом. — Ты не пострадал? Ш-ш! Я проскочила в овраг следом за тобой, иначе они бы меня схватили.

Эвелин проскользнула мимо лежащего без сознания моего противника и схватила меня за руку.

— Выключи фонарь, Кен! Не знаю, в чем дело, но мы, кажется, совершили какую-то ужасную ошибку. Мы... Смотри! Они увидели свет!

— Держись за мою руку, и постараемся выбраться... Нет, подожди! Встань рядом с телом. Я отвлеку их фонарем, а когда они погонятся за мной, вылезай наверх и уезжай в машине. Не спорь, черт возьми! Если я не смогу убежать от них, то укрою их автомобиль и поеду за тобой.

Я помчался среди белых берез, при этом крики и свет фонарей следовали за мной по краю оврага. Обернувшись, я направил в их сторону луч своего фонаря.

— У-ух! — заухал по-совиному некогда респектабельный мистер Блейк. — *Suivez mois¹*, вы, тупицы! *Vive le crime! À bas la police!²*

Ответные крики показали, что провокация достигла цели. Собравшись с духом, полицейские прыгнули в овраг. Один из них споткнулся, но другой приземлился удачно. Я поставил фонарь между ветками дерева лицом к полицейским, как будто меня загнали в тупик, потом пригнулся как можно ниже и издал чревовещательный вопль, перекрывая шум дождя:

— *Halte là ou je tire!³*

У этих ребят были стальные нервы. Не испугавшись угрозы, они устремились напрямик на маяк. Я надеялся, что они

¹ За мной (фр.).

² Да здравствует преступление! Долой полицию! (фр.)

³ Стойте, или буду стрелять! (фр.)

начнут стрелять и погасят фонарь, прежде чем обнаружат, что меня за ним нет. Один из них выстрелил, и пуля срезала ветку. К тому времени я уже карабкался вверх, как обезьяна. Упавшая у бревна фигура, когда я споткнулся о нее, шевельнулась, но не смогла мне помешать.

Эвелин не уехала. Она сидела за рулем своего автомобиля, уже заведя мотор, когда я плюхнулся рядом и захлопнул дверцу. Покуда я переводил дыхание, мы проехали мимо красной машины и помчались по дороге.

Все было как в прежние дни, если не считать моего скверного состояния. Я держался за левый бок и пытался между стонами говорить.

— Почему ты не уехала?

— Почему не уехала? Это мне нравится. Кроме того, как бы ты последовал за мной? Во всяком случае, не в этом красном «вуазене».

— Почему?

— Ну, у того типа, которого ты нокаутировал, остался в руке пистолет. Я забрала его и всадила пулю в каждую шину красного автомобиля. Ты ведь не хотел, чтобы они следовали за нами, верно? Теперь им это не удастся. Пистолет на сиденье позади тебя.

— Ты прострелила им шины? Ой!..

— Почему ты сказал «ой»? Я знаю, что мы совершили ошибку и что ты, по-видимому, нокаутировал полицейского. Но особого вреда мы не причинили, и они все равно не смогут нас поймать. — В ее голосе слышалось ликование. — Кен, это было грандиозно! То, как ты бежал через кусты с криком «Vive le crime!» и... Знаешь, они, вероятно, подумали, что ты Фламанд.

Выходит, это ее радует. Я повернулся и посмотрел на сидящую за рулем Эвелин. Она не совсем промокла, так как по-прежнему была в плаще, но выглядела крайне неопрятно. Подняв грязную руку, Эвелин откинула мокрые волосы с глаз, сверкающих от удовольствия; время от времени она вскидывала голову, словно в такт приятной мелодии. Но я был вынужден сообщить ей весьма неприятную правду.

— Слушай, — начал я, собравшись с духом. — Мне нужно кое-что сказать тебе. Положение куда серьезнее, чем ты дума-

ешь. Ты знаешь, как выглядит удостоверение сотрудника секретной службы? Так вот... э-э...

Эвелин с триумфом посмотрела на меня:

— Я знаю, что ты собираешься сказать. Можешь поблагодарить меня за то, что я спасла твою шкуру. Ты хочешь сказать, что во время драки с этим парнем удостоверение выпало у тебя из кармана и ты считаешь, что потерял его. Но оно упало рядом с этим типом, и я подобрала его, когда ты отошел. Вот оно. — И Эвелин предъявила авторучку настоящего агента с серой бумагой под зажимом.

Это был конец.

— Интересно, — пробормотал я, когда обрел способность говорить связно, — он не видел, как ты нашла и подобрала удостоверение? Или он еще не пришел в себя?

— Уже приходил, а свет фар автомобиля на дороге был достаточно ярким, чтобы это разглядеть. Я боялась, что он схватит меня или погонится за тобой. Поэтому я просто огрела его по башке рукояткой пистолета, и он снова отключился.

Я ничего не сказал — говорить было нечего. Глядя на забрызганное ветровое стекло, я пошевелил ногой, услышав, как вода хлупает в ботинке, и попытался осмыслить ситуацию. Прежде всего, тот полицейский в кафе был настоящим полицейским, который действительно совершил оплошность с моим паспортом. Но мне повсюду мерещился Фламанд, и в результате мы наделали целую кучу чудовищных ошибок. Я напал на сотрудника разведки его величества и нанес ему травму. Эвелин украла его удостоверение, а когда он начал приходить в себя, ударила по голове его же оружием. Досталось и французской жандармерии. Шины полицейского автомобиля были пробиты пулями, оставив трех человек без транспорта в нескольких милях от города под проливным дождем.

Из этого можно было сделать два вывода. Первый: считали ли они меня Фламандом (что было вполне вероятно) или нет, мы вскоре станем объектом величайшей полицейской охоты со времен Ландрю¹, поэтому нужно принять срочные меры. Второй: я так глубоко погряз в этом, что вынужден вести игру даль-

¹ Л а н д р ю Анри Дезире (1869—1922) — знаменитый французский убийца, казненный после громкого процесса.

ше. Сейчас я не могу все объяснить Эвелин. Поэтому мне остается только взять удостоверение и быть агентом разведки, куда миссия «Единорог» не будет завершена.

Хотя мне не нравились облик и манеры настоящего агента, это был вопрос личной антипатии. Обман можно устроить с помощью удостоверения. Эти карточки не похожи на паспорта — в них нет ни имени, ни фотографии, ни описания. Даже в том невероятном случае, если мы встретим кого-то из начальников отдела, — всего их восемнадцать, и в карточке они обозначены буквой, за которой следует номер агента, — самозванство будет разоблачено только в случае встречи с непосредственным шефом этого парня. Я приободрился, ощущая дух прежних дней.

— Конечно, им придется идти пешком, — говорила Эвелин. — А мы выехали значительно раньше, чем они смогут поднять тревогу. От места столкновения около двух километров до моста через Луару. Должно быть, мы уже рядом с ним. Орлеан — на противоположном берегу, километрах в четырех вверх по реке. Когда они пересекут Луару, то направятся либо в Орлеан, либо по нашим следам, пока не найдут телеграф. Взгляни еще раз на карту. Возле нашей гостиницы нет деревни, верно? Тогда где им искать телеграф и телефон? Если они зайдут в гостиницу...

Возле нескольких точек на карте с надписью «Bois de la Belle Sauvage»¹ Эвелин нарисовала крест, обозначающий гостиницу. Похоже, она находилась в пустынном районе Орлеаннуа, где на значительном расстоянии не было ни одной деревни.

— Вряд ли в нашей гостинице есть телефон, — сказал я, — но они могут зайти туда, чтобы спросить о нас. Если мы не подкупим кого-нибудь и он не скажет, что нас там нет...

Я проклял себя за тупость. Ведь в гостиницу направлялись не только мы, но и настоящий агент! Он, как и Эвелин, получил указание явиться туда. Мы не могли избежать встречи с ним. А если я обвиню его в самозванстве, полиция подтвердит его личность...

— Кен!

Я оторвался от размышлений, услышав крик Эвелин и почувствовав, что машину опасно заносит.

¹ Лес Прекрасной дикарки (фр.).

— Ты должен взять руль! Я не могу справиться с дорогой. Мы свалимся в воду или...

Но на извилистом спуске с холма мы не могли поменяться местами.

— Не пытайся переключать скорость, — сказал я. — Сними ногу с тормоза, пока мы не спустимся с холма. Там ты сможешь остановиться...

— Ладно. Но ты ничего не слышишь?

— Похоже на шум воды. Ты сказала, что мы рядом с рекой.

— Нет-нет! Позади нас. Похоже на мотор. Разве ты не слышишь? Что, если им удалось поймать машину?

Я открыл дверцу и выглянул наружу. На секунду дождь ослепил меня, но так или иначе смотреть было почти не на что. Мы спускались мимо лугов к реке, чье бурное течение слышалось впереди. Справа на некотором расстоянии я разглядел среди деревьев огни. Очевидно, там находилось большое здание, но, как ни странно, огни как будто отражались в воде. Правда, Эвелин упоминала о замке на острове. Я высунулся вперед, чтобы посмотреть налево поверх капота. Вдалеке на противоположном берегу реки мерцал свет. Это был Орлеан. А сейчас мы мчались к мосту, местонахождения которого не знали.

Теперь я мог слышать мотор, но это был не автомобиль. Прерывистый тарахтящий звук раздался у нас над головой так близко, что я невольно пригнулся. Пассажирский самолет находился в двухстах футах над нами, и у него явно были неприятности. Сначала я разглядел красный огонек левого крыла, потом он исчез за черным корпусом.

— Надеюсь, мы сможем остановиться, не перевернувшись, — спокойно заговорила Эвелин. — Впереди нет моста.

Это была правда. Мы уже очутились в воде, так как река вышла из берегов. Грязная полоса дороги обрывалась у бреши в белом парапете, который захлестывали бурные воды Луары. Но мы избежали холодной ванны, потому что вода сама задержала нас. Автомобиль послал вперед две волны, которые откатились назад от парапета, прежде чем колеса увязли в грязи и перестали вращаться. Фары освещали брешь. Теперь было ясно, почему инструкции предписывали Эвелин ехать по основной дороге, а не по этому спрямляющему спуску. Мост

здесь существовал только в воображении составителей карты. Мы видели стальные кабели паромов, но самой баржи на этом берегу не было. Объявление на доске гласило, что паром прекращает функционировать в 19.00.

Мы оказались в западне. Впереди была река шириной в добрых двести ярдов. Единственная дорога вела назад, туда, где находились преследователи. Помимо того, что наш карбюратор залило, требовались еще одна машина и канат, чтобы вытащить нас из трясины, в которой мы увязли. Парни в красном автомобиле загнали нас в тупик.

— Не знаю, что делать, — с истерическим смехом сказала Эвелин. — Ты умеешь плавать?

— Да. Но посмотри на течение.

— Ну а я не умею. И не поплыла бы, даже если бы умела. Для этого нужно слишком много героизма. Давай взглянем фактам в лицо. Мы не попадем в гостиницу. Мы даже не можем вернуться и бросить вызов. Я хочу только принять горячую ванну и переодеться.

— Мы не должны сдаваться. Поблизости есть замок. А если они едут по нашим следам...

— Они уже здесь, — прервала Эвелин.

Я пинком открыл дверцу и шагнул в воду, которая стояла выше нашей подножки. Сначала я надеялся, что это может быть снова звук самолета, но по дороге ехал автомобиль. Его фары вынырнули из-за поворота, и он мчался к нам со скоростью, вдвое превышавшей нашу. Я судорожно глотнул.

— Ну и как же нам поступить? — осведомилась Эвелин, успев взять себя в руки. — Конечно, у нас есть пистолет. Но я не вижу, чем нам поможет убийство пары полицейских... погоди! — Она тоже выскользнула из машины. — Возможно, они не знают, что тут нет моста, и просто видят нас. Если мы высунемся и помашем им, они могут промчаться мимо нас в реку или хотя бы увязнуть в грязи, и тогда мы снова будем на равных.

Лично я не видел особого этического различия между выстрелами в полицейских и утоплением их. Но сейчас было не до различий — приходилось повиноваться инстинкту. Сев в машину, я высунулся в окошко и начал кричать и махать рукой.

Мои жесты возымели прямо противоположный эффект. Водитель, очевидно, расценил их как предупреждение или во-

время заметил брешь в парапете. Я не знаю точно, что произошло, так как меня слепили фары. Потом раздался скрежет, машина промчалась мимо, фары повернулись и застыли, а приливная волна хлынула на нас. Колеса увязли в трясине, когда автомобиль находился всего в нескольких футах от бреши. Но я успел разглядеть, что это такси «ситроен» и что в нем находятся только двое, ни один из которых не походил на наших преследователей. Машина остановилась почти боком к нам. На заднем сиденье кто-то размахивал кулаком, потом боковое окошко со стуком опустилось.

— Что вы тут вытворяете, черт возьми? — рявкнул по-английски знакомый голос. — Вы пытались убить меня! И это в благодарность за мои старания...

Моргая округлившимися глазами за стеклами очков, изпод съехавшего набок древнего цилиндра на нас уставилось свирепое лицо сэра Генри Мерривейла.

Глава 4

СТАРЫЙ ДРУГ

Г. М. избежал утопления буквально чудом, и мы с Эвелин ощутили угрызения совести. Но моим главным чувством было облегчение, несмотря на то что мы столкнулись с единственным человеком, способным меня разоблачить. Г. М. изрыгал страшные угрозы, но его приступы ярости, когда он находился словно на грани апоплексического удара, всегда оканчивались обычным ворчанием.

— Кто здесь? — осведомился Г. М. — Эвелин Чейн, не так ли? Или я всю дорогу из Парижа следовал не за тем, за кем надо? Говорите же, черт бы вас побрал!

— Здравствуйте, Г. М., — кротко произнесла Эвелин.

— Привет, Майкрофт¹, — поздоровался я.

Г. М. внезапно склонил голову набок:

— А это еще кто? Неужели Кен Блейк? Господи, вы-то что здесь делаете?

¹ М а й к р о ф т — прозвище Г. М., данное по имени брата Шерлока Холмса.

— Особое задание, Г. М., — ответил я. — Временно я занимаю чужое место. Но как вы здесь очутились?

В этот момент нас прервал недовольный голос водителя.

— Черт бы побрал ваше распрекрасное такси! — заорал Г. М. — Неужели нам мало неприятностей и без ваших жалоб? Слушайте, Марсель, если машина пострадала, я куплю ее у вас — *acheter... l'argent*¹ — понимаете?

— Oui², — удовлетворенно отозвался Марсель и, откинувшись назад, зажег сигарету.

— Раз вы здесь, все будет в порядке, — сказала Эвелин. — Но, пожалуйста, объясните, что все это значит. Мы попали в жуткую неразбериху и не знаем, что делать. Что вообще мы должны были делать?

Г. М. окинул пейзаж угрюмым взглядом.

— Угу! Я бы и сам хотел разобраться. Это одна из причин, по которым я следовал за вами.

— Сами хотите разобраться? — переспросил я. — Но, боже мой, неужели глава департамента не знает...

Он оборвал меня ругательством по адресу неблагодарных таких-то, которые не слушают его советов.

— Единственное, что сообщила мне эта свинья из министерства внутренних дел (вот увидите, как я с ними рассчитаюсь!), — это что ваша миссия аннулируется. Что бы вы ни должны были делать, это отменяется. А если бы вы, девочка моя, — он указал на Эвелин, — задержались в вашем отеле еще на пять минут, вам бы сообщили это по телефону. Такой неразберихи следовало ожидать от министерства внутренних дел, когда они забрали эту миссию у меня из рук. Я прибыл в Париж, чтобы рассчитаться с ними сполна, и отправился в ваш отель, но мне сказали, что вы только что уехали в Орлеан.... Похоже, ваша ухвертка здорово увязла, и вода, вероятно, достает вам до лодыжек. Перебирайтесь в мою машину, я расскажу вам, что знаю, и мы постараемся разработать план, чтобы поджарить этих портачей из министерства внутренних дел в их собственном жире. У меня есть виски, — добавил он весьма кстати.

¹ Покупать... деньги (*фр.*).

² Да (*фр.*).

Мы достаточно продрогли, чтобы это оценить, хотя еще не обедали. Я перенес Эвелин в другую машину, и Г. М. зажег свет на потолке. Марсель завел мотор в тщетной надежде извлечь такси из грязи, но не добился даже кашля. Г. М. устроился в углу, надвинув цилиндр на ухо, дабы избежать столкновения с потолком; расстегнутое пальто демонстрировало тот факт, что он снова забыл надеть галстук. В одной руке он держал термос, а в другой — бутылку виски. Его присутствие вселяло уверенность, но благоразумная Англия была далеко. Мы сидели, разговаривая о единороге и потягивая виски, в увязшем автомобиле возле вышедшей из берегов реки где-то во французской глуши, но Г. М. выглядел так, словно закинул ноги на свой письменный стол в родном министерстве.

— Так что с вами произошло? — осведомился он. — Несчастный случай?

— Да. В некотором роде.

— А каким образом вы, Кен, оказались в этом замешаны? Неужели министерство внутренних дел завербовало вас у меня за спиной? Ух, как я с ними расправлюсь! Они еще пожалеют, что не посоветовались со стариком! Я оскорблен и открыто это признаю. Но они соизволили сообщить мне, что выбрали для этой работы девицу Чейн и Харви Драммонда.

— Кто такой Харви Драммонд?

— Официально — парень, который держит упряжку скаковых лошадей. В прошлом году он выиграл «Оукс», а в позапрошлом — «Сент-Леджер». Ба! Я бы не поставил ни на одну из его кляч. От этого субъекта у меня боль в затылке. Хмф! К тому же он бывший боксер в Кембридже и хвастается, что может нокаутировать любого в его весе менее чем за три раунда. Короче говоря, поганый тип, Кен.

— Я имею в виду — как он выглядит.

— Массивный, скуластый, с каштановыми усами щеткой и румяной физиономией...

Мы с Эвелин посмотрели друг на друга, и я увидел в ее глазах страх и понимание. Этого человека мы оставили в овраге.

Я быстро повернулся к Г. М.:

— Кстати, вы ничего не заметили на дороге, прежде чем добрались сюда? Например, никого не встретили?

— Еще как встретили! — воскликнул Г. М., снова свирепея. — Что это за чертова страна, спрашиваю я вас? Какой-то тип пытался на меня напасть менее чем в двух милях отсюда. Эта шайка бродила по лесу, словно они заблудившиеся туристы, но я заметил их машину. Старый трюк, Кен! Было слишком темно, чтобы разглядеть лица, иначе я бы их запомнил! Когда мы их остановили, здоровый парень попытался вскочить на подножку...

— И что вы сделали?

— Высунулся в окошко и двинул ему разок в физиономию, — с удовольствием отозвался Г. М. — Мы ехали быстро, и он перелетел через дорогу, как будто его вышвырнули из паба. Меня бы не удивило, если бы он перескочил через насыпь. Его сообщники подняли шум, но мы не остановились, чтобы разбираться с ними.

— Теперь мы все в этом замешаны, — вздохнул я. — Этот тип второй раз за вечер перелетает через насыпь и теперь наверняка в бешенстве. Прежде чем продолжать, Г. М., я хочу, чтобы выслушали историю моих прегрешений. Так как вы говорите, что миссия отменена, теперь это не имеет значения.

Г. М. опустил панель за спиной обиженного Марсея, и я сделал полное, хотя и краткое признание. Дождь, уже прекращавшийся, вновь забарабанил по крыше; опять сверкнула молния и заворчал гром. Хотя я ожидал от Г. М. новой вспышки, он сидел молча, устремив на меня взгляд рыбьих глаз. Эвелин возмущалась, — напротив, она выглядела почти ликующей.

— Но почему? — осведомилась она. — Почему, Кен, ты захотел...

— Ты сама знаешь, — ответил я и понял, что в отношении ее все в порядке.

— Вы имеете в виду, что перекинули через насыпь Драммонда? — воскликнул Г. М., когда я перешел к истории с красным автомобилем. — Совсем как я! Не завидую вам, сынок. Вы нажали врага в лице одного из худших людей в Англии. Когда он доберется до вас, Кен, то постарается вас прикончить.

— По крайней мере, — со вздохом отозвался я, — мы должны вернуться и подобрать их...

— Разве вы еще не удовлетворены? Хотите снова швырнуть его через насыпь? Нет, теперь мы трое изгоев по многим

причинам. Кроме того, как мы можем вернуться? Наши машины вышли из строя, как и его автомобиль, так что мы в состоянии передвигаться только пешком. — Он посмотрел на нас, и на его угрюмом лице мелькнуло подобие усмешки. — Если бы вы проделали такой трюк со мной, выдав себя за правительственного агента... Но, к счастью, вы всего лишь напакостили министерству внутренних дел, а я сам охочусь за их шкурами. Как я сказал, мы все изгои. Позвольте объяснить. Прежде всего, знаете ли вы подлинную причину, по которой я прибыл во Францию?

— Ну?

— Чтобы поймать Фламанды.

— Фламанды? Но почему? Ведь он не ваша дичь, верно?

— Потому что министерство внутренних дел заявило, что я не смогу этого сделать. Они считают, что этот шут слишком ловок для старика.

Я присвистнул.

— Вот как обстоят дела, — продолжал Г. М. — В прошлую среду старый Ск... ладно, обойдемся без имен... некто из министерства внутренних дел позвонил мне и сказал: «Мерривейл, мне поручено дать вам указания». — «Ого! — отозвался я. — И с каких это пор вы даете мне указания?» — «Давайте не будем спорить. Полиция в подчинении у нашего министерства, а это полицейская работа. Мы хотим позаимствовать двух ваших агентов». — «Тогда почему бы вам не обратиться в Скотленд-Ярд?» — спросил я. — «У них есть специальный отдел для подобной работы». — «При всем уважении к вам, Мерривейл, — ответил этот тип, — на то есть две причины. Во-первых, это дипломатическая миссия, а каковы бы ни были ваши таланты, дипломатия к ним не принадлежит. Французы их не поймут, а Скотленд-Ярд настаивал бы на консультациях с вами. Во-вторых, мы считаем, что полицейскую сторону дела лучше организовать не вашими руками. Для сотрудничества с людьми, которые будут ее организовывать, мы бы хотели позаимствовать мисс Чейн и мистера Драммонда». Знаете, ребята, я даже не успел разозлиться. «Что же это за миссия и кто ее организует?» — осведомился я. «Сожалею, — ответил он, — но нам пока не позволено это разглашать». Ну, у меня имелась кое-какая информация, и я был бы таким же тупицей, как ста-

рый Скуиффи, если бы не сложил два и два. «Ах, не позволено? — спросил я. — Тогда, может, мне вам это сообщить? Джордж Рэмсен был послан с миссией и собирается возвращаться, но он всегда отказывается путешествовать с охраной. Поэтому вы решили приставить к нему для наблюдения двух человек без его ведома. Во-первых, вам нужна хорошенькая девушка, потому что Рэмсен — жуткий старый распутник, а во-вторых, вам требуется самое крутое яйцо на двух ногах, которого можно назвать джентльменом, на тот случай, если возникнут осложнения. Но Рэмсен уже возвращается, так почему вы не хотите, чтобы эти двое вернулись с ним? Зачем они нужны вам во Франции? Это я тоже вам скажу. Потому что опасность исходит из Франции, потому что французское правительство, вероятно, полагает, что Фламанд намерен заинтересоваться Рэмсеном, а если ваши два департамента, работая вместе, сумеют защитить Рэмсена и прищучить Фламанд для Гаске, то обеим странам могут достаться солидные лавры. Верно?»

— Понимаю, — кивнула Эвелин.

— «Может, вы и правы, Мерривейл, — как ни в чем не бывало ответил он, — хотя едва ли ваше мнение представляет для нас интерес. Передайте этим двоим, чтобы они немедленно связались с полковником Тейлором». И он положил трубку. Я так рассвирепел, что утратил дар речи.

— А как насчет единорога и миссии в гостинице «Слепой»? — спросила Эвелин. — Вы что-нибудь об этом знаете?

— Не знаю, но могу догадаться. Пару дней я сидел и думал, и чем больше думал, тем сильнее злился. А сегодня в полдень мне позвонил тот же тип и заявил: «Мы решили, Мерривейл, что ваши ребята нам не понадобятся. К сожалению, они, кажется, уже отбыли. Мы не знаем, где Драммонд, но мисс Чейн в Париже в отеле «Мерис». Не могли бы вы связаться с ними и передать, что миссия отменяется?» Я принял решение под влиянием момента. «Нет, — ответил я, — но я скажу вам, что сделаю. Во второй половине дня я отправлюсь в Париж и преподнесу вам Фламанд на блюде в течение сорока восьми часов. Как вам это нравится?» Я был так зол, что утратил обычную осторожность, но получил удовольствие, услышав его вопль: «Вас предупреждали, чтобы вы не вмешивались!

У вас нет и не будет никаких полномочий!» — «Можете взять ваши полномочия, Скуиффи, и...» Объяснив, что он должен с ними сделать, я положил трубку, пока он продолжал блеять.

Эвелин и я видели, что старик настроен по-боевому.

— Они пытались остановить вас? — спросила Эвелин.

— Конечно, но я тем не менее сел в самолет. Разумеется, меня могут попросить уйти в отставку, если они нажмут на нужные кнопки, — радостно усмехнулся Г. М., — но пока что я здесь. Во время полета я сидел и думал. Я знал, что не получу помощи от французской префектуры. Но у меня была теория. Прежде всего мне следовало связаться с вами, девочка, чтобы узнать ваши инструкции, — поэтому я последовал сюда с Марселем. А теперь, когда меня едва не утопили за мои старания, я узнаю, что у вас нет никаких инструкций, которые могли бы мне помочь! Ни одной нити! Ни одного ключа! — Г. М. злобно засопел. — Что же нам теперь делать? Конечно, если моя первоначальная идея была неверной...

Я задумался.

— Мы можем создать оборонительный союз изгоев, но мы здорово застряли на старте — во всяком случае, что касается охоты за Фламандом. К примеру, вам известно, что Рэмсен этим вечером летит из Марселя в Париж? И что Фламанд угрожал лететь тем же рейсом?

Г. М. разглядывал свои руки. Ему приходилось сдерживать мимику, и лицо его одеревенело, дабы скрыть тот факт, что первую партию он проиграл.

— Нет, неизвестно, — ответил он. — Думаете, я бы погнался за вами в эту глушь, зная, что самолет должен приземлиться в Париже вскоре после моего отъезда оттуда?

Эвелин подперла рукой подбородок.

— Значит, если его не задержала гроза, он уже прибыл в Париж. А мы застряли в грязи в нескольких десятках миль от поля битвы и... Что это?

Мотор самолета затарахтел еще ниже и громче. Г. М. выключил свет и посмотрел в окно.

Сначала мы не могли ничего разглядеть. Звук внезапно прекратился, — очевидно, мотор выключили. Потом в нескольких сотнях футов над лугом справа от нас и в нескольких сотнях ярдов от тополей вдоль дороги вспыхнули два луча света с обе-

их сторон кабины самолета, который кружил над лугом, совершая вынужденную посадку.

— Я подумывал, что Фламанд может пойти на подобный трюк, — промолвил Г. М. — Позаботиться, чтобы этот самолет никогда не долетел до Парижа.

— Вы имеете в виду... — начала Эвелин.

— Угу. Меня бы очень удивило, если бы это оказался не самолет рейса Марсель—Париж, задержанный грозой или какими-то махинациями, с Джорджем Рэмсденом, Гаске и Фламандом на борту. — Г. М. шелкнул пальцами в темноте. — Карты раскладываются сами собой! Я собираюсь сыграть в покер с Гаске и Фламандом, не зная, кто есть кто. Надеюсь только, что самолет не разбился.

Он не разбился. Посадочные огни описали последний круг, нырнули за деревья и заскользили возле тополей, пока не остановились. Потом окна кабины вспыхнули желтым светом.

— Приземлился! — радостно воскликнул Г. М. — Ну что, отправимся к ним? Мне хочется взглянуть на этих невинных пассажиров.

— Даже если это тот самый самолет, что сомнительно, — возразил я, — вы же не думаете, Г. М., что Фламанд организовал поломку в воздухе, вынудив самолет приземлиться?

— Полагаю, вам лучше прихватить с собой пушку, которую вы украли, на случай неприятностей, — посоветовал Г. М. — Но я не думаю, что это дело рук Фламанда. Такое ему не по зубам. Скорее всего, возникли неприятности с мотором — вода в питательном шланге или еще что-нибудь. Пошли. Я не возражаю, если придется немного промокнуть ради доброго дела. Нет-нет, Марсель. Вы *restez là* и *buvez le whisky, mon gars*¹.

Марсель поблагодарил его. Французский язык Г. М. в основном состоял из сленга парижских трущоб. Выйдя из машины, он отказался надеть цилиндр, заявив, что это подарок королевы Виктории, который не должен отсыреть. Спрятав его под пальто в сложенном виде, Г. М. накрыл голову носовым платком и заковылял вперед, являя собой самое странное воплощение британской респектабельности, какое когда-либо

¹ Оставайтесь и пейте виски, мой мальчик (*фр.*).

видели на французских дорогах. Я позаимствовал у Марсея фонарь, и, если не считать грязи, идти было легко. Мы прошли сквозь ряд тополей и двинулись через луг, границы которого скрывались в тумане. Слева от нас, вдоль берега реки, тянулась буковая роща, за которой виднелись огни.

Но наше внимание было приковано к приземлившемуся самолету. Его дверь была открыта, и собравшаяся возле нее группа людей горячо о чем-то спорила. Четверо отделились от группы и отошли налево. Когда они попали в поток света (салон самолета был освещен), мы увидели, что это трое мужчин и женщина. Остальные продолжали толпиться у двери. Г. М. напряг свой зычный голос, перекрикивая дождь.

— Алло! — окликнул он по-французски. — Это самолет из Марсея в Париж?

Слова вызвали более чем сенсацию. Все повернулись, и голоса смолкли, словно прихлопнутые крышкой. Пассажиры превратились в скрюченные силуэты, застывшие при звуке незнакомого голоса. Один из мужчин в униформе стоял на свету, падающем из двери, и я увидел, как его рука метнулась к карману.

— Да! — крикнул он в ответ, но голос его звучал неуверенно. — Кто здесь?

— Друзья. Английские туристы. С нами произошел несчастный случай.

Последовала еще одна пауза. Затем один из группы слева от нас — низкорослый коренастый мужчина — сделал несколько шагов вперед.

— Англичане? — осведомился он по-английски. — Кто вы, черт возьми? Не вздумайте шутки шутить — мы вооружены.

— Хо-хо! — усмехнулся Г. М. — Я знаю этот голос. Привет, Рэмсен. Не бойтесь — это не Фламанд, а Генри Мерривейл. Со мной пара друзей.

— Вот это да! — воскликнул сэр Джордж Рэмсен. — Успокойтесь, я знаю этого парня. С ним все в порядке.

— Вы уверены, что знаете его? — осведомился высокий мужчина в дождевике, стоящий у двери самолета. — Фламанд славится талантом к мимикрии. Но если он не желает обнаружить себя, думаю, Гаске пора это сделать. Мы должны знать нашего защитника.

— Не болтайте чепуху, приятель, — проворчал позади Рэмсдена голос, в котором звучал явный американский акцент. — Кто-то вас разыграл.

Пока Г. М. ковылял к Рэмсдену, которого мы с Эвелин также приветствовали, я пытался рассмотреть семерых пассажиров, но было слишком темно, чтобы различить их лица. У меня создалось впечатление, что все они — за одним исключением — англичане или американцы. Исключением являлся джентльмен среднего роста, с чопорной осанкой французского юриста или медика — он все еще стоял в дверях самолета, словно опасаясь, спрыгнув вниз, испачкать начищенные до блеска ботинки. Тем временем Рэмсден принюхивался, словно чуя неприятности, и оглядывался вокруг, резко жестикулируя.

— Свалились прямо с неба, — говорил он своим высоким, пронзительным голосом. — Меня беспокоят неудобства. Хотя мне наплевать на угрозы этого мошенника в духе Эдгара Уоллеса¹, я хочу хоть какого-то комфорта. Мы не можем оставаться в самолете — здесь не разрешают даже курить. Что там за огни? — Он указал налево. — Пилот говорит, что это замок какого-то аристократа и что он, вероятно, приютит нас, пока мы не сможем лететь дальше. — Рэмсден обратился к пилоту на безупречном французском: — Объясните, в чем причина аварии и когда мы сумеем продолжить полет?

Мужчина в униформе пожал плечами:

— Неполадки с мотором можно исправить, месье, и я не думаю, что мы повредили шасси. Нас вынудил приземлиться туман. К сожалению, это старый самолет, не приспособленный к полетам вслепую. Пока туман не рассеется... ну, мы постараемся устранить неполадки.

Высокий англичанин у двери самолета, пытающийся зажечь сигарету, резко вскинул голову и сказал Рэмсдену:

— Идите в замок, сэр. Мы последуем за вами, если нам окажут гостеприимство.

— Правильно, — произнес другой англичанин рядом с ним, а стоящий в дверях француз молча кивнул.

Мы отошли вместе с другими четверьмя, слыша позади звуки спора. Единственная женщина среди пассажиров, взяв под

¹ Уоллес Эдгар (1875–1932) — английский писатель, автор авантюрных романов.

руку мужчину в щегольском кепи, с любопытством разглядывала Эвелин. Так как с нами якобы произошел несчастный случай, Рэмсен хлопотал вокруг Эвелин, демонстрируя галантность, хотя не мог ее видеть. Его жизнелюбивый дух согревал даже эти неприветливые места. Думаю, приближаясь к замку, мы все почувствовали себя лучше. Только последний член группы — толстяк, которого Рэмсен именовал Хейуордом, — продолжал ворчать и спотыкаться.

Когда буковая роща уступила место зарослям ив, показался Шато де Л'Иль. Впечатление было такое, что замок построен не на острове, а прямо на воде¹. В этом месте Луара делает излучину, поэтому замок находился в добрых шестидесяти ярдах от любого берега. Гравиевая подъездная аллея, чье начало мы не могли видеть, оканчивалась у высокой каменной дамбы. Река бурлила и пенилась вокруг острова. Замок был небольшим, но конические верхушки его башен казались гигантскими в пелене дождя, а свет на первом этаже выглядел далеким из-за глубоких оконных ниш. Застывшее бревно колотилось об арки дамбы, листва шумела, а ветер дул нам в лицо.

— Надеюсь, нам откроют дверь, — пропыхтел Рэмсен. — Пилот говорит, что хозяин — человек со странностями. Живет затворником и редко принимает кого-либо.

В этот момент мы оказались под прикрытием увитой виноградом стены. Несколько ступенек вели к большой двери, и, как только мы начали подниматься, дверь открылась, и на темном фоне возникла арка света.

— Пожалуйста, входите, господа, — произнес вежливый голос. — Граф д'Андрье ожидает вас.

Глава 5

ХОЗЯИН СТРАННОГО ЗАМКА

Большая дверь захлопнулась за нами. Я восстановил равновесие, чувствуя себя пробудившимся в комфортабельной комнате после дурного сна. Мы находились в каменном коридоре с высоким потолком и колоннами по обеим сторонам, напоми-

¹ Ш а т о д е Л'И л ь — замок на острове (фр.).

навшем неф маленького собора и оканчивающемся лестницей в дальнем конце. Камень почернел от сырости, но пол между колоннами покрывала чистая красная ковровая дорожка. Каждая вторая колонна была снабжена железными консолями для электрических ламп.

— Он ожидает нас? — переспросил Рэмсен. — А, понимаю! Вы имеете в виду, что видели, как мы подходим к замку?

— Нет, месье, — вежливо ответил крупный мужчина в поношенном вечернем костюме, с пышными усами и покрытыми бриллиантином волосами. — Я имею в виду, что монсеньор ожидает вас со вчерашнего дня.

— Господи! — воскликнул человек в щегольском кепи и посмотрел на женщину, все еще цепляющуюся за его руку. — Вы хотите сказать...

— Что говорит этот тип? — осведомился толстяк по фамилии Хейуорд. — Я смог понять только пару слов. Вроде бы нас ожидают?

— Вот именно, — произнес по-английски новый голос. — Позвольте мне объясниться.

Я не заметил, как в коридор спустился хозяин дома, который, заложив руки за спину и глядя на нас с вежливым интересом, направлялся к нам по красному ковру между наклонными тенями от колонн.

Это был худощавый мужчина лет шестидесяти с лишним, чью ковыляющую походку компенсировали легкость осанки и искорки юмора в блестящих темных глазах под набрякшими веками, с морщинками вокруг них и на лбу, словно от привычки поднимать брови. Волосы и подстриженная по-военному борода начинали седеть, но усы под костлявым носом оставались черными. На нем были халат, белый галстук и черная ермолка. Кивнув каждому из нас, он поднял руку, призывая к молчанию. Его английский был вполне сносным, хотя слегка педантичным.

— Не бойтесь, друзья мои. Это не ловушка, и я не Фламанд. Ха-ха! Меня зовут д'Андрье. Все, что я знаю о сложившейся ситуации, содержалось в письме, которое я имел честь получить от самого Фламанды. Э-э... кто из вас сэр Джордж Рэмсен?

Он посмотрел на Г. М., который оставался бы наиболее колоритной фигурой в нашей группе даже без мокрого носового

платка, прилипшего к лысине. Рэмсен, шаривший глазами по коридору, почти виновато вздрогнул.

— Это я, — ответил он. — Прошу прощения, сэр, но откуда вам все это известно?

— Письмо все объяснит. Вы переведете его вслух?

Рэмсен взял лист бумаги, который протянул ему хозяин дома, пробежал его глазами и поднял рыжеватые брови к мокрым полям шляпы.

— В жизни не видел подобной наглости! Слушайте!

«Монсеньор!

Имя месье графа д'Андрье всегда было известно мне как принадлежащее человеку, в прошлом обожавшему охоту. Если она все еще его интересует, могу предложить месье графу увлекательнейшее занятие — охоту на единорога.

Позвольте объяснить. Этим вечером я узнал, что на завтрашний вечерний авиарейс из Марселя в Париж зарезервировано место для некоего сэра Джорджа Рэмсдена — англичанина, чье доброе сердце я высоко ценю, но при упоминании об интеллекте которого невольно начинаю смеяться...»

— Как видите, — поспешно вставил наш хозяин, — письмо отправлено вчера вечером из Марселя.

— «Невольно начинаю смеяться...» — повторил Г. М. — Угу. Продолжайте, Рэмсен. Что там дальше?

«Меня интересуют сэр Джордж Рэмсен и то, что он везет с собой. Поэтому я зарезервировал место на том же самолете.

Я много думал о месте для посадки и в конце концов выбрал изолированный район около Вашего знаменитого замка. В должное время я приму меры, чтобы обеспечить вынужденную посадку. Так как на солидном расстоянии от этого места больше нет ни одного дома, мы, вероятно, нанесем Вам визит. Здесь у меня будет время для работы, хотя много времени мне никогда не требуется. Могу я попросить Вас приготовить легкую закуску для пассажиров? К сожалению, даже я не могу сообщить Вам точное время нашего прибытия, а в данный момент и количество пассажиров. Но холодных закусок будет

достаточно, и я едва ли оскорблю месье графа, добавив, что полагаюсь на его хороший вкус в выборе не слишком сладкого шампанского...»

Рэмсден издал звук, как человек, получивший удар в живот.

— Что касается шампанского, — сказал д'Андрье, — могу предложить вам «Рёдерер» 1921 года. Надеюсь, это вас удовлетворит?

— Еще бы! — с одобрением отозвался толстяк Хейуорд. Все повернулись к нему. Его широкая физиономия покраснела, и он вцепился в переносье роговых очков, словно поправляя их. — Я только имел в виду... Ну, вы понимаете. Продолжайте, Рэмсден.

«Об одном, месье, я глубоко сожалею. Среди пассажиров самолета, безусловно не блещущих умом, вероятно, окажется настолько тупой, что я бы не стал навязывать его Вам, если бы не был почти готов убить его. Это субъект низкого происхождения, именующий себя Гаске. В данный момент я не могу информировать Вас, к какой неуклюжей маскировке он прибегнет на сей раз. Но Вы легко узнаете его, месье, по возмутительного размера ушам, близко посаженным глазам и носу, который на расстоянии двадцати шагов почти неотличим от помидора...»

Молодой человек в щегольском кепи — очевидно, американец — начал смеяться. Он снял кепи, и все посмотрели на него. Привлекательное лицо с карими глазами, широким носом и таким же широким добродушным ртом свидетельствовало скорее о богатом воображении, нежели об остром уме. Светлые волосы прилипли ко лбу. Нисколько не смущенный устремленными на него взглядами, он задумчиво почесывал нос. Женщина или девушка рядом с ним казалась обеспокоенной. Насколько я мог судить, она не была ни американкой, ни англичанкой, ни француженкой — скорее немкой или австрийкой, вероятнее всего из Вены. Она была маленького роста, с высокой грудью, почти прозрачной кожей и чисто венским темно-красным ртом. Ярко-голубые глаза и темные волосы придавали ей особое очарование. На ней были голубой берет и открытая кожаная курт-

ка, какую носят автомобилисты, под которой угадывалась всяма соблазнительная фигурка. Я заметил, что покрытая грязью Эвелин смотрит на нее неодобрительно. Когда ее спутник засмеялся, она упрекнула его по-немецки.

— Ладно, Эльза, — усмехнулся он. — Могу добавить, что хотел бы взглянуть на ответ, написанный Гаске.

Глаза нашего хозяина блеснули.

— Можете это сделать, сэр, если пожелаете.

— Вы имеете в виду, что получили письмо и от Гаске?

— Оно пришло сегодня после полудня. Я нахожу обоих необычайно забавной парой... э-э... — он щелкнул пальцами, — микоберов¹. Но я забыл о хороших манерах. Дамы, должно быть, испытывают неудобства. Пожалуйста, простите старого ветерана. — Он поклонился им. В ответ на приветствие Эвелин коснулась рукой головы, а женщина по имени Эльза присела в реверансе. — Я редко принимаю гостей, — продолжал д'Андрье, — но вы найдете требуемые месье Фламаном «легкие закуски» приготовленными для вас. Если хотите принять ванну и переодеться, мой дом в вашем распоряжении. Мои слуги могут принести ваш багаж...

Рэмсен уставился на него:

— Вы хотите сказать, что выполнили указания автора письма?

— Конечно. Он пообещал мне интересное развлечение.

— И вы даже не сообщили об этом полиции?

Д'Андрье нахмурился:

— Разумеется, нет, если не считать дозволенного в последних абзацах. Вы не дочитали письмо? Позвольте мне. — Он взял письмо у Рэмсдена.

«Хотя я предпочел бы, чтобы Вы не связывались с местной полицией, я достаточно знаком с их интеллектом, чтобы не предвидеть серьезных осложнений. Но я не возражаю, чтобы Вы, если хотите, связались с Гаске. Напротив, я хочу, чтобы он заранее получил известия о своем грядущем поражении. Чтобы сделать охоту более возбуждающей, можете написать ему

¹ Микобер — персонаж романа Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Дэвида Копперфилда», чье имя стало нарицательным обозначением оптимиста-неудачника.

в марсельское или парижское отделение Сюрте. Этим вечером я напишу в газеты, сообщая, что буду на борту завтрашнего самолета. Он прочитает это. Но в качестве личной информации можете передать ему все, что я сообщил Вам.

Напишите следующее: «Завтра великий Фламанд будет в самолете с сэром Джорджем Рэмсденом. Он обеспечит вынужденную посадку около Шато де Л'Иль неподалеку от Орлеана, украдет единорога, убьет любого недоумка, вставшего у него на пути, и исчезнет, как всегда. Вы знаете, когда и где он нанесет удар. Попробуйте остановить его, если сможете. *Фламанд*».

— Ура! — вскричал молодой блондин. — Это заставит публику вскочить с мест. Кстати, что такое «единорог»?

— Все это шепуха, — произнесла Эльза с немецким акцентом.

— Конечно, он самодовольный негодяй, — задумчиво промолвила Эвелин, — но я бы хотела с ним повстречаться.

Хейуорд прочистил горло.

— Друзья мои, будем рассуждать здраво! У этого типа достаточно наглости, — в его глазах блеснуло невольное восхищение, — но ваш Фламанд не волшебник. Как он мог заранее указать точное место, где самолет совершит вынужденную посадку? Если не... — Он оборвал фразу и пригладил седые волосы. — Ну конечно, джентльмены! Нам следовало об этом догадаться. Фламанд подкупил пилота. Такую грязную работу мог проделать кто угодно, и я выхожу из себя при мысли, что нас задержало...

— Тем не менее я в этом сомневаюсь, — сказал Г. М.

Все замолчали, сами не зная почему. Г. М. вытер лысину, протер очки и прислонился к колонне, почесывая цилиндром подбородок. В уголке его рта торчала старая черная трубка.

— Сомневаюсь, ребята, — повторил он. — Во-первых, в таком случае второй пилот и, вероятно, стюард были бы соучастниками. Разве одинокий волк вроде Фламанда действует подобным образом? Одного вида этих парней достаточно, чтобы понять весь риск такой затеи.

— Значит, вы и ваши друзья, сэр, не были на борту самолета? — спросил д'Андрье, посмотрев на Эвелин и меня.

— Нет. Наш автомобиль попал в аварию. Хмф! Во-вторых, я припоминаю экипаж этого самолета — мне приходилось летать с ними раньше, и я не верю, что их можно подкупить. Пилота зовут Жан Морель — он крепкий парень родом с юга и выше всяких подозрений...

— Знаю, — кивнул Рэмсен. — Они говорили, что их прикомандировали к нам. Но это только все усложняет. Хейуорд прав. Как может кто-то заставить самолет приземлиться в точно намеченном им месте? Как мог Фламанд рассчитывать сделать это в качестве пассажира?

Глаза д'Андре блеснули под отеками веками. Он явно наслаждался происходящим.

— А как, сэр, он похитил Рембрандта из комнаты-сейфа Гроссенмарта в Берлине? Или сапфиры мадам де Монфор на президентском балу? Теперь сэр Джордж может понять причину, по которой я выполнил все требования месье Фламанда, когда он почтил меня своим доверием.

Рэмсен продемонстрировал ту сторону своей натуры, которая обеспечивала ему популярность в других странах. Внезапно он хлопнул себя шляпой по ноге и усмехнулся:

— В жизни не слышал ничего более спортивного! Сэр, мы будем счастливы воспользоваться вашим гостеприимством. Позволим Фламанду действовать. Если он слышит меня, на что я надеюсь, то оценит, что я предлагаю честную игру.

— Невзирая на то, что это чревато большой опасностью для вас?

— К черту опасность! Я готов рискнуть — мне доводилось рисковать куда сильнее. — Кирпично-красное лицо Рэмсена буквально сияло. — К тому же здесь присутствует кое-кто, способный испортить Фламанду игру гораздо больше, чем Гаске. Я имею в виду этого парня. — Он указал на Г. М. — Не знаю, откуда он взялся, но он здесь, так что великому Фламанду лучше быть поосторожнее. Кстати, позвольте представить. Это сэр Генри Мерривейл. И... ах да, леди. Это мисс Чейн, а это... — он повернулся к Эльзе, — мисс... миссис...

— Миддлтон, — подсказал ее спутник, гордо расправив плечи и улыбаясь Эльзе, которая улыбнулась в ответ. — Миссис Миддлтон — моя жена.

— И мистер Миддлтон, — продолжал Рэмсен, потом подтолкнул вперед толстяка. — Это мистер Эрнест Хейуорд. Мы разговорились в автобусе по пути к самолету. Он был в Вашингтоне одновременно со мной более двадцати лет тому назад — во время первой администрации Вильсона. Думаю, Кен тоже был там тогда. — Он посмотрел на меня: — И наконец, мой друг мистер Блейк, который выглядит так, словно ему не помешало бы умыться.

Д'Андре поклонился.

— Больше пассажиров в самолете не было?

— Подойдут еще трое. Я не знаю никого из них. Хотя погодите! Кажется, высокий тощий парень представился мне как парижский корреспондент лондонской «Рекорд». А теперь, сэр, если вы попросите ваших слуг принести наш багаж... Между прочим, Г. М., где ваша машина?

Слово «багаж» напомнило мне кое о чем. К этому времени Драммонд и двое других мстителей (если Провидение не послало их в другом направлении) должны были добраться до наших увязших автомобилей. Я мог себе представить, что они сказали Марселю. Следующим их шагом будет посещение замка. Если не принять меры, все трое изгоев будут схвачены — включая Г. М. Как ему указали в Уайтхолле, у него не было никаких полномочий. Если он попадет в передрагу, Уайтхолл будет только злорадствовать.

При этой мысли моя душа ушла в пятки.

— Месье д'Андре, — заговорил я, прежде чем Г. М. успел ответить, — наши машины находятся у реки возле пристани. Но прежде чем вы приютите нас, будет честно предупредить вас, что нас преследует полиция.

Последовала пауза.

— В какую респектабельную компанию мы попали! — проворчал Хейуорд. — И что же вы натворили, молодой человек?

— Напал на полицейских. Уверяю вас, это было недоразумение. Сэр Джордж может поручиться за нашу... респектабельность. Когда они попытались остановить нашу машину, мы подумали, что это грабители, поэтому я атаковал того, кто выглядел вожаком. А потом, когда мы поехали дальше, появился сэр Генри и тоже напал на них. У нас не было дурных

намерений, но они, должно быть, уверены, что все мы опасные преступники...

Д'Андре смотрел на меня с явным интересом.

— Я знаком с неукротимым духом британцев, мистер Блейк, — заверил он меня, сочувственно цокая языком, — и полностью к вашим услугам. Что я могу для вас сделать?

— Конечно, вы понимаете, сэр, — продолжал я, бросая наживку, которая должна была привлечь эту форель, — что мы не возражаем против ареста, так как легко можем все объяснить. Но наверняка, с вашей точки зрения, присутствие в доме полиции испортит охоту. Фламанд возражает против этого, а вы следуете его указаниям. Поэтому, если полицейские придут сюда и вы скажете им, что не видели нас...

— Огюст! — резко окликнул наш хозяин.

Появился мажордом с пышными усами и по-военному отсалютовал д'Андре, чья маленькая фигурка застыла, как на парадном плацу.

— Пожалуйста, опишите нам этого «вожака», мистер Блейк.

Я описал агента разведки его величества, Харви Драммонда, сказав, что он детектив в штатском, сопровождаемый двумя полицейскими. Исподтишка поглядывая на Г. М., посадывающего пустую трубку, я увидел, как на его деревянном лице мелькнуло удовлетворение, и это выглядело ободряюще.

— Вы слышали, Огюст? — осведомился д'Андре.

— Oui, mon colonel¹.

— Если этот человек придет сюда и попытается причинить неприятности, вы ничего не знаете. Если он будет настаивать, вероятно, лучше бросить его в реку.

Челюсть Хейуорда слегка отвисла. Моя, выражаясь фигурально, тоже.

— Вы великолепный хозяин, меесье д'Андре, — сказал я. — Но незачем заходить так далеко. Кроме того, должен предупредить вас, что этот человек весьма крут...

Маленький человечек в ермолке мечтательно возвел глаза к потолку:

¹ Да, мой полковник (фр.).

— Когда много лет назад я имел честь служить республике в качестве полковника спаги¹, мне не раз приходилось сталкиваться с людьми, которых вы именуете «крутыми». Современная их разновидность меня не впечатляет. В наши дни появилась тенденция полагать, будто «крутость» в основном состоит из дурных манер. Думаю, это ошибка, и я отнюдь не уверен, что грубость лексикона прямо пропорциональна мужеству. Что касается Огюста, не беспокойтесь. Прежде чем стать моим ординарцем, а позднее слугой, он был чемпионом в тяжелом весе среди боксеров Французского иностранного легиона... Вы все поняли, Огюст?

— Да, мой полковник.

— Тогда, друзья мои, если вы проследуете к камину в библиотеке...

Послышался резкий стук дверного молотка, и мы повернулись. Огюст расправил плечи и пошел открывать. На пороге стоял чопорный француз, которого я принял за врача или юриста. У него были чисто выбритое лицо с резкими чертами и тяжелым подбородком и маленькие очки, сквозь которые он разглядывал нас из-под полей черной шляпы. Под мышкой он держал портфель, барабана по нему другой рукой.

— Я принес плохие известия, месье, — обратился человек к Рэмсдену, говоря с типично средиземноморским акцентом. — Пилот сообщил мне, что наш самолет невозможно отремонтировать быстро и что этой ночью нам не удастся продолжить полет.

Глава 6

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПАССАЖИР

Наш хозяин повел нас по коридору. Электрические лампы, прикрепленные к колоннам, только усиливали мрачность пустого помещения — тени в углах казались шевелящимися. Я нервно озирался, потом с усилием взял себя в руки. Д'Андре открыл дверь слева, и мы очутились в просторной комнате с огромным камином, где весело потрескивал огонь. Это была

¹ Спаги — французская кавалерия в Алжире.

гостиная, наполненная запахами кофе, портьер и политуры, которые присутствуют почти во всех французских гостиных, и обставленная белой с позолотой мебелью в стиле ампир. Но, по контрасту с аккуратным обликом хозяина, она выглядела неухоженной и почерневшей от сырости, как будто годами оставалась запертой. Очевидно, д'Андрье бывал здесь нечасто. Комнату освещали бра в стеклянных абажурах с хрустальными подвесками, а под окнами шумела река. Неуместным предметом казалась только голова суматранского леопарда над камином.

Огюст забрал промокшую верхнюю одежду у всех, кроме пришедшего последним, который чопорно стоял у камина, облаченный во все черное.

— Благодарю месье за любезный прием, — обратился он к нашему хозяину, — но ситуация просто невозможная. — Он говорил отрывистым голосом, постукивая пальцами по портфелю и расправляя плечи. — Пилот утверждает, что мы не сможем вылететь до завтра...

Вмешался Г. М. Зная его страсть к сленгу и крепким выражениям, я испытал облегчение, услышав сравнительно корректный французский.

— А радиотелефон? Как насчет его? У пилота должен быть радиотелефон. Пусть он сообщит о происшедшем в Париж, и за вами пришлют машину из Шартра или Орлеана.

— Он мог бы это сделать, месье, если бы какой-то негодяй не разбил радиотелефон. Я сам видел обломки.

Глаза д'Андрье блеснули вновь.

— Какая жалость! Но вы не должны меня оскорблять. А я буду глубоко оскорблен, друзья мои, если вы откажетесь провести ночь под моим кровом. Огюст! Вы знаете, что делать.

— Я снова благодарю месье за любезность, но это невозможно, — отозвался мужчина в очках. — Мне нужно быть в Париже рано утром. Я доктор Эбер — полицейский врач департамента Буш-дю-Рон из Марселя. — Он произнес это несколько напыщенно. — Я еду в Париж по официальному делу, и задержка была бы весьма некстати. Но едва ли необходимо проводить здесь ночь. У вас есть телефон?

— К сожалению, нет. Я не люблю телефоны и не нуждаюсь в них. Кроме того, было бы нелегко протянуть кабель так далеко через...

— Но ведь у вас имеется электричество.

— Да, месье доктор. Я всего лишь сказал, что у нас нет телефона. — Голос д'Андрье звучал учтиво, но взгляд стал суровым. — Ток подает моя собственная динамо-машина в подвале.

— А автомобиль у вас имеется?

— Нет. Понимаете, я отшельник. Провизию мне доставляют дважды в неделю на телеге из Орлеана. В тех редких случаях, когда я покидаю дом, я езжу верхом. — Он задумался. — В моей конюшне на... на Большой земле есть несколько хороших лошадей. Вы наездник, месье? Я предпочел бы не выпускать Грома или Трефовую Даму при такой погоде, но если вы настаиваете...

— Я не езжу верхом, — прервал Эбер. Тем не менее он ожидался, повернулся к нам и заговорил по-английски, иногда запинаясь: — Кто-нибудь из вас, джентльмены, умеет обращаться с лошадей? Пусть он отправится в ближайшую деревню и приведет автомобиль.

— Я умею, — признался Миддлтон, — но будь я проклят, если сделаю это. Существует ли реальная причина, доктор, для скачки в духе Пола Ривира?¹ У нас чудесный хозяин и великолепный дом. К чему рыпаться? Кроме того, я хочу посмотреть, что произойдет. Верно, Эльза?

Даже Хейуорд одобрительно кивнул. Он сидел на стуле в углу, расставив колени, и, если бы не очки и короткий серебристый «помпадур» на голове, выглядел бы точь-в-точь как дворецкий из салонной комедии. При этом в нем ощущались достоинство и твердость. На нем были мешковатый костюм горчичного цвета, голубой галстук и такой же расцветки носки. Каждый раз, когда он улыбался, уголки его рта приподнимались, как края полумесяца, а глаза прищуривались.

— Я не верю в эту чушь, — заговорил он приятным голосом, разминая в пальцах сигару. — Повторяю, Рэмсен, кто-то вас разыгрывает. Я ожидаю встретить здесь этого мошенника не больше, чем... ну, скажем, единорога. Но, как сказал мистер Миддлтон, к чему рыпаться? У нас превосходный хозяин, веселая компания и «Рёдерер» 1921 года. Так что, друзья мои, я

¹ Р и в и р П о л (1735—1818) — американский серебряных дел мастер, прославившийся ночной скачкой 18 апреля 1775 г. с целью предупредить колонистов Массачусетса о приближении британских войск.

вполне удовлетворен. — Он вставил в рот сигару. — Почему, доктор Эбер, вы так стремитесь уехать?

— Я мог бы спросить, — вежливо отозвался Эбер, — почему вы так стремитесь остаться, но не стану этого делать. Zut!¹ — неожиданно рявкнул он. — Вам известно, что знаменитый преступник угрожал лететь с нами в самолете. Вчера вечером об этом сообщили все марсельские газеты.

— Нам известно и побольше этого, — проворчал Рэмсен. — Покажите ему письмо, месье д'Андре.

Доктор прочитал письмо, и его лицо пожелтело.

— И никто из вас ничего не предпринял? Вы что, с ума сошли? Неужели вы даже не вызвали полицию?

Хейуорд пошевелился на стуле.

— Не будем начинать все заново. Напротив, доктор, если кто-то из полицейских здесь появится, дворецкому приказано вышвырнуть его пинком пониже спины. Теперь все довольны?

Молодой Миддлтон, раскачиваясь на каблуках, что-то бормотал по-немецки озадаченной Эльзе и выглядел почти таким же довольным, как д'Андре.

— Попробую выдвинуть несколько догадок, — сказал он. — Для начала заявляю, что мистер Хейуорд — это Гаске.

— Что? — воскликнул Рэмсен, повернувшись к нему. — Почему?

— Потому что я пишу детективы, — откровенно признался Миддлтон. — Они не слишком известны и, вероятно, не слишком хороши. Но я повторяю, что он должен быть Гаске.

Хейуорд усмехнулся, выглядев польщенным.

— Ну, я мог бы им быть, — согласился он. — Хотя в самолете был один странный тип, на которого я положил глаз, — кстати, он до сих пор не появился. Продолжайте, дружок.

— Мы здесь играем не только в обычную игру «Найдите преступника», — Миддлтон возбужденно постукивал пальцем по ладони, — но и в игру «Найдите сыщика». Так кто же из нас преступник, а кто сыщик? Взять, к примеру, мистера Хейуорда. Он никак не может быть Фламандом...

— Интересно, почему? — осведомился Хейуорд обиженным тоном.

¹ Черт возьми! (фр.)

— Потому что это было бы слишком просто. В личности его типа люди сразу бы заподозрили преступника. Я объясню вам, что имею в виду. — Миддлтон говорил как фокусник, просящий кого-то снять карту. — Например, священника достаточно легко сделать убийцей — это может прийти в голову каждому. А попробуйте сделать его детективом!

— Оуэн, я не шелаю, чтобы ты говорить против церковь! — сказала прекрасная Эльза. — Это не есть хорошо. Если мы останемся здесь, я бы хотеть принять ванну, пошалуиста.

Два лакея под руководством Огюста внесли в коридор багаж. Эльза и Эвелин отправились переодеваться. Эбер, греющий руки у огня, повернулся к остальным.

— Полагаю, вы думаете, что это шутка, — заговорил он так тихо, что мы все уставились на него. — Я тоже умею шутить. Но не над этим. Понимаете, мне известно кое-что, о чем не знаете вы.

— Что именно? — спросил д'Андрье.

— Что Фламанд действительно убийца, — ответил доктор. — Потому я и еду в Париж. Простой ночью он убил человека в Марселе.

— А почему, — спокойно осведомился д'Андрье, — вы должны ехать в Париж из-за того, что человека убили в Марселе?

— Из-за того, как было совершено убийство. — Эбер постукал двумя пальцами по портфелю. — Я не могу это объяснить. Возможно, это удастся сделать в Париже, но я этому не верю. Все дело в ране на голове жертвы. — Он перешел на французский и заговорил быстрее, обшаривая нас глазами. — Скажу откровенно: я не понимаю, каким образом подобная рана могла быть нанесена человеком. Я не фантазирую, господа, но мне кажется, ее мог нанести только длинный острый рог животного.

Впервые в комнату с позолоченной мебелью начал прокрадываться ужас. Он не только звучал в словах желтолицего человека в черном костюме, стоящего у камина, но и ощущался сам по себе, как физическое лицо. За окнами бурлила река. Рэмсен с его брюшком, рыжими волосами и мешковатым твидовым костюмом казался наименее впечатленным. Он даже усмехался, но за его усмешкой скрывалось подозрение.

— Несомненно, единорога? — спросил он вежливым голосом, не похожим на его обычный лай.

— Не думаю, — серьезно ответил Эбер. — Поймите, я только констатирую факт.

— Наконец-то мы добрались до единорога, — пробормотал д'Андре. — Это озадачивает меня больше всего. Конечно, я не стану задавать очевидный вопрос, что такое «единорог»...

— Нет-нет, — сказал Рэмсен. — Пусть Фламанд сам это выясняет.

Все еще мрачно улыбаясь, он достал из кармана револьвер «браунинг», повернул коротким указательным пальцем барабан и снова спрятал.

— Начинаю интересоваться, не заманили ли меня в ловушку мои спортивные инстинкты. Тем не менее я готов продолжать игру.

Лакей принес поднос с аперитивами и двумя серебряными портсигарами.

— Мы прервали вас, доктор Эбер, — заговорил по-английски д'Андре. — Вернемся к человеку, которого убили в Марселе. Меня это заинтересовало... Виргинские в этом портсигаре, мистер Миддлтон, а турецкие в другом... Особенно из-за легенды.

— Легенды? — переспросил Рэмсен.

— Мне следовало сказать — из-за суеверия. В отличие от большинства моих соотечественников я немного попутешествовал и знаю страну, где распространено одно неприятное суеверие. Там считают, что быть пронзенным рогом единорога — судьба предателя.

Я медленно окинул группу взглядом. Хейуорд вынул изо рта сигару и выпрямился. На лице Миддлтона возбуждение боролось с сомнением — казалось, ему хочется верить в происходящее, но он считает это шуткой. Эбер презрительно отмахнулся. Наш хозяин рассматривал бокал на просвет, а Рэмсен поднес свой бокал к губам. Старый Г. М., который расположился на диване в стиле ампира и не произнес ни слова с тех пор, как мы вошли в комнату, оставался бесстрастным, как играющий в покер Будда. Бурное течение Луары заставляло позвякивать хрустальные подвески на стене.

Внезапно Рэмсен поставил бокал и обернулся.

— Вам лучше взять дело в свои руки, Мерривейл, — сказал он. — Этот парень знает слишком много.

— Угу. Начинаю думать, сынок, что мне пора этим заняться. — Г. М. посмотрел на Эбера и ткнул в его сторону черенком трубки. — Пока я слушал вас, док, мне пришло в голову, что вы делаете очень странные выводы. «Фламанд убийца», — заявили вы. «Почему?» — спросили мы. «Потому что жертва умерла от раны, которая не могла быть нанесена человеком, а только рогом животного». Тогда почему вы приписываете это Фламанду?

Доктор колебался.

— Тут нет особого секрета. Существует публикация в газетах. Возможно, вы читали? Я спрашиваю потому, что это может оказаться интересным. Убитый был англичанином.

В голове у меня мелькнуло имя из газетной статьи: «...месье Гилберт Драммонд, лондонский адвокат. Брата месье Драммонда, также проживающего в Лондоне, уведомили о печальном событии». Драммонд... Брат... Брат Харви?

— Его звали Гилберт Драммонд, Г. М., — вмешался я. — Не был ли он родственником...

— Всего лишь братом, — ответил Г. М. после паузы. Опустив голову, он ерошил несколько оставшихся на висках волосков. — Не удивляюсь, Кен, что одно знакомое нам лицо очень расстроено.

— Что все это значит? — довольно резко осведомился наш хозяин.

— О, всего лишь маленькое личное дело. Давайте продолжим...

— Значит, вы знали месье Гилберта Драммонда? — вмешался Эбер, блеснув стеклами очков. — Думаю, сэр, мы слишком торопимся. Вам не кажется странным, что человек, знавший месье Драммонда, так удачно появляется из темноты, когда наш самолет приземлился?

— По-вашему, я Фламанд? — добродушно отозвался Г. М. — Хо-хо-хо! Впрочем, у меня нет возражений. Я только терпеливо прошу объяснить мою вину. Почему вы утверждаете, что это убийство совершил Фламанд, когда сами сказали, что его могло совершить только животное?

Эбер скрестил руки на груди.

— Потому что, друг мой, существует одна деталь, которая не попала в прессу. Отчет гласил, что жертва перед смертью по-

вторяла одно слово — «единорог». Это неправда. Гилберт Драммонд произнес еще три слова по-французски, прежде чем умереть в машине скорой помощи. Когда его спросили, кто на него напал, он четко произнес: «Это был Фламанд». — «Вы имеете в виду знаменитого преступника?» Он кивнул и... — Эбер сделал выразительный жест, — покинул этот мир. Было чудо, что он прожил даже минуту.

Доктор кратко изложил содержание газетного отчета. Он описал человека, сидящего прислонившись к фонарному столбу в парке возле Променад дю Прадо, в рваной одежде, со сломанной правой рукой и синеватой дыркой между глазами.

— Я осмотрел его. Пулевое отверстие? Нет, нет, нет! — горячо воскликнул Эбер. — Я хорошо знаю пулевые отверстия. Во-первых, оно было слишком большим для пули любого калибра. Настолько большим, что такая пуля попросту разнесла бы ему затылок. Во-вторых, я не нашел пулю в ране. В-третьих, я обнаружил доказательство (избавлю вас от неприятных подробностей), что после проникновения из раны что-то извлекли. Какое-то чистое острие вонзилось в голову ровно на шесть дюймов.

— Господи! — воскликнул Хейуорд, приподнявшись со стула.

Наш хозяин ничего не сказал. Но его глаза блестели, а сморщенное лицо выпятилось вперед, словно он прислушивался к военной музыке.

— Во что же я втянул Эльзу? — заговорил Миддлтон. — Не возражаете сообщить нам, в какой степени все это на уровне?

— Что бы вы под этим ни подразумевали; сэр, это правда. — Презрительно пожав плечами, Эбер повернулся к Г. М.: — Поскольку с другой стороны парка находилась мясная лавка, доктор Мелисс предположил, что это был топор с острием.

Я заметил, что Рэмсден посматривает в углы комнаты.

— Топор с острием? — переспросил он. — Вы имеете в виду средневековое оружие вроде алебарды? Знаете, Ричард Львиное Сердце и так далее... В общественном парке? Чушь!

— Очевидно, сэр Джордж говорит о боевом топоре, — задумчиво промолвил д'Андрье. — Это почти то же самое. Край топора использовали как рубящее оружие, но на противоположном конце находилось железное острие, которое применяли в ближ-

нем бою. Должен согласиться, что это чушь. Можете вообразить Фламанд рыщущим в поисках жертвы с боевым топором на плече? Это не только непрактично, а почти комично.

— Это было не комично, а ужасно, — тихо сказал Эбер.

Пауза казалась невыносимой...

— Я собирался добавить, — снова заговорил доктор, — что ни о каком топоре с острием не может быть речи. Рана была слишком большой и глубокой, а оружие с весом топора попросту раздробило бы череп. К тому же рана была чистой.

— Итак, — подытожил Г. М., — мы можем считать установленным, что убийство не было совершено топором или чем-то вроде него?

— Можем, сэр Генри, — послышался голос в дверях. — Я видел тело.

Г. М. вскочил и выругался. Вновь прибывший направился к камину, и я узнал в нем высокого худого мужчину, который остался у самолета. Несмотря на рост, сутулые плечи придавали ему вид смотрящего на вас снизу вверх. У него были курчавые черные волосы, разделенные прямым пробором, длинное лицо с крючковатым носом и смысленные глаза под сросшимися черными бровями. Поскольку мои мысли все еще вращались вокруг боевых топоров, мне пришло в голову, что он выглядит как нормандский злодей в средневековой истории.

— Простите мне внезапное вторжение, сэр, — заговорил незнакомец с кембриджским акцентом. — Какое-то время я стоял снаружи и слышал конец вашего разговора. Понимаете, меня интересовало, что привело сюда великого Г. М. — Он произнес это так почтительно, что лицо Г. М. приняло выражение удовлетворенности. — Несомненно, какие-то серьезные цели. Даже если вы не знаете меня, я знаю вас в лицо. — Незнакомец с таким же почтением повернулся к д'Андре: — Я говорил с Огюстом, меье граф, и он все мне рассказал. С вашей стороны очень любезно принять нас, а для репортера это сказочная удача! Фламанд! Меня зовут Фаулер, сэр, Керби Фаулер. Я представляю «Рекорд» во Франции.

Мистер Фаулер принадлежал к молодой школе журналистов, которая являлась на Флит-стрит¹ как на увлекательное

¹ Ф л и т - с т р и т — улица в Лондоне, где находятся редакции газет.

мероприятие. На нем были короткий черный пиджак, полосатые брюки и рубашка с крахмальным воротничком — его обаятельная усмешка произвела впечатление на всех, кроме Хейуорда, на чьем лице было написано подозрение.

— Добро пожаловать, мистер Фаулер, — сказал д'Андрье. — Мы как раз наслаждались попыткой обнаружить среди нас Фламанды или Гаске. Э-э... вы, часом, не один из них?

— К сожалению, нет.

— Что, черт возьми, вы делали в этом самолете? — осведомился Рэмсен.

— Следовал за вами, сэр.

— Следовали за мной? Почему?

Фаулер заколебался.

— Понимаете, ходили слухи... Между прочим, сэр, как здоровые низама?

— Вот оно что! — Рэмсен усмехнулся, хотя его глаза смотрели сурово. — Очевидно, это обычный вопрос, на который должен последовать ответ? Ох уж эти ценки! Продолжайте, Мерривейл, — я не буду вмешиваться.

— Не вижу смысла продолжать, — буркнул Г. М., — пока мы не выясним, из какого количества народу нам предстоит выбирать злодея и сыщика. Все пассажиры уже здесь?

— Остался еще один, — ответил Фаулер. — Он уже идет сюда с пилотом. А вот и он! Входите, мистер... мистер...

Я слышал шаги в дверях, но смотрел на Фаулера и не обернулся.

— Драммонд, — раздался знакомый голос. — Харви Драммонд.

Глава 7

МАСКА СОРВАНА АВТОРУЧКОЙ

В литературе существует традиционная фраза о людях, «взлетающих с мест». Теперь она меня не озадачивает, поскольку я знаю, как это происходит. Эта фраза точно описывает ваши чувства между тем моментом, когда вы спокойно сидите на стуле, и следующим, когда вы обнаруживаете, к сво-

ему удивлению, что стоите на ногах. Со мной произошло именно такое эмоциональное затмение.

Широкая фигура с выпяченной вперед шеей и слегка ощерившимися каштановыми усами стояла в дверях, окидывая нас угрюмым взглядом. Под мышкой торчала шляпа-котелок, а руки были засунуты в карманы дождевика.

— Ну, по крайней мере, мы можем рассчитывать на приличную постель, — заговорил вновь пришедший. — Кого за это благодарить?

Меня потрясли не только эти слова, но и равнодушный взгляд, который он бросил на меня и тут же отвел, словно не узнав.

Более того, хотя требуется очень многое, чтобы деревянное лицо Г. М. изменило выражение, он закрыл глаза, прежде чем заговорить.

— Не возражаете сообщить мне, Драммонд, откуда вы явились?

— Откуда явился? Какого дьявола вы имеете в виду? Пришел из самолета на лугу. Разве вы меня там не видели?

— Вы хотите сказать, что летели в нем из Марселя?

Драммонд сердито уставился на него:

— Конечно, летел. Почему бы и нет? Разве закон это запрещает?

— Нет-нет, сынок, не ерепеньтесь. Но возникла жуткая путаница, в которой мы должны разобраться, прежде чем продолжать. Взгляните на этого парня. — Г. М. махнул рукой в мою сторону. — Вы когда-нибудь видели его раньше?

— Насколько я знаю, нет. А что?

— Послушайте, — заговорил я. — Разве вы не вели красный автомобиль по дороге Леве около часа тому назад? Если помните, я позаимствовал вашу авторучку.

Драммонд слегка покраснел, но спокойно обратился к Г. М.:

— Этот парень спятил, Мерривейл, или таково ваше представление о юморе? Что это за вздор? Вы пытаетесь убедить меня, что я не летел в этом самолете? Спросите кого угодно из присутствующих!

Темные глаза Фаулера разглядывали Г. М. из-под сросшихся бровей.

— Что касается мистера Драммонда, сэр, то он разговаривал со мной после того, как самолет приземлился. Мы пробовали починить радиотелефон.

Последовала пауза.

— Я ни в коей мере не хочу сомневаться в ваших словах или в вашей честности, сэр, — обратился ко мне д'Андрье. — А еще меньше в словах и честности сэра Генри Мерривейла, о котором я слышал. Замечу только, что вы, кажется, пережили куда более экстраординарный опыт, чем тот, который обычно выпадает на долю путешествующих по дороге Леве. Сначала вы атаковали полицейского, который пытался вас ограбить. Потом вы позаимствовали авторучку (несомненно, по веской причине) у джентльмена, который в тот момент находился в небе. О чем еще вы забыли нам сообщить?

Я не слушал его. Даже после краткого изучения человека, именующего себя Харви Драммондом, я нашел объяснение. Являлся он настоящим Драммондом или нет, но он был не тем человеком, который остановил нас на дороге, а всего лишь его хорошей копией. Разница заключалась не только в физических деталях — более худое лицо, менее торчащие скулы, более высокий череп под редкими каштановыми волосами. Его угрюмость была только маской, сквозь которую просвечивало нечто куда более опасное, чем то, что вдохновляло Драммонда на дороге Леве, — сила интеллекта — а также скрытая улыбка, от которой становилось не по себе.

Вопрос заключался в том, кто из них настоящий Харви Драммонд. Я не верил, что человек на дороге был самозванцем, но нужно было действовать с осторожностью. Вновь пришедший явно играл роль, но кто он? Фламанд? В таком случае сейчас нам следовало не разоблачать его, а позволить ему действовать, наблюдая за ним. Если только я не испортил все дело, будучи в шоке от увиденного...

— Позвольте мне принести вам искренние извинения, мистер Драммонд, — заговорил я. — Дело в том, что я встретил на дороге человека, который так походил на вас...

Г. М. повернулся ко мне.

— Рад, что вы начинаете осознавать это, сынок, — проворчал он. — Конечно, это Драммонд — мне ли не знать? А на дороге кто-то вас разыграл...

Драммонд с любопытством смотрел на меня. Его глаза давали, что он словно взвешивал что-то.

— Все в порядке, — сказал он. — Забудем это. Но я хотел бы поговорить с вами о происшедшем. Вы сказали, что кто-то на дороге выдал себя за меня?

— Не совсем. Он не назвал своего имени...

— Где же он теперь? — резко осведомился вновь пришедший.

— Это часть нашей путаницы, сынок, — усмехнулся Г. М. — У нас были все причины полагать, что он направляется сюда, чтобы причинить неприятности. Д'Андре приказал слуге вышвырнуть его. Кстати, вам не кажется, что при сложившихся обстоятельствах приказ следует отменить?

— Пожалуй, — задумчиво согласился д'Андре. — Вы не возражаете против встречи с вашим двойником, мистер Драммонд?

— Разумеется, нет.

— И конечно, — вежливо продолжал наш хозяин, — вы готовы подтвердить свою личность в случае необходимости?

— Безусловно. Черт возьми, давайте забудем об этой ошибке...

— В таком случае, думаю, вам лучше сделать это сейчас, — закончил д'Андре.

Это была помеха. Г. М. вынул из рта пустую трубку и шевельнул губами, словно собираясь выругаться. Д'Андре продолжал улыбаться, но в упор смотрел на Драммонда.

— Поймите, в данный момент я не делаю выбор между историями мистера Блейка и мистера Драммонда. Возможно, они даже не противоречат друг другу. Но мне кажется, они нуждаются в некотором объяснении, хотя мистер Блейк готов великодушно признать свою ошибку. Я мог бы поклясться, что сэр Генри верил в историю мистера Блейка, пока тот внезапно не стал великодушным...

Г. М. указал на д'Андре черенком трубки:

— С вами нелегко иметь дело. Вы хотите, чтобы старик с ходу расчехлил тяжелую артиллерию? Или чего вы хотите?

— Хорошей забавы, — сказал д'Андре. — Вы согласны со мной, джентльмены?

— Ну, я могу сказать вам кое-что чертовски забавное, — проворчал сэр Джордж Рэмсен. — Я не знаю в лицо этого парня, — он кивнул в сторону Драммонда, — но я слышал о

нем, а Генри говорит, что с ним все в порядке. Зато Кена Блейка я знаю и могу утверждать, что с ним тоже все в порядке. Тогда что означает эта ерунда с полицейским и авторучкой?

— Вы правы, — кивнул Хейуорд и выпятил подбородок. — Вы думаете, что знаете этих людей, но что, если один из них самозванец? Когда имеешь дело с Фламандом...

— Justement¹, — согласился д'Андре и повернулся ко мне: — Давайте начнем сначала. Конечно, у вас есть паспорт, мистер Блейк?

Я открыл рот и закрыл его снова.

— В данный момент нет.

— Но ведь правила требуют... Могу я спросить, что с ним случилось?

— Его украл у меня полицейский.

Д'Андре склонил голову набок, Миддлтон вытаращил глаза, а Фаулер погладил худой нормандский подбородок.

— И поэтому вы напали на него? — предположил д'Андре.

— Нет. Это произошло сегодня вечером в Париже и с другим полицейским.

— Который также пытался вас ограбить? — осведомился наш хозяин. — Если я правильно понимаю, вас дважды атаковал полицейский... Пожалуйста, не выходите из себя, мистер Блейк, — я всего лишь пытаюсь разобраться. После этого вы позаимствовали авторучку у одного из злодеев и... Кстати, мы можем взглянуть на эту авторучку?

Я предвидел этот вопрос и успел потихоньку отделить от ручки серый клочок бумаги. Оставив его на дне кармана, я протянул авторучку, снабженную не французским пером, а золотым «уотерменом». Клочок скрывал имя «Харви Драммонд», выгравированное на корпусе золотыми буквами.

— Ваша, сэр? — спросил д'Андре, вежливо протягивая ручку человеку, именующему себя Драммондом.

Последний слегка побледнел. Взяв авторучку, он повертел ее в нетвердых пальцах.

— Нет, не моя. Я никогда не видел ее раньше.

— Это представляет всю путаницу в новом свете, — заметил Рэмсен. — Что, если мы отбросим чертову вежливость?

¹ Справедливо (фр.).

Самозванец вы или нет? Для начала собираюсь спросить вас о ваших лошадях...

— Простите, старина, — вмешался Хейуорд, взмахнув сигарой, — но вы не правы. Я юрист и могу об этом судить. Самое главное — мотив. Следовательно...

— Вы пренебрегаете очевидным! — прервал Эбер. — Вспомните человека, убитого в Марселе. Сходство имен бросается в глаза...

Фаулер и Миддлтон посмотрели друг на друга, словно им в голову пришла одна и та же идея. Потом Миддлтон достал из кармана пятифранковую монету и подбросил ее в воздух.

— Орел, — сказал Фаулер.

— Решка, — сказал Миддлтон и посмотрел на результат. — Так и есть — решка. Значит, он самозванец. — Они обменялись рукопожатиями.

Я окинул взглядом группу, в которой находились Фламанд и Гаске, скрывая свой секрет с поразительным хладнокровием. Кто же из них кто? Очевидно, та же мысль мелькнула у остальных, так как болтовня внезапно прекратилась.

Паузу нарушил ворчливый голос Г. М.

— Отлично! — фыркнул он. — Если все шестнадцать поворов прекратили плясать вокруг похлебки, может быть, мы перейдем к делу? — Он посмотрел на Драммонда. — Для начала, сынок, я хотел бы взглянуть на ваши документы.

Драммонд полез в карман.

— Мой паспорт... — начал он, но Г. М. устало прервал его:

— Нет-нет, сынок. Я имею в виду не паспорт на имя Харви Драммонда, если таковой у вас есть, а ваше подлинное удостоверение. Ведь вы Гаске, не так ли?

Г. М. произнес это таким беспечным тоном, что какой-то момент мы не осознавали, что он сказал, или принимали это за оговорку. Потом смысл дошел до нас, подействовав как удар в лицо. Хейуорд с проклятием вскочил на ноги.

— Знаю, знаю. Прошу прощения, что поторопился и, вероятно, испортил впечатление от задуманного вами театрального эффекта, — продолжал Г. М., изучая собственные пальцы. — Но разве вы не понимаете, приятель, что мне пришлось это сделать? Наше столкновение с Драммондом на дороге и замечательное исполнение Кеном роли придурка, какое неча-

сто увидишь на сцене, все настолько запутало, что мы бы блуждали в лабиринте, если бы оставили все как есть. Думаю, вам лучше признаться. Это будет наименее сложным способом осуществить ваши намерения. Вы со мной согласны?

Какой-то момент Драммонд стоял неподвижно. Потом он достал трубку и кисет и начал заталкивать большим пальцем табак в чашечку, опустив голову. Когда же он посмотрел на нас, его лицо по-прежнему демонстрировало интеллект, а когда заговорил, в голосе зазвучали насмешливые нотки.

— Поздравляю. — Он чиркнул спичкой. — И одновременно проклинаю вашу проницательность. Нет, вы не испортили задуманное впечатление. Все, на что я надеялся, — это сесть в самолет, не вызывая подозрений. Как вы сказали, мне лучше признаться...

Рэмсен, придя в себя, издал сдавленный возглас.

— Да, я Гаске, — продолжал мнимый Драммонд. Он зажег трубку и устремил на нас насмешливый взгляд. — Если бы Драммонд следовал моим указаниям и держался в тени в Париже, пока я занимаю его место, месье Фламанд, возможно, до самого конца не догадался бы, кто я в действительности. А теперь... — Массивные плечи шевельнулись.

— А теперь? — переспросил д'Андре.

— Это не имеет значения. Он знает меня, но и я знаю его.

Кто-то присвистнул. Фаулер энергично шагнул вперед.

— Вы имеете в виду, что Фламанд здесь и вы знаете, кто он? Что все это означает?

— Что означает? — свирепо отозвался бывший Драммонд. — Это означает, что проклятый мошенник и убийца последний раз выставил меня дураком. Это означает триумф.

Он щелкнул пальцами. Усмешка на его лице стала походить на оскал сытой акулы, сорвав последние остатки маски Драммонда. Когда он взял у Г. М. серную спичку, чтобы заново разжечь трубку, то закашлялся, но не выглядел при этом нелепо.

— Простите мое возбуждение, джентльмены, но если благодарная республика наградит меня Большим крестом Почетного легиона...

— Безусловно, — успокаивающе произнес Г. М. — Но давайте сначала проясним пару вопросов. Это одна из ваших знаменитых маскировок? Если да, то ставлю вам высшую оценку. Вы точная копия Харви Драммонда.

— Верно, но должен признаться, особой маскировки не понадобилось. Фальшивые у меня только усы. Я занял место Драммонда, так как похож на него. И у меня возникла идея...

— Какая?

Он задумался.

— Охота почти окончена. Я могу сообщить вам кое-что. Скажем, когда мы уоемся, устроимся подобнее и я достану кое-какие бумаги из моего чемодана?

— Но Фламанд!.. — воскликнул Фаулер.

— Фламанд, друг мой, какое-то время будет вариться в собственном соку. На сей раз ему не уйти. Не хочу казаться мстительным — я всего лишь практичен. Мои люди скоро будут здесь. Мы передадим им арестованного для отправки в Париж, но в свое время. А пока что... — он снова щелкнул пальцами и улыбнулся широкой улыбкой, — надеюсь, ожидание будет приятным для месье Фламанда. Остается спросить сэра Генри, как он разоблачил меня. Если бы я не слышал, как вы назвали свое имя, приближаясь к самолету, то никогда бы не догадался, кто вы.

— Кроме этого, остается еще одна мелочь, месье Гаске. — Д'Андрье нахмурился.

— Да?

— Ваши документы. Возможно, мы излишне любопытны, но если бы вы представили какие-нибудь доказательства...

— Ага, мои документы! Разумеется. Но сейчас я не намерен удовлетворять ничье любопытство, кроме этих двух джентльменов. — Он посмотрел на Рэмсдена и Г. М. — Я продемонстрирую им доказательства моей личности, и более того. Если вы, джентльмены, встретитесь со мной в этой комнате через пятнадцать минут, я назову вам имя, которым Фламанд пользуется этой ночью.

Глава 8

ГОБЕЛЕН И СМЕРТЬ

Сейчас неподходящее время для здравомыслия, думал я, переодеваясь в отведенной мне комнате. Мои часы показывали двадцать пять минут первого, а события начали раскручи-

ваться с половины девятого, вызвав в моей голове кавардак. Кроме того, я был так голоден, что тут же проглотил покрытый табачной крошкой кусок шоколада, который нашел в одном из карманов. Д'Андре не торопился с «легкими закусками» — он соблюдал все формальности, как на официальном приеме в английском сельском доме.

К примеру, у каждого из нас была отдельная комната, хотя мы легко могли разместиться по двое. Это выглядело тем более фантастично, так как (по крайней мере, судя по моей комнате) помещения никогда не использовались обычным образом, но были подметены и снабжены свежим бельем в угоду Фламанду.

Интерьер Шато де Л'Иль был достаточно прост, если не считать резных и лепных украшений в верхнем и нижнем коридорах и на лестнице. Обитаемыми были только два из трех его этажей. Третий, ранее предназначавшийся для слуг и имеющий отдельную лестницу, был заперт, как и двери на башне. Широкая галерея на втором этаже, где поместили нас, как и нижний коридор, тянулась во всю длину замка. Посредине находилась поперечная галерея. Как объяснил д'Андре, здесь не было ни лабиринтов, ни потайных комнат, ни скользящих панелей, столь любимых знаменитыми злодеями, вроде Гизов и Медичи. Генрих IV никогда не держал тут своих любовниц, а Ришелье никого не бросал в подземные камеры. Мне это казалось упущением. Хотя замок построили в середине XVI века, он десятилетиями был заброшен и разрушался, покуда не был спасен и отреставрирован в период империи первым графом д'Андре, получившим титул от Наполеона I.

От прежних времен сохранились только лепнина в коридорах и резьба на лестнице. Последняя неприятно подействовала на меня. Она находилась в конце коридора, была широкой, массивной и мрачной, чему способствовали резные украшения из темного дуба наподобие горгулий. Десять ступенек вели к промежуточной площадке, где лестница сворачивала налево под прямым углом, и еще десять — на второй этаж. На стене площадки висел огромный гобелен, чьи красный, черный и зеленый тона выцвели, превратившись в бурый, хотя кое-где оставались яркие пятна. Фигуры и лица были с трудом различимы, но я понял, что здесь изображена охота на

вепря или что-то в этом роде. Когда я проходил мимо гобелена, мне стало не по себе.

Моя комната помещалась в начале галереи второго этажа, а ее окна были обращены в сторону дамбы. Воздух был спертый из-за плотных зеленоватых портьер, в мраморном камине с бронзовым бюстом Наполеона над ним тлел огонь, а две парафиновые лампы в круглых стеклянных абажурах отбрасывали призрачный свет.

Я решил, что пора спускаться. Должно быть, Гаске уже закрылся внизу с Рэмсденом и Г. М. Приближалась развязка, но она выглядела слишком легкой, и это меня нервировало. Очевидно, Гаске знал свое дело, но мне казалось, ему следует что-то предпринять, прежде чем Фламанд подготовит контрудар. В доме было тихо, если не считать шума дождя и угрюмого плеска реки внизу. Мне казалось, что к этим звукам примешивается какой-то стук, который я не мог объяснить.

Интересно, как поступит Г. М.? Неужели он удалится побежденным, когда Гаске арестует Фламанд? Я не мог представить себе такое, но Г. М., казалось, не делал вообще ничего. Одной предосторожностью явно пренебрегли. Что, если Фламанд решит сразу нанести удар? Тем не менее Гаске с улыбкой позволял ему свободно передвигаться по дому...

Что же это за стук? Я открыл дверь и высунул голову. На хорошо освещенной каменной галерее было пусто и так тихо, что мне показалось, будто я слышу откуда-то звук пишущей машинки. Ряд дверей с обеих сторон тянулся к поперечному коридору и лестнице в дальнем конце. Стук доносился не отсюда.

Я подошел к окну, повернул ручку и распахнул створки. Портьеры заколыхались, а дверь на галерею хлопнула из-за сквозняка, но в нижних окнах было достаточно света, чтобы разглядеть дамбу.

Она была разрушена более чем до середины. Деревянные сваи, вырванные из гнезд, стучали друг о друга, тревожимые течением. Некоторые из них застряли у поросшего ивами берега, а некоторые выбросило на наш остров.

Я закрыл окно, продолжая смотреть наружу. Теперь, когда река перерезала наш единственный путь на Большую землю, мы оказались в одной ловушке с Фламандом. Гаске мог ощу-

щать триумф. Противника отделяли от другого берега всего шестьдесят ярдов воды, но он был надежно заперт. Станным выглядело то, что Гаске, задержавшись, оказался последним человеком, прошедшим по дамбе.

Не был ли он причастен к ее разрушению? Но если Гаске знал Фламанд, зачем ему уничтожать и собственную линию связи?

В дверь постучали, и я резко повернулся. Это была Эвелин в белом гофрированном вечернем платье, которая с серьезным видом присела в реверансе.

— Пофэрьте мне, mein Herr¹, — заговорила она, имитируя немецкий акцент, — я бы не штала нарядяться, как плюшевый лешадь, если бы не мой подруга Эльза... Она постаралась, чтобы все мужчины пялили на нее глаза, и мне тоже пришлось принять меры. Должна признать, сложена она прекрасно, если тебе нравятся женские фигуры в стиле надувных подушек.

Вообще-то они мне нравились, но проблема состояла в том, как информировать Эвелин, что она тоже обладает солидной долей этих качеств, одновременно используя термин, более подходящий для *vers passionel*², чем «надувная подушка».

— Эльза рассказала мне историю своей жизни, — продолжала Эвелин. — С английским языком у нее неважно, а с французским еще хуже, но я немного знаю немецкий, поэтому все поняла. Ей нравится идея остаться здесь. Понимаешь, она ужасно боится своего мужа...

— Боится Миддлтона? Почему?

— Нет-нет, не Миддлтона. Они официально еще не поженились. Эльза боится теперешнего официального супруга — третьего по счету, — который, как ей кажется, намерен погнаться за ними с саблей. И поделом ей!

— Давай обойдемся без морализаторства. Ты не одобряешь ее поведение?

— На ее месте я поступила бы так же, — откровенно призналась Эвелин. — Поэтому они направляются в Париж, где она сможет получить развод. Не пойми меня превратно — мне нравится Эльза, и она по-настоящему влюблена в Миддлтона,

¹ Господин (нем.).

² Страстный стих (фр.).

который выглядит достойным парнем. Но она все время жалуется. Ее третий муж — пьяница, игрок и грубиян...

— Какая трагедия!

— Некоторым женщинам это не по душе. Хотя лично я... Ладно, не буду отвлекаться. Они жили в Монте-Карло, где он тратил семейное состояние. Эльза сбежала от него в Марсель, так как считала этот город последним местом, где мужу придет в голову ее искать. Там она встретила Миддлтона, который возвращался из Индии. Кстати, они знакомы всего неделю, но решили лететь в Париж, чтобы добиться развода...

— Меня не интересуют сплетни, — прервал я. — Что у тебя на уме?

Эвелин изучала носок своей туфли.

— То, что Оуэн Миддлтон появился на сцене всего неделю назад и только что вернулся из Индии.

— При чем тут Индия? Господи, ты ведь не думаешь, что Миддлтон — Фламанд? Или Эльза?

Эвелин нахмурилась:

— К Индии мы скоро перейдем. Что касается Миддлтона — не знаю, хотя мне это кажется маловероятным. А после того как я видела Эльзу обнаженной, я могу поклясться, что она не Фламанд. Но почему Эльза закричала и чуть не упала в обморок при виде «Забавных сказок» Бальзака?

Я подвел Эвелин к камину, усадил ее на стул, зажег для нее сигарету и засыпал вопросами. Она показала мне язык, но выглядела по-настоящему обеспокоенной.

— Нет, я не шучу, — сказала Эвелин, посматривая на Наполеона над камином, — и не валяю дурака. Дело было так. Я сидела в их комнате, разговаривая с Эльзой, когда Миддлтон поднялся на второй этаж вместе с остальными минут пятнадцать назад...

— Он рассказал вам, что произошло внизу?

По лицу Эвелин я понял, что нет. Когда я дал ей краткий отчет, ее глаза расширились и она недоверчиво усмехнулась:

— Драммонд превратился в Гаске? Брр! Жаль, что я это пропустила, но я бы пробила головой крышу, если бы увидела этого парня в дверях... Не могу этого понять. Ты имеешь в виду, что все кончено, за исключением наручников? А что говорит Г. М.?

— Очевидно, он еще ничего не сказал.

— А Миддлтон не сообщил нам об этом ни слова, — задумчиво промолвила Эвелин. — Интересно, почему?

— Вероятно, не хотел вас тревожить заранее.

— Может быть. Но теперь ты согласен, что я была права в одном? Я говорила, что Фламанд убил этого беднягу в Марселе, и доктор Эбер это подтверждает. А по твоим словам, наш любезный хозяин произвел сенсацию, заявив, что знает страну, где судьбой предателя считается быть пронзенным рогом единорога. Мне кажется, я могу предоставить еще одно звено.

— Спокойно. Рассказывай по порядку. Почему Эльза потеряла сознание при виде книги Бальзака?

— Не совсем потеряла сознание. Все происходило так. Миддлтон вошел в комнату, взял мыло и полотенце из багажа Эльзы и отправился на поиски ванной. Я встала, чтобы уйти. Тем временем Эльза бродила по комнате и наткнулась на очередное доказательство гостеприимства и предупредительности нашего друга д'Андре. На ночном столике у кровати лежали книги.

— Книги?

— Да. Должно быть, они есть в каждой комнате, так как я заглянула к себе и нашла их, хотя не заметила раньше. Разве у тебя их нет?

Я снял с каминной полки одну из парафиновых ламп и отправился на разведку. На мраморной крышке столика у кровати действительно лежали книги. Случайно или в качестве сатирического жеста меня снабдили «Островом пингвинов» Анатоля Франса и «Арсеном Люпенем — джентльменом-грабителем» Мориса Леблана.

— Д'Андре наверняка получал удовольствие, распределяя эти книги. — Эвелин поежилась. — Он делает все, чтобы помочь Фламанду. Мне это не нравится, Кен. Тут есть нечто жуткое. Эльзе достались «Забавные сказки» Бальзака и французский перевод «Робинзона Крузо». Продолжая говорить, она посмотрела на пару страниц «Робинзона», потом подобрала «Забавные сказки» и стала разглядывать весьма фривольные иллюстрации. Внезапно Эльза издала вопль, напугав меня до полусмерти, уронила книгу на пол и села на кровать, белая как мел. Когда я попыталась выяснить, что не так, она что-то невнятно пробормотала. Я подняла книгу, но с ней было все в по-

рядке — никаких надписей или вкладок. Мне не верилось, что Эльзу могли так напугать иллюстрации. Но она отобрала у меня книгу и сказала, что должна побыть одна. Вот и все. Мне ужасно жаль Эльзу — я раскаиваюсь, что плохо говорила о ней, — но что все это значит?

Мы оба окинули взглядом комнату с зелеными порттьерами, как будто ответ скрывался в ней.

— У тебя разыгрались нервы, — сказал я. — Давай пойдем вниз...

— Нет! Пожалуйста, подожди немного! Я думала еще кое о чем, — вероятно, это чепуха, но может послужить для нас ключом. Мне пришла в голову смутная идея насчет единорога. Я не уверена в ней, так как не обладаю энциклопедической эрудицией Г. М. Что ты знаешь о единорогах в легендах, геральдике или еще чем-то в этом роде? Подумай!

Эвелин говорила так серьезно, что я напряг память. Единороги? Можно было днями рыться в заброшенных уголках мозга и найти только обрывки, которые не значили ничего. Конечно, возникали очевидные ассоциации — два Единорога на королевском гербе Шотландии, традиционно соперничавшие с британским Львом и вдохновившие детский стишок.

— Существует шотландское суеверие, — объяснил я, — что рог единорога в чаше для питья служит талисманом, предохраняющим от яда. Но я не вижу, как это может нам помочь. Также есть легенда, что единорог может становиться невидимым, когда хочет. Но...

Снаружи на галерее послышался крик.

Дверь моей комнаты была закрыта неплотно, и мы четко слышали его, а также грохот и стук, напоминавшие звук упавшего и покотившегося тяжелого тела, которые прекратились так же внезапно, как начались.

Я распахнул дверь и помчался в направлении этих звуков — к лестнице в противоположном конце. Галерея имела в длину около семидесяти футов. Двери открывались с обеих сторон, но я не следил за движениями выходящих людей. Если бы кто-нибудь в тот момент был способен ясно мыслить, мы могли бы сразу схватить Фламанды. Но сейчас на галерее было темно. Свет проникал только из двух дверей впереди и из нижнего коридора.

К лестнице вела широкая каменная арка. Широкие ступеньки спускались к площадке, потом сворачивали под прямым углом и вели к нижнему коридору. Освещение было тусклым, так как резные перила едва пропускали свет снизу. Наверху стояла Эльза Миддлтон, опустив голову и вцепившись обеими руками в стойку перил. Фаулер стоял чуть позади, глядя вниз.

У подножия лестницы в нижнем коридоре лежал лицом вниз мужчина в темном костюме, который недавно признал, что он Гаске. Над ним склонились Г. М. и доктор Эбер, а Рэмсен бежал к ним с другого конца коридора. Могучие руки Г. М. повернули голову упавшего человека и отпустили ее снова.

Доктор Эбер посмотрел вверх. В наступившем молчании его пронзительный голос звучал с ужасающей четкостью.

— Еще одна дырка между глазами! — воскликнул он.

Глава 9

НЕВИДИМОЕ ОРУЖИЕ

Фаулер повернулся к Эльзе Миддлтон. Его лицо было настолько бледным, что сросшиеся брови напоминали перекладину креста.

— Вам незачем на это смотреть, — хрипло сказал он. — Лучше идите в свою комнату.

Голова женщины опустилась — мне показалось, что она вот-вот перелетит через перила, и я подхватил ее.

— Обморок, — хладнокровно заметила Эвелин. — Я позабочусь о ней.

Она отодвинула Оуэна Миддлтона, стоявшего по другую сторону от Эльзы.

Я побежал вниз. За мной последовали Фаулер, Хейуорд, д'Андре и мажордом Огюст. Хейуорд толкнул меня, и мы оба едва не свалились на тело у подножия последнего пролета.

Тело уже перевернули лицом вверх. Чуть выше переносицы виднелась чистая круглая рана, но при виде ее меня затошнило, так как орудие убийства, вытащенное из нее, оставило следы. Лицо выражало ужас и удивление, которые выглядели гротескно, так как щеточка усов наполовину отклеилась от верхней губы.

Я слышал только тяжелое дыхание. Мы беспомощно столпились вокруг. Эбер и Г. М. опустились на колени около тела. Фаулер склонился вперед, бледный, но заинтригованный. Миддлтон держался за нижнюю стойку перил, как недавно Эльза за верхнюю. Хейуорд прислонился к стене, пыхтя и жестикулируя, словно сердитый инвалид. Огюст стоял неподвижно. На полпути вверх по лестнице д'Андре в ермолке и халате тихо постукивал пальцами по перилам.

Именно он нарушил паузу, начав спускаться. Его шаги гулко звучали на дубовых ступеньках.

— Выходит, я был не прав. Я думал, что он Фламанд, который выдает себя за Гаске.

Зычный голос Г. М., казалось, предотвратил грядущую панику:

— Спокойно, ребята! Мы уже думали более чем достаточно, и тем не менее убийца нас провел. Теперь нужно действовать быстро, и вы все должны помочь. Я видел, как он свалился на пол. А кто из вас видел, что произошло наверху? Говорите быстро, пока не успели забыть!

— Я видел, — отозвался Фаулер. Он был потрясен, и его голос звучал хрипло. — Я был там. Думаю, миссис Миддлтон тоже. Но я не могу точно описать происшедшее. Дайте мне полминуты, чтобы прийти в себя... — Фаулер провел рукой по курчавым черным волосам, бросил взгляд на тело и отвернулся. — Его комната прямо напротив лестницы, а моя — на другой стороне коридора, по диагонали от его, ближе к концу галереи. Я стоял у двери, ожидая, когда он выйдет из комнаты...

— Почему? — Обычного сонного ворчания Г. М. как не бывало. Он никого не называл «сынком» и был насторожен, как старший инспектор Мастерс.

— Ну... чтобы задать вопросы для интервью, прежде чем он сойдет вниз говорить с вами и сэром Джорджем.

— Угу. И долго вы там ждали?

— Ну... около четверти часа, за исключением, может быть, пары минут, с тех пор как все поднялись в свои комнаты. Все, кроме вас и сэра Джорджа. Он, — Фаулер кивнул в сторону тела, — поднялся на несколько минут раньше нас, если помните.

— Значит, все это время вы наблюдали за происходящим на галерее? Ваша дверь была открыта настежь?

— Нет — приоткрыта на дюйм, чтобы я мог смотреть на его дверь. Поймите, я не шпионил, а просто боялся его упустить.

— Угу. Продолжайте.

— Около пяти минут назад электрический свет в коридоре погас. Не в комнатах — во всяком случае, не в моей: там только парафиновые лампы...

— Вы еще не были наверху, сэр Генри? — слышался спокойный голос д'Андре. — Устанавливать электричество всюду слишком хлопотно. На втором этаже электричество только на галерее, в ванной и трех комнатах сзади, которые занимаю я.

— Продолжайте. — Г. М. повернулся к Фаулеру. — Что вы сделали, когда погас свет?

— Естественно, открыл дверь и выглянул...

— Ну? Вы что-нибудь увидели?

— Нет. Было слишком темно. В моей спальне горела лампа, из-за чего снаружи, казалось, было еще темнее. Я не мог разглядеть ничего, кроме света из нижнего коридора над лестницей. Потом я услышал, как отодвинулся засов и открылась дверь напротив моей. Я знал, что это ванная, и услышал голос Миддлтона: «В чем дело? Перегорели пробки?»

— Верно, — энергично кивнул Миддлтон. — Свет в ванной погас...

— Я сказал ему: «Кажется, пробки внизу». Тогда Миддлтон закрыл дверь ванной и направился к своей комнате с другой стороны лестницы. Я видел, как он прошел мимо лестницы и открыл дверь — в комнате горела лампа. И примерно в то же время этот парень... Гаске... открыл свою дверь... — Фаулер пришел в себя скорее благодаря интересу к делу, нежели усилию воли. Его взгляд был печальным и при этом возбужденным. — Чертовски странно, сэр, — задумчиво промолвил он. — Я запнулся на слове «Гаске». Кажется неправильным называть его так. Он появился и исчез, как фейерверк, и казался не реальным человеком, а всего лишь парой масок. Вы меня понимаете?

Г. М. прищурился:

— Очень интересно. Теперь расскажите, что он делал. Вы ведь хорошо его видели?

— Да. На столе у двери горела лампа, и он нагнулся, чтобы задуть ее. В одной руке у него была коричневая картонная папочка с кармашками вроде миниатюрной картотеки, какой

пользуются адвокаты. Он казался слегка удивленным тем, что на галерее темно, но, поколебавшись, погасил лампу и направился к лестнице...

— Не застревайте, черт возьми! Что было потом?

— Не знаю. В этот момент дверь комнаты Миддлтонов открылась, и в коридор вышла миссис Миддлтон. Он находился в паре футов от лестницы, и я уже собирался его окликнуть, когда это произошло. Казалось, кто-то — или что-то — схватил его в темноте. Это лучшее описание, которое я могу дать.

— Что значит «лучшее описание»? — взорвался сэр Джордж Рэмсен. — Либо вы видели, как кто-то на него напал, либо нет. Если вы видели его, значит, должны были видеть и кого-то еще. Ну?

— Боюсь, я не мог четко разглядеть... — Фаулер пожал плечами. — Сожалею, что привношу... э-э... элемент метафизики...

— К черту метафизику! — внезапно заговорил мистер Хейуорд, чей паралич, очевидно, сменился приступом красноречия. — Раз уж вы затащили нас сюда, то могли бы, по крайней мере, сказать, кто ударил этого беднягу, и прекратить всю эту чушь, которая продолжается с тех пор, как мы оказались в этом логове убийц!..

— Merci¹, — сказал д'Андре. — Но может быть, мы позволим мистеру Фаулеру продолжать?

Фаулер не сводил глаз с неподвижного лица Г. М.

— Могу поклясться, что я никого не видел — в обычном смысле слова. Но повторяю: что-то как бы потянулось и схватило его. Он вздрогнул, испустил жуткий вопль, поднес руки ко лбу — вот так — и покатился вниз по лестнице.

— Не может кто-нибудь прикрыть его? — Миддлтон указал на тело.

— Спокойно, сынок, — проворчал Г. М. — Продолжайте, Фаулер.

— Я побежал к лестнице. Кто-то бежал с другой стороны — думаю, миссис Миддлтон. Этот парень — я имею в виду Гаске — отлетел от стены площадки, как мяч, и покатился дальше, упав прямо к вашим ногам, сэр Генри, когда вы подбежали. Я думал,

¹ Спасибо (фр.).

он собирался ухватиться за гобелен, но, должно быть, он тогда уже был мертв. Это все, что я знаю.

Последовало молчание. Я посмотрел на площадку, увидев верхний угол огромного гобелена с безобразными бурыми фигурами, изображавшего охоту на вепря или монстра с одним рогом. Фаулер, проследив за моим взглядом, казалось, подумал о том же.

— Ну-ну, — сказал Г. М. — Оставьте на минуту в покое сказочных чудовищ. Значит, вы не видели никакой борьбы, которая могла бы произойти, если бы его атаковали с каким-то острым орудием? Это вас беспокоит?

— Очевидно, — признал Фаулер после паузы.

— И вы побежали к лестнице. Кто-нибудь пробежал мимо вас в обратную сторону?

— Я никого не видел, но было темно, и напавший на Гаске мог пробежать незаметно.

Блестящие глазки д'Андрье блеснули под набрякшими веками.

— Э-э... могу я задать вопрос? Мистер Фаулер, когда покойный Гаске вскрикнул и поднес руки ко лбу, в какую сторону он смотрел?

Фаулер колебался.

— Точно не могу сказать, сэр, кроме того, что он подошел к лестнице и собирался спускаться. Поэтому я думаю, что он смотрел вниз.

— В сторону нижнего коридора?

— Да.

— Ага! — Д'Андрье вытянул шею. — Предположим, что, когда он стоял у лестницы, в него выстрелили из нижнего коридора или с другого конца галереи. Разве пуля, выпущенная оттуда, не привела бы к такому результату?

— Это мысль! — воскликнул Хейуорд.

Доктор Эбер поднялся, отряхнул колени и заговорил по-французски:

— Вы видите рану и твердите о пулях! Я спрашиваю вас, месье граф, вы когда-нибудь видели такую пулевую рану? Пуля бы снесла ему затылок. К тому же здесь следы вытащенного оружия. Какого?

— Это мы и должны выяснить, — деревянным голосом произнес Г. М. — Можно отнести беднягу куда-нибудь, чтобы доктор произвел обследование? В библиотеку? Отлично! Огюст, поднимите тело и отнесите его туда. И обращайтесь с ним достойно. Начинаю думать, что он был лучшим человеком, чем нам казалось. Я имею в виду — человеком, а не детективом. Потом возвращайтесь сюда. Осмотрите его, док. Проверьте, нет ли у него в карманах этой миниатюрной картотеки, о которой говорил наш друг Фаулер, но я ставлю пять фунтов против копченой селедки, что она исчезла.

Огюст без особого труда поднял тяжелое тело с открытым ртом и отклеившимися усами. Когда его шаги замерли среди колонн, Г. М. из оттопыренного кармана пиджака достал трубку.

— Хм! Пожалуй, стоит заняться реконструкцией преступления, — сказал он. — Но сначала нужно кое-что выяснить. Сколько людей находится в доме в данный момент? Кстати, как насчет трех авиаторов?

Д'Андре нахмурился:

— К моему искреннему сожалению, друг мой, их здесь нет, и теперь они вряд ли появятся. Они слишком долго оставались у самолета и, когда вода смыла нашу дамбу, оказались отрезанными... — Он быстро повернулся: — Вы не слышали об этом, джентльмены?

Хейуорд, Фаулер и Миддлтон заявили, что понятия не имели о разрушении дамбы.

— Я тоже узнал об этом только что, — сказал д'Андре. — Мне сообщил Огюст. Я очень огорчен, джентльмены, но уверен, что мы сможем удобно вас устроить, покуда завтра утром неполадки не будут устранены. Авиаторам придется переночевать в самолете. Так о чем я говорил?.. Ах да! В доме также находятся мои слуги. Помимо Огюста, это повар Жан-Батист, Жозеф и Луи, которые этой ночью исполняют обязанности лакеев, хотя первый из них конюх, а второй... как это называется... мастер на все руки. Вот и все.

— Прошу прощения, месье, — вмешался возвратившийся Огюст, — но в доме появился еще один человек — водитель такси, который называет себя Марселем Селестеном. Он очень пьян.

Г. М. окинул нас взглядом.

— Вам наверняка приходилось участвовать в игре под названием «Убийство», — снова заговорил он. — У нас аналогичная ситуация вплоть до погасшего света и крика. Поэтому воспользуемся ею. Я хочу, чтобы все заняли те места, где находились, когда услышали крик этого бедняги. Рэмсен, Эбер и я были здесь. Я стоял там же, где теперь. Где были вы, Рэмсен, прежде чем прибежали?

— Снаружи — у входной двери, — проворчал Рэмсен. — Я пытался разглядеть, в какой степени разрушена дамба. Вы начали подниматься вверх узнать, почему Гаске не спускается, чтобы встретиться с нами... Ну а как насчет Эбера?

— С Эбером и со мной все в порядке, — ухмыльнулся Г. М. — Мы можем взаимно подтвердить наше алиби. Он подходил сюда со стороны лестницы, и мы друг друга видели. Повезло, а? Теперь давайте поднимемся на второй этаж и установим тамошние позиции. Идите все за мной и ищите эту картонную папку. Хмф!

Г. М. затопал по ступенькам, пыхтя и глядя через перила. На площадке он остановился и посмотрел на гобелен, потом отодвинул его в сторону, обнаружив под ним окно в глубокой нише.

— Так-так. Это становится все более интересным. Окно не заперто. — Г. М. опустил шпингалет и повернулся к д'Андрье: — Вы всегда держите его незапертым?

Наш хозяин быстро подошел и посмотрел на шпингалет.

— Насколько я знаю, его никогда не оставляли открытым. Не так ли, Огюст?

— А что находится снаружи? Обрыв к реке?

— Нет, плоская крыша с балконным парапетом. Можете выйти на нее, если не опасаетесь промокнуть.

— Если выйти на крышу отсюда, можно вернуться в дом другим путем?

— Можно. — Д'Андрье прищурился. — С каждой стороны есть карниз, тянущийся мимо окон спален. Эти комнаты занимают мистер Хейуорд и мистер Фаулер. Ловкий человек легко может пробраться к каждому окну. Может быть, мы...

— Не горячитесь! Идемте наверх, и покажите мне, где вы стояли. Здесь чертовски темно, — очевидно, перегорели пробки. Кен, сбегайте в свою комнату и принесите фонарь, который вы позаимствовали у шофера такси.

Я нащупал нужную дверь и достал фонарь из ящика стола. Конечно, он не работал, а мои пальцы были слишком неловкими, чтобы починить его. Но когда я шел назад по галерее, то услышал ободряющий возглас д'Андре. Он и Г. М. находились в бельевой напротив лестницы.

— Здесь регулируется электрический свет на всем этаже, — говорил д'Андре, когда я вошел. — С пробками все в порядке. Кто-то просто опустил рубильник...

— Всем стоять на месте! — рявкнул Г. М. — Кто-то только что выбросил что-то белое. Никому не двигаться!

На галерее зажегся свет, и мы увидели белый конверт, лежащий на покрытом ковром полу неподалеку от двери бельевой, на котором были отпечатаны слова: «Месье графу д'Андре».

Глава 10

ПИСЬМА ЛЖЕЦА

Г. М. взмахнул кулаком.

— С меня довольно! — заявил он. — Эти игры над трупом если и могут подействовать на чье-нибудь чувство юмора, то только не на мое. Будь я проклят, если когда-нибудь чувствовал себя таким беспомощным!.. Еще одно конфиденциальное сообщение, а? Лучше прочитайте это. — Он передал конверт д'Андре, который был удивлен не более, чем если бы получил письмо с обычной почтой. — Не будем устраивать фарс, спрашивая, кто бросил коверт. Кто стоял ближе всего к нему?

— Я, — ответил Хейуорд. — Я практически видел, кто это сделал...

— Ну и кто же?

— Не знаю. Я имею в виду, что видел, как его бросили. Господи, это просто неприлично! Парень рехнулся! Конечно, если письмо действительно от...

— Да, — спокойно сказал д'Андре. — Оно от Фламанды. И его стиль изменился. Он уже не шутит.

Впервые я увидел на лице нашего хозяина мрачное выражение. Он выглядел неуверенным, словно взвешивал что-то.

— Прочитать вам письмо, джентльмены? На сей раз оно написано по-английски. Если он говорит правду, это многое меняет.

«Месье!

Я пишу это письмо, так как должен это сделать. Недоразумение необходимо прояснить немедленно. Для этой цели я позаимствовал чью-то портативную пишущую машинку, которую нашел в багаже. Сейчас она в бельевой.

К тому времени, когда Вы получите мое послание, я уже разберусь с болваном, вставшим у меня на пути. Я не верю в убийство, если только оно не абсолютно необходимо. Это было именно таковым. Придурок причинил бы мне неприятности, если бы я не устранил его...»

Я вспомнил стук машинки, который слышал в тихой галерее за несколько минут до убийства.

— У кого есть портативная пишущая машинка? — осведомился Г. М.

— У меня, — ответил Фаулер. — Я не обратил внимания, принесли ли ее в мою комнату с другими вещами. Значит, теперь она в бельевой?

Подойдя к двери, он заглянул внутрь, вытащил из-под полки старый «ремингтон», щелкнул замками футляра и мрачно добавил:

— Да, это она. Он воспользовался бумагой, которую я вложил в футляр.

— Слушайте дальше, джентльмены, — сказал наш хозяин.

«Должен также предупредить Вас о еще более серьезном деле. Вчера Вы получили письмо якобы от Фламанды. Я никогда не писал этого письма — это явная подделка. Я не устраивал поломку самолета, не собирался посещать Ваш дом и продумал совсем иной план кампании, который кто-то едва не испортил. Спросите любого, кто когда-либо получал от меня сообщения, снисходил ли я хоть раз до такой нелепой похвалы? Хотите доказательств? Среди вас есть человек, который в качестве газетчика должен был часто видеть мою подпись в письмах. Пусть он посмотрит на подпись в том письме и скажет Вам, подлинная ли она.

Но у меня есть подозрение насчет того, кто его написал. Я испытываю величайшее удовлетворение оттого, что в данный момент могу протянуть руку и коснуться любого из вас,

а вы не знаете, кто я. Я должен свести счеты, прежде чем заберу единорога у сэра Джорджа Рэмсдена. Это должно стать для него существенным предупреждением от Фламанды».

— Вау! — Миддлтон огляделся вокруг. — Беда в том, что это похоже на правду. Может кто-нибудь объяснить ситуацию? Зачем кому-то понадобилось подделывать письмо преступника? Кстати, он прав насчет подписи?

Д'Андре вопросительно посмотрел на Фаулера, и тот нахмурился.

— Вы приперли меня к стене, — признался он. — Я не был уверен, но мне казалось, что в том, другом письме есть что-то сомнительное. Могу я взглянуть на оба? — Фаулер взял два письма и изучил их. Выражение его лица оставалось озадаченным. — Тем не менее подписи очень похожи. Не знаю... Если первая подпись — подделка, то очень хорошая.

— Вам, любителям, следовало бы рассмотреть один пункт со всех точек зрения, — сказал Г. М., ни к кому конкретно не обращаясь. — Предположим, первая подпись поддельная. Где же автор подделки раздобыл подлинную подпись Фламанды, чтобы имитировать ее? Между прочим, Фламанд часто писал в газеты. Не публиковалась когда-нибудь фотокопия одной из его подписей? Это было бы естественно.

Фаулер уцепился за длинный нос.

— На это я могу ответить. Я просматриваю все сколько-нибудь значительные французские газеты и ни разу не видел в них фотокопии подписи Фламанды. Очевидная причина — избежать возможности того, что, похоже, произошло сейчас. Мелкий преступник может совершить ограбление и оставить записку с поддельной подписью, сваливая таким образом вину на Фламанды. Путаницы хватало и без этого. Вероятно, газеты получили приказ воздержаться от публикации фотокопий...

Он умолк, когда Эльза и Эвелин вышли из комнаты Миддлтонов и медленно направились к нашей группе. Маленькое личико Эльзы побледнело под макияжем, но теперь она казалась спокойной. Как и Эвелин, она надела белое платье с блесками и глубоким вырезом.

— Пошалуйста, простить меня, — обратилась Эльза к д'Андре. — Я ошень расстроена. Как вас зовут? Я не запоминайт французские имена...

Г. М. заговорил с ней по-немецки, и она повернулась к нему. Мои знания этого языка ограничены словами «Schloss», «Ausgang» и «Bahnhof»¹, которые не может не вызубрить ни один турист в Германии. Думаю, большинство из нас не смогли бы уследить за быстро тарахтящей речью, если бы Эвелин и Миддлтон не переводили диалог синхронно, как придворные толмачи. Г. М. сохранял деревянное выражение лица, но я впервые не без злорадства заметил возбужденный блеск под стеклами его очков.

В целом Эльза подтвердила сообщение Фаулера. По ее словам, она вышла на галерею вскоре после возвращения Миддлтона, чтобы спуститься на первый этаж. Света на галерее не было, но она не знает, когда он погас. Эльза успела увидеть через приоткрытую дверь комнаты Гаске, который задул лампу и направился к лестнице. Она видела свет в комнате Фаулера, но тогда не знала, что это его комната, и не заметила его самого.

Потом они перешли к критическим моментам, изложенным, как я припоминаю по переводу, следующим образом:

Г. М. Насколько хорошо вы могли его видеть, когда он находился у лестницы?

Эльза. Не очень хорошо, но достаточно, чтобы узнать его, поскольку снизу проникал свет.

Г. М. Вы видели, как кто-то напал на него?

Эльза. Нет, никто к нему не подходил.

Г. М. Вы в этом уверены?

Эльза. Да, да, да! Никто к нему не приближался, и никого там не было.

Г. М. Тогда что произошло?

Эльза. Не знаю. Казалось, он на что-то наткнулся, как человек натывается на стену. Он поднес руки к голове — с ней случилось что-то ужасное, но я не видела, что именно. Голова

¹ Замок, выход, вокзал (нем.).

Гаске слегка качнулась вбок, и он закричал, а потом покатился вниз по лестнице. Думаю, он закричал снова, но я не уверена. Я была слишком испугана.

В этот момент д'Андрье пожелал задать вопрос, который перевел Миддлтон:

Д'Андрье. Было похоже, что в него попала пуля?

Эльза. Не знаю! Почему вы меня спрашиваете? Разве я понимаю в пулях?

Г. М. В каком направлении он смотрел перед тем, как это произошло?

Эльза. Вниз на лестницу. Это я заметила. Я подумала, что он повернется и посмотрит на меня, но он этого не сделал.

Г. М. Значит, если был произведен выстрел, то со стороны гобелена, висевшего лицом к нему на площадке?

Эльза. Откуда мне знать? Я ненавижу выстрелы и пули!

Г. М. Вы могли видеть гобелен с того места, где стояли?

Эльза. Думаю, могла видеть верхнюю половину. Перила скрывали нижнюю часть и ступеньки.

Г. М. Вы не видели, как гобелен шевельнулся, словно за ним кто-то прятался?

Эльза. Нет, я не видела ничего подобного.

Г. М. И это все, что вы знаете?

Эльза. Да, все!

По окончании диалога Г. М. повернулся к лестнице, измеряя на глаз расстояние. Рэмсен, посмотрев на Эльзу и Фаулера, подвел итог:

— Так или иначе, дружище Генри, это не имеет смысла. Рядом с Гаске никого не было. Никто на него не нападал. Он стоял там один, когда что-то ударило его, как пуля. Допустим, кто-то прятался за гобеленом, выстрелил, вылез из окна позади гобелена на плоскую крышу и вернулся в дом через окно Фаулера с одной стороны или через окно Хейуорда — с другой, потом в темноте и суматохе смешался с остальными и спустился вниз. Но...

Хейуорд, очевидно чувствуя, что мы снова влетаем в юридические воды, громко откашлялся, призывая к молчанию.

— Не пойдет! — заявил он. — Будем рассуждать здраво. Это не могла быть пуля по той простой причине, что в ране ее не было. Мы все видели след, указывающий, что нечто вытащили из раны. Значит, применялось ручное оружие, а вы не можете его вытащить, если не стоите рядом. И наконец, доктор, который обследовал убитого в Марселе, утверждает, что пуля такого большого калибра разнесла бы жертве затылок. Это невозможно.

Д'Андре приподнял бровь:

— Боюсь, что он прав. У меня есть кое-какой опыт обращения с крупнокалиберным огнестрельным оружием... Остается вопрос, какую из двух невозможностей мы предпочитаем. Его не могли застрелить, так как это невозможно. Его не могли заколоть кинжалом или пронзить копьем, так как, чтобы сделать это, убийце пришлось бы стать невидимым. Это тоже невозможно. Лично я предпочитаю первую альтернативу.

— Но взгляните на это с другой точки зрения! — воскликнул Миддлтон, осененный новой идеей. Он обнимал Эльзу и встряхивал ее, словно подчеркивая свои слова. — Мы забываем о главном ключе. Могу я объяснить подробно?

Г. М. сонно махнул рукой:

— Валяйте, сынок. Мне нравятся теории, хотя чем больше рассуждений, тем больше путаницы. Когда кто-то выдвигает теорию, он не мыслит логически, а всего лишь излагает то, как бы он сам это проделал. Однако и подобная малость помогает понять его характер.

— Ну тогда вы сможете разобраться и в моем характере, — сказал Миддлтон. — Допустим, жертва стоит в темноте наверху лестницы, а убийца прячется за гобеленом. Он вылезает оттуда, но пригнувшись так низко, что Эльза, которая может видеть только верхнюю половину гобелена, не видит его. Такое могло произойти?

— Нет, не могло! — горячо возразил Рэмсен.

Он подошел к перилам и посмотрел вниз.

— Конечно, она небольшого роста, но и я не гигант. Тем не менее я вижу весь гобелен, кроме самого низа. Убийце пришлось бы ползти по площадке. Но продолжайте.

— Убийца имеет при себе острое стальное оружие вроде кинжала и бросает его оттуда. Жертва падает и катится с лес-

тницы. По словам Фаулера, прошла пара секунд, прежде чем он подбежал к лестнице и посмотрел вниз. Когда жертва падает на площадку, убийца вынимает из раны оружие, забирает маленькую картонную папку из кармана убитого и успевает спрятаться за гобелен, когда Фаулер смотрит вниз. Как насчет этого?

Я быстро огляделся и заметил одобрение на лице Хейурда. Г. М. усмехнулся.

— Кто-нибудь хочет прокомментировать? — подстрекнул он.

— Послушайте, старина, — снисходительным тоном обратился к Миддлтону Фаулер. — Я понимаю, что из этого вышел бы недурной сюжет для детектива, но, к сожалению, это еще более невозможно, чем то, что мы слышали до сих пор. Во-первых, на подобном расстоянии никто не может метнуть кинжал с такой силой, чтобы вонзить его в череп на шесть дюймов. Во-вторых, если бы в жертву что-то бросили, я бы заметил. В-третьих, вы забываете, что, когда я смотрел вниз, Гаске еще катился по лестнице. За этот крошечный промежуток времени убийца должен был бы извлечь из раны оружие — непростая работа даже для сильного мужчины, обчистить карман жертвы и спрятаться за гобеленом. А я могу поклясться, что на лестнице не было никого. Это абсолютно невозможно. — Он повернулся к Г. М. с виноватым видом, словно боясь, что говорил слишком горячо: — Вы согласны со мной, сэр?

— Угу. Да, согласен. Вред был причинен раньше.

— Тогда, может быть, вы объясните, как именно это произошло? — предложил Рэмсен. — Если Гаске был убит наверху лестницы, его либо заколол человек-невидимка, либо застрелили пулей, которая выскочила из раны и улетела. У нас, как в парламенте, есть левое и правое крыло. Левое крыло заявляет, что его застрелили; правое — что закололи или прикончили каким-то ударом. Левое крыло утверждает, что это проделали с солидного расстояния; правое — что вблизи. За кого вы проголосуете? Кто из нас прав?

Г. М. окинул нас взглядом, посасывая пустую трубку.

— Я дам вам ответ, ребята, который покажется очень странным, но тем не менее он абсолютно верен. Те и другие одновременно правы и не правы.

Мы уставились на него.

— Вы серьезно? — спросил Рэмсен.

— Вполне серьезно.

— Но, черт возьми, жертву либо застрелили, либо закололи, не так ли? Одно или другое!

— Необязательно.

— Знаю, — мрачно произнес Миддлтон после паузы. — На самом деле его задушили, а дырка в голове всего лишь иллюзия. Фокус! Но на один пункт вы должны дать конкретный ответ. Левое крыло утверждает, что жертву прикончили на расстоянии, а правое — что это проделал кто-то, находившийся рядом. Что вы на это скажете?

— То же самое, — отозвался Г. М. — Что те и другие одновременно правы и не правы. Эти ответы кажутся вам дикими, потому что вы не подумали о единственном оружии в мире, которое могло проделать такое, и об обстоятельствах этого убийства. Я даю Фламанду намек, понимаете? Интересно, придет ли он на сей раз письмо мне? — Его глаза сощурились. — Прежде чем продолжить этот разговор, давайте перейдем к делу. Я хочу, чтобы вы заняли те же места, где находились, когда бедняга закричал. Я буду стоять здесь и наблюдать. Рэмсен займет место Гаске. Услышав его крик, выбегайте из ваших комнат и делайте то, что делали тогда. Хотя сначала мы должны реконструировать происшедшее перед убийством. — Он снова окинул взглядом галерею. — Хм... давайте посмотрим... Рэмсен, идите в комнату Гаске, зажгите его лампу и будьте готовы по сигналу задуть ее и подойти к лестнице. Фаулер, стойте в дверях вашей комнаты. Миддлтон, идите в ванную...

В этот момент Хейуорд озвучил мысль, которая, должно быть, вертелась в голове у каждого.

— Послушайте, старина, — резко заговорил он, вцепившись в узел галстука, словно хотел унять дрожь в руках. — Я не трусливее других, но если мы будем повторять этот кошмар снова, то при свете. Неужели вы не понимаете, что Фламанд среди нас? Он подбрасывает свои записки, делает, что ему заблагорассудится, несмотря ни на что, и к тому же является хладнокровным убийцей. Нет, сэр! Оставим свет или отменим реконструкцию. Что до меня, я был в своей комнате, ожидая возможности попасть в ванную, когда услышал крик, и ниче-

го об этом не знаю. Но я не вижу никакого смысла в том, чтобы давать этому маньяку еще один шанс. Что об этом думают остальные?

— Шанс на что? — довольно резко осведомился Фаулер. — На вашем месте я бы не нагнетал страх. Никому нечего опасаться, кроме человека, подделавшего первую подпись, и сэра Джорджа, за которым следовали с самого начала. Что касается того, оставлять свет или нет, то это ничего не изменит. Если Фламанд хочет кого-то найти, то найдет его и в темноте...

Речь была неподобающей, особенно в устах тактичного Фаулера. Он понял это, и его лицо изменилось при взгляде на Эльзу. Она не заговорила и не сдвинулась с места, но задрожала всем телом, и ее глаза наполнились страхом. Миддлтон выругался.

— Я прошу прощения... — начал Фаулер, но Миддлтон прервал его:

— Лично я не возражаю проделать все заново. Но без Эльзы. Предупреждаю, что любого, кто попытается втянуть ее в это, ждут неприятности.

Я тщетно старался разгадать странное выражение лица Г. М.

— Вы правы, сынок, — согласился он. — Я упустил из виду, что для девушек это будет не слишком приятно. К тому же для того, что я хочу увидеть, не требуется много народу. Пусть Миддлтон и Хейуорд отведут девушек вниз. Попросите д'Андре подать вам давно обещанный холодный ужин, а то вы уже больше двух часов на пределе нервного напряжения и без кусочка еды. Рэмсен, Фаулер, Кен и я задержимся здесь, а после присоединимся к вам. Накормите их, д'Андре, но потом поднимитесь сюда. Я должен спросить вас о чем-то важном.

— Отличное предложение! — просиял наш хозяин. — Я сразу же вернусь. Мне тоже нужно сказать вам кое-что важное. Оставайся здесь, Огюст.

Эвелин подняла брови, спрашивая меня, должна ли она остаться. Но я покачал головой, и она направилась вниз вместе с Эльзой, Миддлтоном, Хейуордом и д'Андре. Г. М. молча стоял у лестницы, поглаживая обширный подбородок. Почерневший каменный коридор с украшенными лепниной арками и темной ковровой дорожкой при электрическом освещении создавал для него мрачный фон.

— Может, теперь вы станете более общительным? — с тягловесным сарказмом осведомился Рэмсен. — Что у вас на уме?

— Все. Ребята, я знаю дела, где два-три пункта казались неверными, но еще не сталкивался с делом, где неправильны абсолютно все детали. «О, что за паутину мы сплели. Наш здравый ум в нее не может верить»¹. Вот так и мой здравый ум шарахается в испуге от каждого слова и движения. На первый взгляд мы кажемся группой нормальных разумных людей. Но, черт возьми, посмотрите на нас. Я чувствую себя как больной белой горячкой, смотрящий «Пер Гюнт» задом наперед. Почему все так неправильно?

— Не понимаю этого мистицизма, — сказал я.

— Должны понимать. Потому что, судя по вашим недавним действиям, вы самый большой псих из присутствующих здесь. Знаете, что напоминает мне этот дом? Однажды у меня был друг, у которого было очень много денег, но крайне примитивное чувство юмора. Он приспособил одну из комнат своего дома для грубой шутки. К потолку был прибит ковер, а также перевернутые стол и стулья, а пол оклеен обоями, из которых торчал стержень с плафонами люстры. Окна доходили почти до потолка, и дверь была сделана намеренно очень высоко — короче говоря, это была комната как бы вверх ногами. Так вот, он приглашал приятеля, поил его допьяна, а когда парень сваливался под стол, переносил его спящим в эту комнату, чтобы понаблюдать, как тот будет себя вести утром, когда проснется на полу и подумает, что лежит на потолке. Мой остроумный друг говорил, что первый жест пробудившегося после попойки был всегда одинаковым — тот с жутким воплем хватался за люстру, боясь, что свалится на потолок... В данный момент, ребята, я тоже боюсь свалиться на потолок. Вот как действует на меня это место.

— И что это доказывает? — осведомился Рэмсен, внимательно наблюдавший за ним.

— Ровным счетом ничего. Только если мы увидим очередное проявление безумия... Откройте дверь комнаты Гаске и зажгите лампу.

¹ Скотт В. Мармион. Песнь 6, стих 17.

Фаулер открыл дверь, нащупал лампу с круглым абажуром на столике слева, чиркнул спичкой и зажег фитиль. Как и остальные, комната была просторной и с высоким потолком. Белая мебель была обильно снабжена потертым красным плюшем, а над камином слева висела превосходная картина Мейсонье — моего любимого художника, — изображавшая лагерь Наполеона. Правую стену прикрывал алый занавес, а в передней стене были два высоких окна. Я загляделся на картину и не сразу понял, почему Г. М. бормочет проклятия.

— Вы не замечаете ничего странного? — спросил он. — Где его багаж? На стуле шляпа и пальто, но где багаж? Неужели у него не было ни одного чемодана?

Позади нас послышался вежливый кашель. Подкрутив усы, Огюст шагнул вперед с почтительным видом.

— Прошу прощения, месье, — заговорил он по-французски. — Насколько я понял, вы спрашивали о багаже месье Гаске?

— Да-да, вы правы, *mon gars*. У него был какой-нибудь багаж?

— Да, месье. Два чемодана, черный и коричневый.

— Тогда что с ними случилось?

— Он выбросил их в окно, месье, — любезно объяснил Огюст.

Глава 11

ПОРТАТИВНАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНКА

Не впервые за этот день я усомнился в том, правильно понял услышанное или это какая-то загадочная галльская метафора. Судя по выражению лица Г. М., он интерпретировал фразу точно так же.

— Весьма необычно, *mon gars*, — заметил Г. М., глядя на мажордома. — Значит, месье Гаске выбросил свой багаж в окно? Что же с ним произошло? Он помешался?

Огюст задумался, как будто считал это вполне вероятным.

— Да, месье, этот поступок кажется безумным и бессмысленным. Понимаете, он поднял такой шум из-за этого багажа...

— Когда?

— Когда первый раз поднялся сюда. Внизу он спросил меня: «Где мой багаж?» — «Должно быть, его отнесли в комнату месье, — ответил я. — Если месье последует за мной, я покажу ему его комнату...»

— И когда же это было? Когда он оставил нас внизу?

— Да, месье. Когда он покинул гостиную. Я проводил его сюда, где сам поставил два чемодана. Он посмотрел на них и закричал: «Боже мой, это не все! Был еще портфель. Где он? Я видел его внизу. Немедленно найдите его!» Я спустился, искал портфель и спросил о нем Жозефа и Луи. Они видели его, но не помнили где. Стюард самолета отложил его, чтобы не перепутать с другими. Тем не менее он мог попасть в другую комнату. Я снова поднялся и столкнулся с месье Гаске, только что вышедшим из комнаты... э-э...

— Из чьей комнаты? — резко осведомился Г. М.

— Я не знаю его имени, месье. Высокий, полный американец с красным лицом...

— Хейуорд?

— Да, — кивнул Огюст со вздохом облегчения. — «Вы искали портфель, месье? — обратился я к месье Гаске. — Нашли его?» — «Что-что? — переспросил он. — Э-э... нет, не нашел». Месье Гаске выглядел очень сердитым и слегка запыхавшимся. «Посмотрите в других комнатах и, если найдете его, сразу принесите мне», — сказал он и захлопнул свою дверь. Я искал, но портфеля нигде не оказалось. Тогда мне пришло в голову, что его, возможно, оставили в самолете. Поэтому я спустился вниз, когда остальные джентльмены, кроме вас двоих, — мажордом кивнул в сторону Г. М. и Рэмсдена, — и маленького доктора, поднялись в свои комнаты, и подошел к входной двери, намереваясь выйти. Тут обнаружилось, что дамбу смыло. «Лучше сразу сообщить об этом полковнику», — подумал я и опять поднялся. По дороге я постучал в дверь месье Гаске...

— Это правда, — вмешался Фаулер, который, прищурившись, наблюдал за мажордомом. — Я видел его.

— Благодарю вас, месье. — За вежливой серьезностью Огюста могла скрываться ирония. — Я вошел сюда и рассказал месье Гаске о происшедшем. Он ходил взад-вперед, куря сигарету. «Ладно, — сказал он наконец. — У меня имеется кое-что в

чемодане, так что обойдусь без портфеля. Можете идти». Поэтому я направился в комнаты полковника...

— А он сказал, что было у него в чемодане? — прервал Г. М.

— Нет. Он даже не взглянул на чемоданы, стоявшие у кровати. Казалось, месье Гаске говорил сам с собой. Но он выглядел обеспокоенным. Как я сказал, я направился в комнаты полковника позади галереи. Мне нужно было достать его вечерний костюм и другие вещи...

— Что он сказал, когда вы сообщили ему о разрушении дамбы?

— Что это некстати, но мы сможем заняться этим утром.

— Продолжайте.

— Несколько минут полковник давал мне указания, одновременно производя чистку своего ружья. Ужин следовало подать в час ночи. Потом я зашел в свою комнату рядом с его кабинетом, окна которой выходят туда же, что и окна этой комнаты. Внезапно свет погас. — Огюст щелкнул пальцами. — Вы ведь знаете, что в комнаты месье полковника проведено электричество?

— Да. Вы присутствовали, когда полковник говорил нам об этом.

— Совершенно верно. Посмотрев в окно, я увидел, что месье Гаске выглядывает из своего окна. Он все еще казался очень сердитым. Я видел, как он поднял чемодан и бросил его в окно. Мое окно было открыто, и я четко слышал, как он вскрикнул: «Украли!» «Что там со светом, Огюст?» — раздраженно окликнул полковник из своего кабинета. «Смотрите, господин полковник, — отозвался я. — Месье Гаске выбрасывает из окна свой багаж!» — «Неужели? — сказал он и усмехнулся. — Ну что ж, Огюст, мы не должны препятствовать маленьким развлечениям наших гостей». Тем временем еще один чемодан полетел в окно, и месье Гаске захлопнул его с такой силой, что я испугался, как бы оно не разбилось. «Посмотрите, Огюст, что произошло со светом», — велел полковник. Я слышал, как он вышел из кабинета в переднюю и направился в спальню с другой стороны. Тогда я прошел через кабинет в переднюю и вышел на галерею. Месье Гаске только что покинул свою комнату, выбросив чемоданы. Когда я открыл свою дверь, то успел услышать его крик и увидеть, как он падает...

— Вы тоже это видели? — резко спросил Фаулер.

— Чуть-чуть, месье. Настолько мало, что ни за что не могу поручиться. Это всего лишь впечатление. Повернувшись, я увидел рядом с собой полковника. «Достойно «Гран-Гиньоля»¹, а, Огюст?» — спросил он.

Г. М. взглядом остановил Рэмсдена, собиравшегося разразиться градом вопросов, и медленно прошелся по комнате. Я заметил, что он задержался возле кровати у столика, на котором лежала книга — «Дьявольщина» Барбе д'Орвийи. Закапчивающийся дождь тихо постукивал по окнам.

Повернувшись к Огюсту, Г. М. заговорил по-английски:

— Вы очень хорошо пересказали разговоры, сынок, но меня интересует одна вещь. Судя по вашим словам, вы слышали и понимали все, когда мы говорили по-английски, не так ли? Следовательно, вы хорошо говорите на этом языке?

— Немного говорю, — признал мажордом, который впервые выглядел настроженным. — У полковника много английских друзей.

Г. М. задумчиво разглядывал его.

— Этой ночью Гаске все время говорил с нами по-английски — даже после того, как назвал свое подлинное имя, — продолжал он. — Это было вполне естественно, так как английский являлся доминирующим языком в нашей группе. Но когда он покинул нас, я слышал, как он заговорил по-английски с вами. Рискну предположить, что он разговаривал с вами на этом языке все время, верно?

Огюст молча кивнул. В этот момент в дверь постучали, и в комнату вошел д'Андре. Он переоделся в вечерний костюм и походил на седеющего дружелюбного Мефистофеля. Быстро оценив ситуацию, он стал серьезным.

— Полагаю, Огюст рассказывал вам о причудах нашего покойного друга, — скорее констатировал, чем спросил наш хозяин. — Наши друзья внизу ужинают с аппетитом, и, полагаю, мы вскоре присоединимся к ним. Но сначала я хотел бы задать два вопроса. Первый из них личного характера, и я вряд ли получу на него ответ. — Он в упор посмотрел на Рэмсдена. —

¹ «Гран-Гиньоля» — театр в Париже, где ставились сенсационные драмы с ужасами.

Я бы хотел знать причину, по которой упоминалось слово «единорог». Сэр Джордж улыбается! А он далеко не глуп — несмотря на то, что думает о нем Фламанд.

— Благодарю, — с усмешкой отозвался Рэмсен, — но боюсь, что не смогу вам ответить. Каков второй вопрос?

Морщины на лице д'Андре обозначились резче.

— Второй вопрос заключается в следующем. Первое письмо Фламанда ко мне, джентльмены, было подлинным. У меня имеется доказательство. Тогда зачем Фламанду понадобилось красть пишущую машинку мистера Фаулера, печатать на ней второе послание, отрицающее подлинность первого (если только он был автором второго письма), и бросать его в галерею? Повторяю, у меня есть веское доказательство, что первое письмо было подлинным.

Рэмсен выругался, а Г. М. иронически подмигнул:

— Похоже, ребята, мы опять оказались в психушке. На этой интригующей выставке все экспонаты демонстрируются вверх ногами, а когда привыкаешь к подобной ситуации, они переворачиваются снова... Итак, у вас имеется доказательство. Какое именно?

Д'Андре подошел к стулу у стола в центре комнаты, сел и достал портсигар.

— Да-да, веское доказательство. Я не детектив, джентльмены, но некоторые вещи кажутся очевидными. Когда я читал вам первое письмо Фламанда, мистер Миддлтон сказал: «Я хотел бы взглянуть на ответ, написанный Гаске». А я отозвался: «Можете это сделать».

Он предложил нам портсигар.

— Получив первое письмо, я выполнил указания Фламанда и отправил Гаске оригинал. Вам я показал изготовленную мною копию. Я был не так глуп, чтобы посылать ее Гаске, — он мог не поверить мне, если бы не увидел оригинал. Гаске, который лучше всех должен был знать подпись Фламанда, написал мне, что верит в ее подлинность. Однако теперь Фламанд отрицает, что написал первое письмо. Почему? Письмо, которое я показывал вам, было машинописной копией, на которую я скалькировал подпись Фламанда, так что он имел основания отрицать подлинность подписи, но не факт самого

послания. Не будет ли разумным предположить, что первое письмо было подлинным, а его отрицание — какой-то трюк или же оно, отрицание, исходит вовсе не от Фламанда?

Последовала пауза.

— И все же, — медленно произнес Г. М., — я думаю, у вас есть более глубокая причина говорить об этом сейчас. К чему все усложнять, если не... Что у вас на уме?

— Я хотел бы выяснить кое-что относительно мистера Керби Фаулера, — спокойно сказал д'Андрье.

Фаулер, который сидел на кровати, рассеянно изучая свои ботинки, вскочил на ноги.

— Недавно его попросили сравнить две подписи, — продолжал д'Андрье. — Одна была на сделанной мною копии и не обманула бы даже ребенка, знавшего подпись Фламанда, а другая — на письме, которое подбросили в этой галерее. Мистер Фаулер не заявил, что моя подпись — грубая подделка. Напротив, он сказал, что это очень ловкая подделка, которая обманула бы любого, незнакомого с подлинной подписью. Но я знал, что это неправда.

Д'Андрье резко поднял руку:

— Пожалуйста, позвольте мне продолжить. Впуская в дом гостей, я и предположить не мог, что дело дойдет до убийства. Больше я не стану помогать Фламанду. Теперь, когда Гаске мертв, я собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы поймать Фламанда и отправить его на гильотину. Вы это понимаете? Отлично. Итак, к кому мы обратились с целью выяснить, является ли подлинным первое письмо? К мистеру Фаулеру. На чьей якобы украденной машинке отпечатали это письмо? На машинке мистера Фаулера. Но как ее могли украсть? Весь багаж заранее отнесли в комнаты, но мистер Фаулер, по его собственным словам, поднялся наверх раньше всех нас, чтобы наблюдать за дверью местье Гаске. Это приводит нас к последнему пункту. Незадолго до убийства свет отключили из бельевой, куда поместили пишущую машинку. Мистер Фаулер, согласно его заявлению, все время наблюдал за галереей. Вы, безусловно, обратили внимание, что его дверь прямо напротив двери бельевой. Если бы он наблюдал постоянно, то не мог бы не заметить человека, который вошел в бельевую с пишущей

машинкой, чтобы отключить свет. Однако он об этом не упомянул, хотя такое должно было сразу же прийти ему в голову. Полагаю, это требует объяснений.

Дождь продолжал негромко постукивать по оконным стеклам. Фаулер так же тихонько барабанил по изголовью кровати. Было заметно, что он нервничает. Но это казалось нервозностью опытного спорщика, которого неожиданно загнали в угол. Его глаза блестели, и он почти улыбался.

— В самом деле? — отозвался Фаулер с вежливым презрением. — *Vive la logique!*¹ Хорошо, я тоже постараюсь быть логичным и дам вам объяснения, хотя они, возможно, вам не понравятся. У вас при себе оба письма?

— Я не предполагал, что они вам понадобятся, — сказал д'Андре, — но они при мне.

Он положил их на стол.

— Вскоре я попрошу непредубежденных людей, — продолжал Фаулер, — взглянуть на эти подписи, и тогда посмотрим, много ли им удастся найти различий. А пока что я тоже хочу немного поупражняться в логике. Я рад, что вы привлекли внимание к истории с пишущей машинкой, бельевой и моей дверью напротив, так как сам собирался это сделать. Вы говорите, что весь багаж, включая мою машинку, отнесли в наши комнаты. Думаю, что, услышав о портфеле Гаске, мы имеем право в этом усомниться. Тем не менее важно то, что я наблюдал за галереей, стоя у двери моей комнаты. Я говорил вам, что приоткрыл ее примерно на дюйм, чтобы это не было заметно снаружи, а я мог бы наблюдать за дверью комнаты, находящейся напротив по диагонали. Пока горел свет, я смотрел налево. Это означает, что я мог видеть каждого, кто шел по галерее в обоих направлениях, но слева от меня. Я назову вам, кто проходил там за это время, — мистер Блейк, который пошел в ванную и вернулся за несколько минут до того, как погас свет, и Миддлтон, который направился в ванную после того и был там, когда свет отключили. Только эти двое, понятно?

Его лицо побледнело, но голос звучал спокойно.

— Через щель в двери размером в один-два дюйма влево по диагонали я никак не мог видеть дверь бельевой, — продолжал

¹ Да здравствует логика! (фр.)

он, постукивая по ножке кровати. — Если хотите, можете провести эксперимент. Я даже не знал, что выключатель находится там. Но я знаю, что любой, прошедший по галерее слева от меня, где расположено большинство комнат, и направлявшийся в бельевую, должен был оказаться в поле моего зрения. Однако я никого не видел. Следовательно, этот человек шел по галерее справа от меня, по той ее части, которая не была мне видна, и проскользнул в бельевую. Это чертовски странно, но справа от меня находились только ваши комнаты, месье д'Андре.

— Не знаю, зачем нужно было затевать новую суету, — ворчливо заговорил Рэмсен, подобравший со стола два письма и изучавший их, — но что касается этих писем, — он сердито ими взмахнул, — то подписи выглядят так, как будто сделаны одной и той же рукой.

— Это потому, — заявил д'Андре, — что вы не разбираетесь в почерках, а я разбираюсь. Мистер Фаулер сказал, что он тоже в них разбирается. Я поймал его на слове.

— Но теперь это не важно, приятель! Если Фаулер прав насчет бельевой... Что скажете, Мерривейл?

— Об этом? — рассеянно отозвался Г. М. — Буря в стакане воды, хотя тут есть один странный момент — почему наш друг д'Андре устроил эту бурю? Но я бы хотел взглянуть на письмо от Гаске.

Впервые на лице д'Андре мелькнуло что-то вроде гнева. Фаулер, который, казалось, сожалел о своей вспышке, открыл рот, собираясь заговорить, но передумал. Достав из внутреннего кармана конверт, д'Андре бросил его на стол.

— Отправлено из Марселя и написано от руки, — сказал он. — Так как вы, похоже, не принимаете во внимание другие письма, то можете проигнорировать и это. Но возможно, вы знакомы с почерком Гаске?

— Как ни странно, да, — ответил Г. М. — И вот его образец.

Он достал официальный бланк, положил его на стол и начал читать письмо. Я заглядывал ему через плечо.

«Месье!

Выражаю Вам мою глубокую благодарность. Думаю, вскоре мы отправим этого мошенника туда, где ему самое место. Если Вы всерьез намерены принять нашу компанию в случае,

если он осуществит свою угрозу (что возможно), вероятно, это облегчит мою задачу.

Не могу сообщить Вам, сколько пассажиров полетит на этом самолете, но меня информировали, что, судя по зарезервированным местам, почти все они англичане или американцы. Среди них следующие имена: сэр Дж. Рэмсен, месье Драммонд, месье Эрнест Хейуорд, месье Керби Фаулер и доктор Эдуар Эбер. Очевидно, будут и другие пассажиры. Пока что я не в состоянии даже намекнуть Вам, под какой личиной будет скрываться Фламанд.

В данный момент мне не разрешено сообщать что-либо относительно упомянутого Вами единорога, кроме того, что это крайне важно для Британии и министерство внутренних дел в Лондоне, с которым я поддерживаю связь, с беспокойством ожидает его. Искренне Ваш

Гастон Гаске».

Г. М. поднял взгляд:

— Разумеется, он контактировал с министерством внутренних дел. Вы слышали, что он написал о единороге, Рэмсен. У вас есть какие-нибудь комментарии?

— Сейчас нет, — с улыбкой отозвался сэр Джордж. — Учитывая то, что нас могут подслушать. Это письмо подлинное?

— На сто процентов, сынок.

— В таком случае к чему это нас приводит? — осведомился Рэмсен, бросив суровый взгляд на Фаулера.

— Думаю, к большому ломтю правды. Что делает вас таким чертовски самоуверенным, Рэмсен? Вы куда самоувереннее меня. Хотя у меня в руках кусок правды, все же... — Повернувшись к д'Андре, Г. М. задал самый неожиданный вопрос, какой мне когда-либо приходилось от него слышать: — У вас большая библиотека?

Ему явно удалось вывести нашего хозяина из равновесия. Тот выглядел как человек, умеющий играть по правилам, но падающий при первом же сильном ударе.

— Очень большая, друг мой. Она вас интересует? Я думал, вы собираетесь реконструировать преступление.

— Это уже в прошлом, — отмахнулся Г. М. — Теперь я знаю, как оно произошло. Фламанд допустил жуткую оплошность, и

мне на голову свалился ключ размером с... с пишущую машинку. Нам больше не нужна реконструкция. Лично мне необходима жратва. Пошли!

Глава 12

ВТОРОЙ САМОЗВАНЕЦ

Эта трапеза обозначила интерлюдия во всем безумном деле, как между двумя половинами танца. К несчастью, нам было о чем подумать.

Несмотря на характерный жест, Г. М. настоял на реконструкции убийства. Покуда мы разыгрывали немую сцену, я обнаружил, что мы втянулись в еще одну из неразрешимых загадок, которые судьба обрушила на Г. М., словно в отместку за его ворчанье. Того человека никак не могли убить, но тем не менее его убили.

Г. М. был реалистом. Когда он потребовал, чтобы жертва во время реконструкции по-настоящему (хотя и осторожно) падала с лестницы, Рэмсен отказался от почетной роли, и она, разумеется, досталась мне. Целью процедуры было установить, мог ли убийца, стоя на площадке, сначала метнуть какой-то снаряд, потом извлечь его, покуда жертва падала (попутно украв у нее картонную папку). Результат всех экспериментов оказался следующим:

1. Было точно установлено, что при тех световых условиях, которые существовали во время убийства, никто не мог приблизиться к жертве на галерее незаметно. Фаулер стоял в прежней позиции, пока я изображал Гаске, а Рэмсен занял место миссис Миддлтон. Сначала д'Андре, затем Огюст и, наконец, Г. М. пытались подкрасться ко мне, и каждый раз их четко видели Фаулер и Рэмсен. Следовательно, жертву не мог поразить кто-то, стоящий около нее на галерее.

2. С другой стороны, было также установлено, что убийца не мог поразить жертву откуда-либо еще — вблизи или издали. Если бы убийца находился на лестнице, он был бы виден. Если бы он скрывался за гобеленом и высунул хотя бы нос, его бы увидели либо Эльза в галерее наверху, либо Г. М.

и Эбер снизу — если, конечно, он не лежал почти что лицом вниз на площадке. Но даже в таком невероятном положении он не мог ни подползти наверх и нанести удар незаметно, ни метнуть какое-либо оружие, потом вытащить его, когда жертва застряла на площадке, украсть у нее папку и толкнуть ее дальше вниз за две или три секунды, которые прошли, прежде чем Фаулер подбежал к лестнице.

Таким образом, мы столкнулись с невозможной ситуацией, которая, казалось, беспокоила всех, кроме Г. М., пребывавшего в хорошем настроении, еще заметнее улучшившемся после еды. Наверняка читатель спросит: «Неужели они будут сидеть и есть, пока в соседней комнате лежит бедняга, чью голову пронзили столь фантастическим образом?» Ответ: «Да, будут и почувствуют себя гораздо бодрее».

Было любопытно наблюдать за эффектом, который производила пища на компанию промокших людей, каковой мы были раньше. Промокших и испуганных, так как Фламанду удалось поиграть у нас на нервах. Впрочем, нервозность сохранялась, но теперь мы могли ее контролировать. Рэмсен все время усмехался. Мне неоднократно казалось, что он собирается сделать какое-то заявление, но каждый раз сдерживается. Эльза и Миддлтон демонстрировали свои чувства друг к другу. Д'Андрье и Фаулер утратили былую враждебность и дружески беседовали, но по какой-то причине оба выглядели озадаченными. Хейуорд стал почти жизнерадостным и рассказывал несколько анекдотов, но куда интереснее их было его выражение лица. Только Эбер оставался угрюмым и молчаливым, внимательно наблюдая за нами. Г. М. иногда обращался к нему вполголоса, но его ответы звучали односложно.

Когда табачный дым начал подниматься к потолку, я сидел рядом с Эвелин в оконной нише. Мы чокнулись.

— Кен, — сказала она, приподняв одну бровь, — я понимаю, что все это ужасно, но ни за что бы не упустила такое. А ты? Но нам следует соблюдать крайнюю осторожность в том, что мы говорим.

— Говорим?

Эвелин огляделась вокруг:

— Неужели ты не видишь, что происходит? Стоит сказать, что что-то нелепо и такого не может быть, как это тут же происходит. Мы сталкивались с этим в Париже, на дороге и здесь. Помнишь, о чем мы говорили в твоей комнате перед тем, как убили Гаске? О легендах и древних историях про единорогов. Ты сказал, что существует предание, будто единорог может становиться невидимым. И сразу после твоего рассказа...

— Выпей и забудь об этом, — прервал я. — Ты говорила, что у тебя имеется какая-то теория. Какая?

— погоди! Едва ли ты узнал что-то у Рэмсдена...

— Ничего.

— Или вспомнил еще какие-то истории о единорогах?

Я внезапно припомнил самую фривольную из всех историй.

— В Шотландии есть предание — я не шучу, это правда, — что единорога можно поймать только с помощью девственницы.

Эвелин широко раскрыла глаза:

— И что она должна делать?

— Не знаю, но это не важно, — продолжал я, охваченный вдохновением. — Взгляни на мораль, которую можно из этого извлечь. Серьезный ученый мог бы с триумфом воскликнуть, что наконец-то найдена хоть одна веская причина для сохранения девственности. Но какова ценность этой причины? Для девушки — вроде тебя, например, — было бы слабым утешением думать, что она в состоянии помочь заарканить единорога. Желание поймать единорога встречается сравнительно нечасто, в то время как...

— Истинная правда, — согласилась Эвелин, словно о чем-то вспомнив. — То, о чем я думаю, не могло произойти...

— Что не могло произойти? — вмешался этот болван Миддлтон, подойдя вместе с Эльзой в тот момент, когда я собирался сделать подобающее замечание. Я выругался про себя, но Эвелин продолжала как ни в чем не бывало:

— ...по крайней мере, сейчас. Мы говорили о единорогах. — Она посмотрела на Эльзу: — Чувствуете себя лучше?

— Со мной все о'кей, плагодарю вас, — ответила Эльза, покраснев. — Мне был нужен только бокал шампанское. — Она улыбнулась Миддлтону, и тот гордо выпятил грудь. — Но Оуэн говорить шепуха...

— Вовсе нет! — возразил Миддлтон. Допив свой бокал, он придвинул стул, сел и, когда Эльза устроилась у него на коленях, склонился вперед с заговорщическим видом. — Вы должны это понять, Блейк. Они говорили о проведении расследования, и я сделал предложение сэру Генри Мерривейлу. Мы застряли здесь без всяких средств связи. Каждый из нас заявляет, что он такой-то, и нет решительно никаких способов это проверить — рутинная полицейская работа здесь невозможна. Чтобы уличить кого-то, нужен прямой допрос. Как же его провести?

— Ну?

Достав конверт и карандаш, Миддлтон начал писать имена.

— Нам остается только допросить друг друга. Среди нас представители разных национальностей. Предположим, кто-то из нас играет роль. Мне всегда казалось, когда я читал книги о секретной службе, что когда они ловят кого-то, то неверно его допрашивают. А шпион всегда выдает себя за польского коммувояжера, торгующего мылом, или вождя арабского племени.

— Да, — согласился я. — Но в реальной жизни мы всегда выдавали себя за американцев. Мы говорили так, как не разговаривал ни один американец ни на земле, ни на небе, но это было необходимо. Если бы мы не носили соломенные шляпы, не называли себя Сайлас К. Энтуисл и не начинали каждый разговор словами «Скажи-ка, парень!», никто бы нам не поверил, и мы бы оказались перед расстрельной командой.

Миддлтон выглядел задумчивым.

— Так вот в чем причина, — сказал он. — Полагаю, это идет вровень с идеей, будто каждый англичанин говорит: «Первоклассно, старина!» или «Господи, сэра, да ведь на нем галстук старой школы!». Странная получается штука. Комичный англичанин был изобретен в Англии и для англичан, чтобы они смеялись, видя его на сцене, а водевильного американца изобрели в Америке. Но оба превратились в национальные типы, и требуется поработать лопатой, чтобы докопаться до корня идеи. Итак, допустим, что кто-то здесь играет роль. Во время допроса подозреваемого обычно спрашивают о нем самом, о его деловых и семейных связях, откуда он прибыл и куда направляется. Умный лжец может заранее придумать убедительные ответы на все эти вопросы. Согласны?

— До некоторой степени. А какие вопросы задавали бы вы?

— О мелочах, которые человек должен знать, если он тот, за кого себя выдает. Предположим, я говорю с Хейуордом — он из Ардмора, что на Мейн-Лейн под Филадельфией. Его нужно расспрашивать не о семейных и деловых связях, а о том, сколько стоит билет на поезд от вокзала Брод-стрит до Ардмора, и, если он запнется, значит, он лжец. Разумеется, я не говорю, что лжец — Хейуорд. Возьмем, к примеру, меня. Я живу в Монтегью-Террас на Бруклин-Хайтс. Какая там ближайшая станция метро? Или, если вы переедете через Бруклинский мост на машине, на какую улицу нужно свернуть, чтобы попасть на Коламбия-Хайтс? Вам понятна идея?

— Она должна сработать, если у вас достаточно информации, чтобы проверить ответы, — сказал я. — А если нет?

— Думаю, мы справимся. В любом случае это единственный способ... Черт побери, в противном случае мы все будем выглядеть как банда мошенников и наши истории не выдержат никакой критики. Взять, к примеру, Эльзу и меня.

Эльза с тревогой заявила, что она не мошенница.

— Да я не это имел в виду! Просто мне пришел в голову пример. Хотите верьте, хотите нет, но я не знаю имени ее мужа. Предположим, меня спросят об этом, а я не смогу ответить? — Он нахмурился. — Кстати, Эльза, как зовут твоего последнего мужа, за которым ты была замужем три месяца?

Эльза казалась испуганной, — похоже, шампанское начало производить обратный эффект.

— Ты не должен думать о таких вещах! — вскрикнула она. — И феооооооо, надо мной смеются, когда я произносите его имя. Я могу написать его?

— Ладно, напиши, — согласился Миддлтон, протягивая ей карандаш и конверт. — Конечно, это не имеет значения, — обратился он ко мне, — но вы понимаете, к чему я клоню. Это выглядело бы подозрительно, и у нас обоих начались бы неприятности. К тому же... — Оборвав фразу, он уставился на слова, которые написала на конверте Эльза, посмотрел на нее, а когда она кивнула, медленно поднялся. — О боже мой!

— В чем дело?

— Приведите вашего Г. М., — тихо произнес Миддлтон. — Мы нашли самозванца.

Прежде чем я успел взглянуть на конверт, мы быстро, но без ненужной суеты направились к камину, где Г. М. разговаривал с Эбером.

— Не хочу, чтобы вы думали, будто я спятил, сэр, — сказал Миддлтон, — но давайте найдем местечко, где мы сможем поговорить. У меня есть подозрения по поводу кое-кого, и я могу их обосновать.

Г. М. знал, когда не следует задавать вопросы. Разговоры в комнате заглушили тихий голос Миддлтона. Сонно кивнув, Г. М. с сигарой в руке последовал за нами в коридор. Мы направились в гостиную, где Миддлтон изложил то, что я уже знал.

— Муж Эльзы сейчас в Монте-Карло, — продолжал он. — Такое совпадение имен практически невозможно. Кое-кто позаимствовал его имя, но этот человек настолько не похож на мужа Эльзы, что она не связывала их друг с другом, а ее французский слишком плох, чтобы разобрать имя, когда его произносили вслух. Совсем недавно Эльза, испытав сильный шок, спросила, как его зовут, но он не ответил. — Миддлтон протянул конверт. — Имя, которое она написала здесь, — Рауль Серанн, граф д'Андре.

Мы слышали, как во время долгой паузы трещит в камине огонь. Под окнами все еще шумела река, но дождь прекратился, и в наступившей тишине хотелось бросить взгляд через плечо.

— Ну? — хрипло осведомился Миддлтон.

Г. М. опустил в кресло у камина.

— Угу, — кивнул он. — Я так и думал.

— Вы знали это и все же...

— Потихе! — Сохраняя деревянное выражение лица, Г. М. выпустил кольцо дыма и наблюдал за ним, словно ожидая от него подсказки. — Хмф! Пожалуй, лучше кое-что прояснить. Я знал, что он не тот, за кого себя выдает, уже спустя три минуты после того, как мы вошли в этот дом. Вот почему атмосфера здесь кажется нереальной и безликой, как в необитаемом месте. Это всего лишь оболочка, вернее, театр для исполнения причудливой комедии, поставленной одним человеком. Только мы не можем разоблачить д'Андре.

— Не можем разоблачить? Почему?

— Потому что он — подлинный Гастон Гаске, — ответил Г. М., выпуская очередное кольцо дыма, — и это его шоу.

Ошеломленный Миддлтон нащупал позади стул и плюхнулся на него. Я тоже сел — мы оба в этом нуждались. Г. М. склонился к очагу. Отсветы пламени играли на его лысине.

— Теперь ваша очередь сходить с ума? — осведомился я после паузы. — Гаске? Вы же сами говорили, что бедняга, которого прикончили...

— Угу, — кивнул Г. М. — Хотя он был такой же Гаске, как я... Должен просить вас, Кен, доверять мне, хотя вы думаете, что я окончательно рехнулся и меня следует поместить под надзор. Я вполне в здравом уме. Когда я сказал этому бедняге: «Ведь вы Гаске, не так ли?» — я отлично знал, что это не так, но молился, чтобы ему хватило ума понять, куда я клоню, и ответить утвердительно. Так и вышло — он был умным парнем. Это было единственным шансом позволить ему осуществить то, что, как я думал и как теперь знаю, он пытался сделать. Конечно, я недооценил Фламанд...

— Выходит, из-за вас он погиб, — сказал я.

Г. М. вскинул голову:

— Знаю, и это мучает меня. Но поверьте, я считал, что он ничем не рискует и для него куда безопаснее выдавать себя за Гаске. Я пытался помочь ему. Все было в порядке, и дело могло быть уже закончено. Но Фламанд, черт бы его побрал!.. — Он стукнул себя кулаком по виску. — Вся беда в том, что Фламанд оказался слишком умен для нас обоих.

— Но кем же был этот парень, если он не был Гаске? И кто... вы сказали, что настоящий Гаске — это д'Андрье?

— Да. И все это было спланировано для нашего блага. А теперь слушайте внимательно! Я попытаюсь сорвать несколько слоев тайны с этой истории.

Г. М. помолчал, ерзая в кресле, потом заговорил снова:

— Начнем с того момента, когда мы прибыли в замок после весьма удачного приземления самолета на соседний луг. Вы, Эвелин Чейн и я пришли сюда с остальными. Нас встретил улыбающийся граф д'Андрье, изображая радушного французского хозяина, получившего письмо от Фламанд и жаждавшего увлекательных приключений. Все это отдавало фарсом, но я мог бы этому поверить. В конце концов, подобное послание было вполне в духе Фламанд, и могла существовать вполне реальная личность, которая вела бы себя так, как д'Андрье. Но как

только он заговорил с нами, кое-что с треском разоблачило спектакль.

Вспомните. Мы вошли в замок и не произнесли ни слова — у нас просто не было возможности. Поскольку все мы были покрыты грязью, то казались членами одной и той же группы, тем более что самолет потерпел крушение в четверти мили отсюда. Когда мы начали обсуждать случившееся, я заговорил о пилоте и экипаже самолета таким образом, что выглядело само собой разумеющимся, будто мы летели на нем. И все же, хотя об этом еще не было сказано ни слова, д'Андрье повернулся ко мне и спросил: «Значит, вы и ваши друзья не были на борту самолета?»

Это была жуткая обмолвка, ребята. Откуда он знал, что нас там не было? Абсолютно все, включая мои собственные слова, указывало, что мы были на борту. Как он мог знать на расстоянии четверти мили от самолета, к тому же отгороженного от замка деревьями, кто там находился? Ответ заключается в том, что он заблаговременно знал, кто будет лететь этим рейсом.

Из этого вытекало единственно возможное объяснение повреждения самолета. То, что выглядело самой трудной загадкой, оказывалось самой легкой. Хейуорд был совершенно прав. Самолет не мог совершить вынужденную посадку в заранее намеченном месте без соучастия пилота или всего экипажа. Тем не менее это казалось невозможным, во-первых, потому, что пилот был доверенным сотрудником авиалинии, всегда выполнявшим ответственные поручения, а во-вторых, потому, что Фламанд всегда работал один. Но это верно лишь в том случае, если у пилота были преступные намерения. Предположим, он посадил здесь самолет, получив приказ от полиции и действуя в сотрудничестве с авиакомпанией, на которую работал?

Все сразу становилось ясно! Картонный замок с его странным хозяином и неиспользуемыми комнатами начинал выглядеть как искусная ловушка для Фламанда.

Как же они намеревались осуществить задуманное? В чем состояла игра? Прежде чем перейти к этому, давайте удостоверимся, что виденное нами действительно игра. Что произошло, когда мы оказались в замке? Разрушилась дамба. Было бы слишком большим совпадением, если бы подобное случилось само собой. Но если кто-то подрубил сваи, то кто же? Взгляни-

те на это сооружение из дерева и камня — можете себе представить, чтобы один из гостей — пассажиров самолета и нас троих — пнул его ногой и разнес на куски? Нет, это могли сделать только несколько человек в самом замке. Д'Андре, Огюст, Жозеф, Луи — мозг и сила Сюрте — постарались, чтобы Фламанд не мог отсюда выбраться.

Подумайте сами. Фламанд заявил, что будет на борту самолета, а он всегда держит слово. Полиция не знает, под какой личиной он появится, но уверена, что он там будет, дабы украсть у Рэмсдена...

— Что? — осведомился я.

— Спросите у него, — с усмешкой предложил Г. М., кивнув в сторону открывшейся двери, сквозь которую вошел Рэмсден. — А я покажу продемонстрирую вам несколько весьма причудливых ключей к плану Гаске.

Глава 13

КАК Г. М. СОЗДАВАЛ ТЕОРИИ

— Что происходит? — довольно сердито спросил Рэмсден. — Вы выглядите так, словно в чем-то провинились. Кстати, Мерривейл, вас ищет д'Андре. Он говорит, что у него есть еще одно веское доказательство того, что первое письмо было написано Фламандом...

— Еще бы, — отозвался Г. М. — Послушайте меня, сынок, и тогда вы, возможно, поймете, почему он хочет убедить нас в подлинности первого письма даже ценой сфабрикованных обвинений против Фаулера. Если мы всерьез усомнимся в подлинности этого послания, это испортит всю игру... Садитесь, Рэмсден.

Миддлтон озадаченно потер лоб.

— Похоже, вы ее уже испортили, — усмехнулся он. — Но ведь Фламандом могу оказаться и я. В таком случае вы разболтали мне важную информацию.

— Угу. Если бы вы были Фламандом, сынок, — невозмутимо ответил Г. М., — то не нуждались бы в этом. Фламанд и так все знает. Вот почему он написал подлинную записку и подбросил ее в верхнюю галерею. Это встревожило Гаске — выходит, Фламанд знает, кто он, но Гаске понятия не имеет, кто такой

Фламанд. Отчасти поэтому он напустился на Фаулера. Иными словами, маскарад Гаске пошел прахом. Кроме того, я не вижу иной причины, по которой французское правительство должно было использовать Рэмсдена в качестве предлога.

Рэмсен сердито уставился на него.

— Я долго ждал, — произнес он с зловещим спокойствием, — покада услышу хоть что-то, имеющее смысл. Может быть, вы, наконец, соизволите объяснить...

Г. М. повиновался под аккомпанемент протестующих воплей собеседника.

— Вы утверждаете, — сказал Рэмсен, переведя дух, — что Гаске (или д'Андре) написал первое письмо, сообщая, что Фламанд намерен организовать вынужденную посадку самолета?

— Точнее, отпечатал на машинке. Хотите еще доказательств? Ему нужно было только скопировать подпись. Но факсимиле Фламанд держалось в секрете и никогда не публиковалось. Однако Фаулер долго изучал оба письма и не смог сделать окончательный выбор между подлинной и фальшивой подписью. Значит, почерк Фламанд воспроизвела полиция, у которой имелись для этого все возможности. Как я сказал, д'Андре встревожился. Когда мы пришли в замок, он представил первое письмо как подлинник. Когда же его подлинность была опровергнута вторым посланием, он состряпал сомнительную историю, будто отправил оригинал Гаске, а потом предъявил ответ Гаске — разумеется, рукописный, так как он сам его написал.

Рэмсен покачал головой:

— Но разве это не было с самого начала чертовски глупо? Д'Андре ожидает, что Фламанд появится в какой-то маскировке. Фламанд появляется и сталкивается с поддельным письмом якобы от него. Он не может не насторожиться и...

— Хо-хо-хо! — Лицо Г. М. расплылось от удовольствия. — И что тогда? Фламанд заявляет в лицо д'Андре: «Вы лжец! Я никогда не писал этого письма»? Едва ли. Конечно, это его насторожит, но не заставит подозревать д'Андре. Разве вы сами его заподозрили? Откровенная демонстрация письма отвлекла бы от подозрений, тем более учитывая, что Фламанд ищет Гаске среди пассажиров самолета.

— Тем не менее, — задумчиво промолвил Миддлтон, — вы сами сказали, что это вызвало у Фламанд подозрения и теперь он знает...

— Угу. Конечно, знает. Потому что Фламанд куда проницательнее, чем думал Гаске с присущим ему самодовольством. Я просто объясняю вам ход мыслей д'Андре. Поддельное письмо дает двойное преимущество. Во-первых, Фламанд сразу же после необъяснимого крушения самолета сталкивается со столь же необъяснимым письмом. Гаске считает, что Фламанду понадобятся стальные нервы, чтобы не выдать себя ни поступком, ни словом, ни жестом, ни выражением лица. Вспомните — д'Андре настаивал, чтобы письмо прочли вслух, дабы при этом он мог изучать лица. Вспомните также, что единственный, кому д'Андре дал письмо для индивидуального прочтения, был Эбер, кого он, вероятно, знал как подлинного полицейского врача...

— Что освобождает Эбера от подозрений? — быстро спросил Миддлтон.

— Очевидно. Тем более что у него железное алиби на время убийства. — Г. М. нахмурился. — Но когда Фламанд понимает, что каким-то образом угодил в ловушку, он мобилизует мозги, чтобы не допустить никакой оплошности.

— И это ему удалось?

— Да, будь он проклят! Второе преимущество — эффект, ударивший по тщеславию Фламанд. Мы знаем, что оно непомерно — достаточно вспомнить, как он отплатил бедному комиссару, рискнувшему смеяться над ним. Неужели он оставит такое безнаказанным? Д'Андре правильно рассуждает, что нет. Вопрос в том, позволит ли мошеннику тщеславие взять на себя первое письмо и то, чем оно угрожает? Или же Фламанд испугается и откажется от своих намерений? В любом случае, учитывая его склонности, он, вероятно, напишет какой-нибудь ироничный ответ и подбросит его нам. В таком случае, полагает д'Андре, ему конец. Все слуги в этом доме — люди из Сюрте. Если Фламанд попытается подбросить записку, они тут же его схватят. Так бы и вышло, если бы Фламанд не выбрал момент, когда все утратили бдительность после того, как он совершил, казалось бы, невозможное убийство.

Думаю, д'Андрье почти не сомневался, что Фламанд возьмет на себя вынужденную посадку самолета и напишет: «Я же говорил, что сделаю это, не так ли?» И вот тут-то, ребята, он не учел особенности изощренного ума противника. Фламанд — тщеславный позер, но ему не нужна музыка, если не он ее заказывает. Если кто-либо одурачил бы его, он бы вылез из могилы, чтобы отплатить ему. Так и вышло. Он подбросил записку, смысл которой заключается в следующем: «Я знаю, кто проделал со мной эту шутку. Берегись, друг Гаске».

— Ну, старший инспектор Сюрте должен уметь позаботиться о себе, — заметил я. — Но давайте рассмотрим все с самого начала. Д'Андрье (будем называть его так, чтобы не запутаться в именах) позаимствовал имя и замок у настоящего д'Андрье, который живет в Монте-Карло и никогда не пользуется этим домом...

— Погодите! — Миддлтон щелкнул пальцами. — Теперь я начинаю понимать — особенно эту историю с книгой!..

— С книгой? — переспросил Г. М. — С какой еще книгой? Вы крадете мои лавры? Я как раз собирался...

— Нет, это касается Эльзы. Этой ночью она жутко испугалась и не желает говорить мне, чего именно. Когда я вернулся из ванной перед убийством, она сидела уставившись на книгу, лежащую на столике у кровати, бледная как привидение, потом захлопнула книгу и выбежала, не сказав ни слова. Вот почему Эльза не подождала меня и оказалась на галерее во время убийства. Я смотрел книгу — Бальзак, и на форзаце было написано имя д'Андрье...

— Угу. — Г. М. взмахнул сигарой — он казался удовлетворенным. — Вы говорили, что она пробыла замужем за настоящим д'Андрье всего три месяца и даже не знала, что у него здесь дом. Имя в книге должно было ее напугать. — Он подмигнул покрасневшему Миддлтону, который сердито поглядывал на него. — Ну-ну, не ерепеньтесь! Никто не собирается читать вам мораль, а Эльза — симпатичная девчонка. Кстати, книги в комнатах могли бы поведать вам кое-что.

— Что именно?

— Что наш хозяин — не тот, за кого себя выдает. Этот парень настолько внимателен к деталям, что даже кладет у наших кроватей книги, подбирая сатирические названия. Он знает зара-

нее — судя по «письму Гаске», написанному им самим, — что почти все его гости будут англичанами или американцами. Д'Андре превосходно говорит по-английски — это заметно, когда он возбуждается и забывает о своей роли. Человек, так хорошо владеющий двумя языками, должен иметь в библиотеке хотя бы несколько английских книг. Но поскольку он не дал нам ни одной книги на английском языке, разумно предположить, что у него их нет. А если они отсутствуют в его большой библиотеке, это означает, что библиотека ему не принадлежит и что он не тот, за кого себя выдает. Он представляется отставным полковником спаги, спортсменом, охотником и игроком, наделавшим шум в Монте-Карло. Но наш друг Огюст (детектив-сержант Огюст, если это его настоящее имя) добавил разоблачительный штрих, сказав, что старик сидел в своей комнате и чистил ружье. В армии мне не довелось видеть полковника, который стал бы чистить ружье, когда рядом его ординарец — даже если это бывший полковник и бывший ординарец.

Но вы спрашивали о начале всего плана и все еще до него не добрались. Началом явились вы, Рэмсен. Вам предстояло стать приманкой.

— Вот как? — кисло улыбнулся Рэмсен.

— О, мы просто сидим и размышляем. Скажем, вы возвращаетесь домой через Францию, а французскую полицию и Ке д'Орсе¹ попросили потихоньку присматривать за вами, поскольку у вас при себе нечто ценное, а вы из тех независимых личностей, которые и слышать не желают об охране...

— Не спорю, — прервал Рэмсен. — У меня было при себе нечто ценное.

— Угу. К тому же осведомители сообщили, что Фламанд каким-то образом полностью осведомлен о ваших действиях. — Г. М. так энергично взмахнул сигарой, что пепел полетел в разные стороны. — Это встревожило всех, так как речь идет о деле международного значения. Фламанд же стал общенациональной проблемой, а избиратели имеют скверную привычку резко реагировать на беспомощность государства в таких делах. Если Фламанд отколет очередной номер и об этом ста-

¹ Ке д'Орсе — набережная в Париже, где находится министерство внутренних дел.

нет известно, определенные круги ощутят явный дискомфорт. Выход один — расставить для Фламанды ловушку с достаточно сладкой приманкой и достаточно надежную, чтобы удерживать его, если он в нее попадет. Тогда все будут счастливы. Но есть одно препятствие. Нужно получить согласие Уайтхолла, что может оказаться нелегко. Необходимо также сотрудничество британской полиции, чтобы сделать операцию вполне официальной. Фактически я не могу понять, как они могли обойтись без вашего согласия.

— Ха! — воскликнул Рэмсен. — Вы намекаете, что я знал о том, что должно произойти этой ночью? — Он задумался. — Могу дать честное слово, что случившееся в этом месте явилось для меня таким же сюрпризом, как... как для любого из вас. Но вы заинтересовали меня. Продолжайте.

— Моя догадка состоит в том, что для этого потребовались два сотрудника нашей разведки. Они должны были слепо подчиняться приказаниям, поэтому не знали (как вначале не знал и Уайтхолл), что им предстоит делать, кроме похвального намерения охранять сэра Джорджа Рэмсдена. Их первые инструкции гласили: отправиться в гостиницу с другой стороны Орлеана. Очевидно, Гаске вначале планировал использовать эту гостиницу так же, как сейчас использовали этот замок, — схема не была бы такой изощренной, но группа людей совершила бы вынужденную посадку на самолете где-нибудь на пустоши неподалеку от гостиницы. Конечно, по прибытии двух британских агентов Гаске посвятил бы их в свой замысел.

Но тем временем произошли две вещи. Уайтхолл узнал, в чем состоит план Гаске, и пришел в ярость. Я не питаю особого почтения к нашему правительству — увидите, что я сделаю с министерством внутренних дел! — но даже старый Скуиффи не полный идиот. Агенты должны были охранять Рэмсдена, но после того как его во время выполнения деликатной правительственной миссии завлекут в ловушку с целью поймать преступника, чьи действия нас абсолютно не касаются. Я спрашиваю вас, стал бы даже Скуиффи терпеть подобное? Наверняка он обратился в министерство иностранных дел, и они категорически отказались участвовать в подобной операции или санкционировать ее. Агентов следовало немедленно отозвать, но они уже уехали, и никто не знал, как до них добраться.

Что же делает Гаске? Ладно, говорит он, мы откажемся от помощи британских агентов и ничего им не сообщим, но продолжим выполнять наш план. А вторым событием стало то, что он решил усложнить план, используя этот замок. Не знаю, как он пришел к такому решению. — Г. М. закрыл один глаз. — Возможно, Гаске встретил в Марселе своего друга, настоящего д'Андрье, который разыскивал там свою жену, и попросил согласия воспользоваться этим местом...

— Не пойдет, — прервал Рэмсен, скрестив руки на груди. — Анализ, если это можно так назвать, достаточно безупречен, кроме одного пункта, Мерривейл. По-вашему, если наше руководство отказалось санкционировать западню со мной в роли привязанного козленка, то Гаске и его начальство осмелились бы продолжать? — Он усмехнулся. — Можете поставить шестипенсовик, что нет. В таком деле даже у козленка есть право голоса. А как насчет меня?

— Я как раз к этому подхожу. — Г. М. с трудом поднялся с кресла, сжимая зубами потухшую сигару, и стал ходить взад-вперед у камина. — Ключ нам предоставляют два пункта. Первый — неизвестный человек, которого убили после того, как он солгал, назвавшись Гаске. Кто он и почему солгал?

— Вы имеете в виду, — злорадно осведомился Рэмсен, — почему вы убедили его солгать? Вам незачем негодовать на охотников, которые привязывают козлят, чтобы их сожрал тигр. Вы сами так поступили.

— Вы действительно так думаете? — странным тоном спросил Г. М. — Хмф, я бы сказал, у вас имеются на то основания. Черт возьми, почему вы не в состоянии видеть чуть дальше?

— Коли на то пошло, — фыркнул Рэмсен, — почему вы не в состоянии стать менее дальнзорким? Я не претендую на хорошее зрение, если это подразумевает убийство человека.

Г. М. уставился на огонь.

— Вижу, мне придется распутать это дело, — сказал он. — Я колебался, так как, в конце концов, это шоу Гаске и мне не хотелось его портить. Тем более что вас это касалось больше всего и вы, как я думал, дали согласие...

— На шоу Гаске?

— Да. Понимаете, это второй пункт, предоставляющий мне ключ. Вы сами заявили, что начальство Гаске никогда бы не

позволило ему проделать этот трюк с самолетом и затаскивать вас сюда. Вы не дурак, хотя этой ночью иногда производите обратное впечатление. Не думаю, что вы знали, кем окажется Гаске и что он организует вынужденную посадку. Но полагаю, что кое-какие слухи до вас доходили. Тогда почему вы рискнули в этом участвовать? Вам доверили доставку единорога в Лондон?

— Да.

— Угу. И во сколько вы оцените стоимость этого редкого животного?

Поколебавшись, Рэмсен усмехнулся.

— Вы правы, — заговорил он другим тоном. — С меня достаточно собственных мистификаций. Так или иначе, завтра все появится в газетах. Вы хотите знать стоимость единорога. Если говорить о его важности, он стоит королевства. А если только о денежной стоимости — ну, возможно, всего лишь миллион фунтов.

— Пожалуй, мне лучше удалиться, — сказал Миддлтон. — Думаю, я уже слышал больше чем полезно для здоровья. — После паузы он добавил: — Всего лишь миллион фунтов. И вы не побоялись иметь дело с Фламандом?

— Нисколько, — отозвался Рэмсен. — Потому что единорога у меня нет.

— Угу, — произнес Г. М. деревянным голосом.

— Рад сообщить, — продолжал Рэмсен, — что он загнан в клетку и сейчас на пути в Лондон с эскадрилей Королевских военно-воздушных сил. Если Фламанд собирался атаковать меня, его план пошел прахом.

— Господи! — слышался новый голос. — Неужели обязательно сообщать это всем?

Дверь захлопнулась, и мы увидели холодное, циничное и более не дружелюбное лицо детектива Гаске, именовавшего себя графом д'Андре.

Глава 14

РОГ ЕДИНОРОГА

Г. М. тяжело вздохнул.

— Сожалею, сынок, — признал он. — Боюсь, мы забылись и говорили чересчур откровенно.

Во внешности д'Андрье не произошло изменений, если не считать утраты ковыляющей походки и медлительной речи. Он по-прежнему выглядел безупречно и походил на Мефистофеля, но больше не был невозмутимым. Обращаясь к нам, он шелкал пальцами, как будто стоял перед дрессированными собаками.

— Вы называете это доверительным разговором? Да вы все вопили, как палата депутатов! Любой в коридоре мог вас слышать, как слышал я. — Его глаза прищурились. — Кажется, джентльмены, почти все карты выложены на стол. Какой вы мне оставили шанс поймать Фламанд на месте преступления?

— Какого преступления? — отозвался Рэмсен. — Если вы имеете в виду поимку преступника во время моего убийства, благодарю покорно. Вам не кажется, что это немного чересчур? Какой шанс на спасение вы оставили мне?

— Вы согласились сотрудничать.

— В чем? Таинственный субъект с Ке д'Орсе спрашивает, не возражаю ли я принять участие в полицейской ловушке для Фламанд, подробности которой он сообщить не может. Он честно предупреждает меня, что Уайтхоллу это может не понравиться, и говорит, что надеется на мои охотничьи инстинкты. Я сказал, что не возражаю, и вот я здесь. Но что касается единого...

Г. М. нахмурился:

— Да, мы угодили в запутанный лабиринт. Все же я не думаю, что вам следует так расстраиваться. Вы загнали Фламанд в угол, хотя не знаете, кто он. Фламанд заперт на этом острове, откуда нет выхода. И он должен быть одним из нас. В случае необходимости вы можете отправить нас всех в кузку. Я как раз собирался предложить...

— В этом не будет необходимости, — прервал д'Андрье.

Его лицо выражало насмешку и одновременно неистощимую энергию. Гастон Гаске, или д'Андрье, принадлежал к числу людей, которых можно назвать энергичными циниками. Я с тревогой подозревал, что он приготовил для нас новый трюк. Опустившись на стул, он обратился к Г. М.:

— Теперь маски сброшены. Вы знаете, кто я, и я могу сказать вам то, что думаю. Откровенно говоря, какое-то время я интересовался, намеренно вы вводите меня в заблуждение или все-

му виной ваша бестолковость. Теперь я знаю, что все дело в последней.

— Не беситесь, Мерривейл, — посоветовал Рэмсен. — Черт возьми, неужели вы не видите, что он просто старается вывести вас из себя? Через минуту вас хватит удар.

— Напротив, — резко возразил д'Андре, и мне еще сильнее стало не по себе, — я говорю правду. В данном случае это жизненно важно. Да-да, я знаю, что он разгадал мою подлинную личность. Ну и что? Было ли это так уж трудно? Чисто случайно здесь оказалась жена моего друга д'Андре... — Он снова щелкнул пальцами. — Важно то, что в истории с самозванным Гаске он может считать себя ответственным за его смерть. Едва ли я теперь могу всерьез рассматривать какое-либо его предложение. Я не хочу оскорблять вас, друг мой, а всего лишь стараюсь быть предельно ясным. Будет только справедливо сообщить вам, что один из ваших коллег, который должен хорошо вас знать, недавно охарактеризовал мне вас как благонамеренного старого психа. Не обижаетесь? Вот и отлично! Тогда мы можем перейти к делу... В одном вы правы. Я не расстроен, так как добился успеха. Я знаю, кто Фламанд.

— Угу, — проворчал Г. М. — Вы имеете в виду действительно это или только то, что написали еще несколько писем самому себе?

— Я имею в виду, что нашел рог единорога, — улыбнулся д'Андре. — Я нашел оружие убийства и точно знаю, как оно было совершено.

— И знаете, кто его совершил? — осведомился Рэмсен.

— Знаю, — ответил д'Андре после напряженной паузы. — Я нашел оружие у одного из гостей в этом доме. — Он постучал костяшками пальцев по подлокотнику стула. — Было выдвинуто определенное предположение, причем для того, кто его выдвинул, оно служило всего лишь смутной догадкой с целью подтвердить свою репутацию проницательного человека. Но эта догадка была ценной, так как подсказала мне кое-что практичное. — Теперь его глаза блеснули. Несмотря на позерство, в нем ощущалась сила. — Я открыто признаю, что случайное замечание Мерривейла подало мне идею. Правда, последняя часть сказанного им была полной чушью, но первая — что оружием не был ни пистолет, ни кинжал и в то же время оба вмес-

те — содержала крупицу истины. Можете разгадать эту загадку, джентльмены?

— Где вы его нашли? — спросил Г. М. — В чьем кармане?

— Это я собираюсь продемонстрировать всем вам. Огюст!

«Мажордом» с довольным видом открыл дверь. Я заметил, что в его внутреннем нагрудном кармане находится какой-то продолговатый предмет, по которому он временами похлопывает, словно убеждаясь в его присутствии. Лицо д'Андре вновь стало дружелюбным.

— Спросите моих гостей, — сказал он, — не будут ли они так любезны прийти сюда.

Тем не менее фраза прозвучала как шелканье бича. Маленький седеющий Мефистофель улыбался и выглядел настолько уверенным в себе, что в комнате повеяло ледяным холодом.

Г. М., казалось, подыскивал правильные слова.

— Слушайте, сынок, — заговорил он наконец. — Возможно, я действительно тупоголовый осел или одурманенный оракул, сам не понимающий, какие предсказания он бормочет. Не будем на этом сосредотачиваться. Вы, в сущности, неплохой парень, хотя и набиты вздором, и я на вашей стороне. Поэтому предупреждаю вас: ради бога, будьте осторожны! Если вы позволите вашему пристрастию к драме завести вас слишком далеко, возникнет жуткая неразбериха. Мне известно, вы переживаете из-за того, что этот тип все время выходит сухим из воды. Я тоже. Но не поддавайтесь эмоциям, иначе положение станет гораздо хуже.

— Но вы сознаете, что я нашел оружие? — с улыбкой спросил д'Андре.

— Да.

— Что я нашел его у одного из моих гостей и могу логически объяснить, как было совершено преступление?

— Ну... — Г. М. почесал голову. Он казался расстроенным. — Логически — да. Я боялся, что вы это скажете. Поверьте, на своем веку я слышал множество логических объяснений. Беда в том, что они, как правило, оказывались неверными.

Д'Андре снова пребывал в своей стихии.

— Мы опять упираемся в разницу между латинским и англосаксонским темпераментами. Вы отвергаете логику, потому что она требует напряжения и концентрации мысли... Входите!

Он повернулся к двери, в которую вошли пять остальных членов нашей группы. Что они знали или о чем догадывались, я не мог определить, но, должно быть, они почувствовали изменение, которое внесла в атмосферу зловещая уверенность д'Андре. Эльза отпрянула, быстро переводя взгляд с д'Андре на Миддлтона, который подошел к ней и что-то ободряюще прошептал. Эвелин уставилась на меня. Хейуорд, Эбер и Фаулер держались на заднем плане.

— Чую новые неприятности, — внезапно сказал Хейуорд. Его лицо было красным, а в руке он держал стакан виски с содовой. — Я же говорил вам, Фаулер. Можете всегда полагаться на мое чутье. Ну, в чем дело теперь?

— Похоже на голосование присяжных, верно? — Фаулер старался говорить небрежным тоном. — Вы нашли убийцу?

— Я нашел, — уточнил д'Андре. — Сейчас он в этой комнате.

Д'Андре встал, потирая руки. Он был так уверен в своих словах, что мог жонглировать ими. Его движения были абсолютно механическими — он напоминал мне не столько актера, сколько голубя-турмана, напрягшегося перед очередным кувыркком в воздухе.

— За последние полчаса произошло так много, что мы не станем вдаваться в это сейчас. Но могу сообщить вам, что я нашел рог единорога.

— Что, черт возьми, это значит? — осведомился Хейуорд.

Усмехающееся лицо с крючковатым носом и яркими глазами под отечными веками повернулось к нему.

— Я Гастон Гаске, сэр, — к вашим услугам и услугам Фламанд. Имя человека, которого убили, не имеет значения — если не считать того, что он не был Гаске и что его убил Фламанд. Я бы предпочел сохранить мою личность в секрете и поймать Фламанд во время кражи того, что он намеревался украсть. К сожалению, кое-кто разгласил правду, сделав это невозможным. Теперь Фламанд не станет рисковать. Тем не менее я знаю, кто он.

Несколько секунд все молчали. Лица слегка расплывались у меня перед глазами. Присутствие этого человека невольно действовало на меня — я чувствовал, каким он мог быть, допрашивая подозреваемого.

Паузу нарушил Фаулер. Достав сигарету, он подошел к камину и склонился над очагом, чтобы прикурить от огня.

— Прощу прощения, сэр, — небрежно извинился он. — Вы что-то сказали?

— Я говорил, что взял на себя расследование с целью избежать дальнейших ошибок нашего английского друга Мерривейла. Давайте вернемся к убийству. Перед нами вроде бы абсолютно невозможное преступление. Но тем не менее оно произошло, и с помощью логики, а не свободного брожения мыслей мы сможем разобраться, каким образом. Преимущество «невозможного» преступления в том, что, если мы находим объяснение, оно оказывается единственным.

Но действительно ли ситуация настолько невозможная? Перед тем как упасть, жертва поднесла руки к лицу, потом покатила вниз по ступенькам на площадку, а оттуда к подножию лестницы. Где же тогда мог быть нанесен удар? Не наверху лестницы, так как жертва находилась в четком поле зрения двух свидетелей. Не на первом лестничном пролете, так как он попадал (хотя и с перерывом) в поле зрения миссис Миддлтон. И не на нижнем пролете, который был в поле зрения сэра Генри и доктора Эбера.

Остается только площадка. Но против этого имеются возражения. Первое: хотя мистер Фаулер задержался на несколько секунд, прежде чем подбежать к лестнице, убийце, прячущемуся за гобеленом, не хватило бы времени выдернуть оружие из черепа жертвы и обшарить ее карманы. Второе: миссис Миддлтон хорошо видела всю площадку, за исключением нескольких футов вверх от пола, и заметила бы убийцу.

Само слово «исключение» показывает, что мы имеем дело не с абсолютно невозможной ситуацией, иначе не было бы никаких исключений. Единственное место, которое не находилось ни в чьем поле зрения, — самая нижняя часть площадки. Поскольку все остальное невозможно, мы приходим к логичному выводу, что убийца должен был находиться там.

— Должны ли мы снова перебирать все это? — нетерпеливо осведомился Фаулер, чья уверенность, казалось, росла с каждой секундой. — Ведь это идея Миддлтона. И мы доказали, что никакое оружие не могли метнуть оттуда, а потом вытащить...

— Согласен.

— Ну тогда...

— Позвольте продемонстрировать вам оружие, которое было использовано. Огюст!

«Мажордом» шагнул в комнату, и д'Андре продолжил:

— Мне предложили загадку: какое оружие не является пистолетом и кинжалом, но в то же время является обоими? Я вспомнил сделанное ранее сообщение доктора Эбера о том, что неподалеку от места убийства в Марселе была лавка мясника... Дай мне эту игрушку, Огюст.

«Мажордом» достал из-под пиджака самый невероятный и жуткий на вид механизм, какой я когда-либо видел. По форме он напоминал пистолет, но был больше и тяжелее ручного огнестрельного оружия самого крупного калибра. Он имел около одиннадцати дюймов в длину, был изготовлен из стали, за исключением деревянной рукоятки, и, вероятно, весил добрых четыре фунта. Но никакая пуля или иной снаряд не могли быть выпущены из него — в отверстии ствола мы увидели маленький кружок, напоминающий кончик стержня диаметром около шестнадцатой части дюйма. Быстрым движением д'Андре открыл ствол сбоку, возле казенной части. Внутри находилось нечто вроде камеры для одного патрона, установленной возле мощного пружинного механизма.

— Узнаете? — спросил д'Андре. — Это так называемый «гуманный убийца», которым пользуются мясники¹. Он заменил топор. По закону умерщвление животных должно быть безболезненным и мгновенным. Теоретически лучшим средством была бы пуля, но пуля не должна оставаться в туше, подлежащей разделке. Поэтому изобрели смешанный вариант — острое, выталкиваемое взрывом патрона, прикрепленного к пружинному механизму. Этот стержень куда мощнее любой пули. Он моментально проделывает глубокое отверстие и может быть сразу же извлечен, а оружие легко перезаряжается вталкиванием стержня в ствол рукой. Это оружие английского производства... Позвольте продемонстрировать.

¹ Эта модель, которую я впоследствии видел в действии, — стандартный английский «гуманный убийца», одобренный Обществом защиты животных. Его силу и эффективность демонстрирует тот факт, что в череп вола толщиной около четверти дюйма стержень часто проникает на глубину четырех футов. (Примеч. авт.).

Он повернулся к Огюсту, который протянул ему картонную коробочку с несколькими предметами, похожими на легкие холостые патроны. Д'Андре вставил один из них в казенную часть, защелкнул пистолет и оттянул предохранитель.

— Патроны «К», — сказал он. — Используются для самых твердых черепов, вроде воловьих. Они кажутся очень легкими — всю работу делает пружинный механизм. Итак...

— Нет! — завопила Эльза, спрятав лицо на груди Миддлтона и зажав уши. — Я этого не фыдершу! Фы не должны делать такая веш!

— Это создает очень мало шума, мадам, — не без иронии успокоил ее д'Андре. — Куда меньше, чем игрушечный пистолет с пистонами. Но, если вы боитесь... — Он открыл ствол, извлек патрон и передал его Огюсту вместе с оружием. — Мы не нуждаемся в демонстрации. Теперь вы видите, чем был «рог единорога».

— Да, думаю, мы можем обойтись без демонстрации, — дрожащим голосом произнес Миддлтон. — Уберите эту штуку. При виде ее сразу представляешь себе все кровавые подробности. «Гуманный убийца» — ну и название! Вы имеете в виду, что беднягу убили именно таким образом?

— Да. Вы согласны, доктор Эбер?

— *C'est absolument vrai...*¹ — пробормотал Эбер. Он шагнул вперед, чтобы обследовать оружие.

— Похоже на правду, — заговорил Хейуорд, чье лицо побледнело и покрылось красными пятнами. — Не тяните время! Кончайте спектакль! Где вы нашли эту штуковину? Кому она принадлежит?

Д'Андре не обратил на него внимания. Я посмотрел на Фаулера, молча стоявшего с блестящими глазами, быстро затягиваясь сигаретой, которую не вынимал изо рта. Д'Андре повернулся к Г. М.:

— Вы согласны, друг мой?

— Угу. — Г. М. медленно кивнул. — Я имею в виду, что вы нашли правильное оружие. Вопрос в том, как, по-вашему, оно было использовано. Ведь его нужно поднести прямо к голове жертвы, а рядом с убитым никого не было видно.

¹ Это истинная правда (*фр.*).

— Это я и собираюсь объяснить, прежде чем передать арестованного детективу — сержанту Аллену. — Д'Андре кивнул в сторону Огюста. — Пистолет, безусловно, могли использовать, только поднеся к голове жертвы. Я уже приводил вам логические причины, позволяющие считать, что убийство могло быть совершено лишь на площадке. Поскольку его могли совершить только этим пистолетом — кстати, если вы обследуете цилиндр, то увидите доказательства того, что им воспользовались, — и так как никто не приближался к жертве на галерее, напрашивается вывод, что в тот момент, когда жертва поднесла руки к лицу, закричала и покатилась по ступенькам, в нее еще не стреляли.

Подумайте сами. Может кто-нибудь из свидетелей поклясться, что видел рану на лице жертвы перед ее падением? Нет. Что же они видели? Человека, который инстинктивно поднес руки к лицу, вскрикнул и оступился, словно собираясь шагнуть на первую ступеньку. Почему же это произошло? Очевидно, потому, что он увидел на площадке своего врага, в руке у которого был предмет, напоминающий обычный крупнокалиберный пистолет, нацеленный на него.

Очевидно, Фламанд прятался за гобеленом, поджидая, когда его добыча начнет спускаться, и выбрался наружу слишком рано. В тот же момент, когда жертва оказалась у лестницы, Фламанд увидел миссис Миддлтон, появившуюся на галерее у балюстрады. Инстинктивно он пригнулся к полу площадки, чтобы она его не заметила. Но жертва у верхней ступеньки видела, как он целится в нее из пистолета. Она прикрыла лицо руками, собираясь шагнуть вниз, вскрикнула, оступившись, и покатилась по ступенькам. Фламанд действовал прежде, чем жертва успела скатиться вниз и выдать его. Он пригнулся так низко, что его невозможно было увидеть ни сверху, ни снизу, а когда жертва скатилась на площадку, приставил к ее лбу «гуманного убийцу», нажал на спуск и тут же выдернул стержень. На площадке валялась папка, выпавшая из рук жертвы. Подобрав ее, Фламанд толкнул тело вниз по лестнице и скрылся за гобеленом. Учитывая быстроту, с которой можно пользоваться этим оружием, все заняло не более трех секунд. В последнюю из этих секунд мистер Фаулер подбежал к лестнице, и что же, по его словам, он увидел? Он увидел, как гобелен ко-

дыхался, когда убитый прокатился мимо него, и приписал это тому, что жертва за него ухватилась. Однако движение ткани было вызвано нырнувшим за нее Фламандом.

Объяснение выглядело блестящим, и меня оно убедило.

Фаулер внезапно шагнул вперед. Во рту у него так пересохло, что сигарета пристала к губам, и он обжег пальцы, пытаясь вытащить ее.

— Если вы верите, что я говорил правду, значит, вы не считаете меня виновным? — осведомился он.

— И никогда не считал, друг мой, — ответил д'Андре. — Могу я продолжать? Я почти закончил. Прежде чем убитый скатился к подножию лестницы, Фламанд вылез из окна за гобеленом (которое, напоминаю, мы впоследствии нашли незапертым) на плоскую крышу. В следующий момент он оказался на карнизе, пролез в окно комнаты мистера Хейуорда (на подоконнике которого Огюст менее получаса назад обнаружил несколько многозначительных пятен грязи) и оказался на галерее примерно через двадцать секунд после того, как нажал на спуск.

Д'Андре постучал по каминной полке.

— Продолжать нет смысла. Я знаю виновного. Оружие и коробка с патронами недавно были найдены в тайнике его чемодана с двойным дном. Теперь Фламанду не избежать гильотины. Хотите знать, кто он и как себя именует? Охотно сообщу вам это. Он стоит вон там.

И тогда этот блистательный идиот повернулся и жестом, позаимствованным из «Гран-Гиньоля», указал на меня.

Глава 15

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

Одну-две секунды я не мог думать об обвинении даже как о шутке. Случившееся было за пределами понимания, как при первом шоке после автомобильной катастрофы. Черты лица д'Андре — крючковатый нос, подстриженная борода, глаза, блещущие триумфом — расплывались у меня перед глазами, покачивались, как отражение в воде. В некотором роде это напоминало реакцию на то, когда вас окликают на улице абсолютно незнакомый человек, — вы бросаете взгляд через пле-

что, чтобы посмотреть, нет ли кого-то позади. Именно так я и поступил, но никого позади не обнаружил. Очевидно, в этот момент я, будучи ни в чем не повинным, являл собой самую убедительную картину виновного, какую можно увидеть в Олд-Бейли¹. Постараюсь помнить об этом, когда буду входить в состав присяжных.

Д'Андрье продолжал тыкать в мою сторону указующим перстом. Я представил его взывающим громовым голосом к подозреваемому: «Признавайся, злодей!» Видение превращало все в шутку, и я позволил себе то, что казалось мне усмешкой. Для воспаленного воображения это могло прозвучать гулким, но неубедительным хохотом.

— Вы с ума сошли? — осведомился я. — Сегодня ночью все один за другим впадают в безумие — теперь наступила ваша очередь? По-вашему, я — Фламанд?

Д'Андрье наслаждался собой.

— Значит, вы это отрицаете? Ладно, давайте немного подискутируем. Понимаете, я располагаю не только этой уликой, но могу доказать, что вы — единственное лицо в доме, которое могло совершить преступление.

Г. М. выглядел так, словно не знал, что ему делать — усмехнуться или выругаться.

— Я боялся этого, — сказал он, — с тех пор, как месье Гаске вошел в комнату. Он избегал обращаться к вам или даже смотреть на вас, Кен! Он не хотел портить театральный эффект. Подозреваю, что вы, Гаске — д'Андрье, случайно нашли оружие в комнате Кена, куда его подбросили, подогнали под этот факт ваши умозаключения и убедили себя, что пришли к ним ранее. А потом, когда вы бросили обвинение в виноватую физиономию Кена...

— В моей физиономии нет ничего виноватого, — прервал его я. — Давайте выясним все сразу. Что вы имели в виду, говоря, что я единственный в доме, кто мог совершить убийство?

— Только то, что сказал. Поймите, друг мой, я не питаю к вам никакой враждебности. Держите себя в руках, и я все вам продемонстрирую. Еще раз дайте оружие, Огюст!

¹ О л д - Б е й л и — лондонский уголовный суд.

Его голос звучал очень убедительно. Думаю, не усмешка на лице Огюста, а что-то похожее на восхищение в глазах д'Андре заставило меня осознать, что эти люди искренне считают меня Фламандом. На остальных я не смотрел.

— Понимаете, — продолжал д'Андре, — качество сэра Генри Мерривейла, которое я с сожалением должен назвать старческим слабоумием, предоставило вам возможность сделать то, что больше никто не мог сделать. Все это время он невольно помогал вам... Взгляните на это оружие. Оно весит четыре фунта и обладает солидными размерами. Убийца во время всеобщего возбуждения, когда никто к нему не присматривался, мог прятать его под пиджаком всего лишь несколько минут — не дольше. Иначе было бы заметно для самого поверхностного наблюдателя. От оружия следовало избавиться сразу после преступления, как только представится возможность. Но у кого была такая возможность?

После обнаружения тела каждый из вас каждую секунду был под наблюдением либо моим, либо Огюста, либо троих других моих людей. Задачу облегчало то, что ваша группа держалась вместе. С того времени и до сих пор ни у кого из вас не было возможности пойти в комнату мистера Блейка... кроме самого мистера Блейка.

Как вы помните, сразу же после убийства мы все столпились наверху. Еще несколько секунд — и о наличии у кого-то оружия заподозрили бы, так как мы собирались включить свет. Никто не покидал группу — опять же кроме мистера Блейка. Сэр Генри Мерривейл любезно послал его в свою комнату за фонарем, и он отсутствовал короткое время...

— Полагаю, вы не поверите, — сказал я, — что я пытался починить сломанный фонарь?

— Боюсь, что нет, старина, — вежливо отозвался д'Андре. — Это дало мистеру Блейку возможность сделать две вещи. Сначала он спрятал пистолет, а потом засунул портативную пишущую машинку под пиджак и, так как она была незаметна в темноте, поспешил по галерее и вошел... куда? В бельевую, где стояли Мерривейл и я. Вспомните, что только мы трое рискнули войти в бельевую. Спрятав машинку, он смог подбросить записку... куда? Снаружи за дверь.

При этом даже Г. М. беспокойно моргнул. Что до меня, то сказать, что я встревожился, было бы слишком мягко. Ибо, хотя я все еще старался не смотреть на молчаливую группу, чье дыхание становилось все громче, я бросил взгляд на Рэмсдена. Он изучал меня с любопытством, как будто видел впервые.

— Теперь, — продолжал д'Андре, загнув один палец, — перейдем к обуви.

Должно быть, все посмотрели на мои ноги. Во всяком случае, я устремил на них виноватый взгляд. Мои ботинки пребывали не в лучшем состоянии после хлюпанья по грязи, но они подали мне неприятную мысль. Я украдкой обвел глазами обувь остальных. Ботинки Г. М., Рэмсдена и Эбера тоже были грязными, но они не поднимались вверх переодеваться и имели железное алиби. Обувь остальных — спортивные ботинки Хейуорда из белой и коричневой кожи, черные лакированные туфли Фаулера, коричневые ботинки Миддлтона, поношенные белые туфли Эвелин и Эльзы на высоком каблуке — сияла чистотой.

— Очевидно, вы уже поняли вашу ошибку, — сказал д'Андре. — Вы вспомнили о пятнах грязи на подоконнике, оставленных вами, когда вы влезали в дом с карниза. Остальные переобулись до убийства, так как ни у кого не было возможности сделать это после. У всех чистая обувь... конечно, кроме вас. Вы не переобувались.

— Я упаковал чемодан, рассчитывая вернуться утром, — объяснил я, — и не взял лишней пары обуви. В противном случае...

— В противном случае, — просиял д'Андре, — вы бы переобулись, когда вас послали в вашу комнату за фонарем? Рад слышать, мой старый невидимый друг, что вы заполняете пробелы в наших знаниях...

Первое, что я увидел, был блеск очков Эбера. Разглядывая меня, он выглядел не враждебным, а всего лишь одержимым интересом к новому образчику человеческой породы.

— Боже, какой триумф! — воскликнул он по-французски. — Поздравляю вас, месье Гаске! Да, это настоящий преступный тип... Обратите внимание на форму его ушей и неправильные очертания черепа, которые...

— Слушайте, это зашло слишком далеко! — перебил я. — Хотите верьте, хотите нет, но я не Фламанд. В моем чемодане нет второго дна, как и кроликов в моей шляпе.

— Ну и что вы намерены делать? — слышался ворчливый голос Хейуорда. — Позволить ему стоять и болтать дальше? В какую же компанию психов я попал! Что, если он попытается бежать? Вы не собираетесь надеть на него наручники?

— Заткнитесь! — бросил ему Миддлтон. Потом он с любопытством посмотрел на меня, цокая языком. — Блейк, мальчик мой, вы угодили в передрагу — нет смысла это отрицать. Тем не менее я не могу поверить, что вы Фламанд. Во всем этом есть нечто очень сомнительное. Кроме того, моя комната — соседняя с комнатой Хейуорда, откуда вы якобы вышли. Думаю, я бы это заметил. У меня сложилось впечатление, что вы пробежали мимо с другого конца галереи.

— Вот именно! — воскликнула Эвелин и сердито уставилась на д'Андре. — Вы старый дурак!

— Спокойно, — остановил я ее, ибо женщина подобного темперамента, выйдя из себя, могла употребить выражения, от которых волосы консервативного мужчины встали бы дыбом. Но Эвелин впала в другую крайность — мне показалось, что она вот-вот заплачет.

— Почему никто не спрашивает, где был Кен все то время, когда он якобы вылезал из окон и влезал в них? — осведомилась Эвелин, взяв себя в руки. — Я скажу вам. Он был со мной, понимаете? Безусловное алиби! А если вы верите всему, что говорите, то это означает, что я — сообщница, не так ли?

Д'Андре смотрел на нее без всякой вражды.

— Вы вынуждаете меня затронуть это, мисс Чейн. Факт в том, что я действительно считал и считаю вас сообщницей.

— О боже! — простонал Г. М. — Это уж слишком! Значит, она — любовница Фламанды, которая крадет планы у кабинета министров? Послушать вас, сынок, так и я окажусь замешан! Почему бы вам не перестать тратить время и не отправить нас всех в каталажку?

— Возможно, я так и сделаю. — Д'Андре повернулся к нему, понемногу утрачивая вежливые манеры. — На вашем месте я бы не особенно полагался на ваше подлинное или воображаемое положение в британском правительстве. Не забывайте, что здесь распоряжаюсь я. Откровенно говоря, я больше не желаю выслушивать ваши предположения. Они уже стоили жизни одному человеку и едва не погубили все мое расследование. Вы делаете

все возможное, чтобы защитить человека, который пудрил вам размягченные мозги, утверждая, что его зовут Кенвуд Блейк. Я...

— Слушайте, вы, гном-переросток! — рявкнул Г. М. и с такой силой ударил кулаком по подлокотнику стула, что дерево треснуло. — Я знаю, кто из этих людей Фламанд! Если вы позволите мне сказать вам, что надо делать...

— Сержант Аллен! — скомандовал д'Андре и выпрямился.

— Месье? — отозвался Огюст.

— Если сэр Генри Мерривейл, — с холодной вежливостью продолжал д'Андре, — еще раз попытается вмешиваться или давать нам советы, поместите его под арест. Понятно?

— Будь я проклят, если я стану дальше терпеть! — вмешался Рэмсен. — Сядьте, Мерривейл! Что до вас, Гаске, то вы заходите слишком далеко! Если...

Здесь я почувствовал, что кто-то должен восстановить порядок. Казалось, это невозможно, так как силы моих легких явно не хватало, чтобы перекричать спорщиков, но бокалы с коктейлями на табурете подали мне идею. Я поднял один из них и запустил им в камин. Звук бьющегося стекла сразу заставил всех умолкнуть. Независимо от того, сочли ли они это призывом к порядку или началом атаки.

— Прошу прощения, — сказал я, — но, может быть, вы успокоитесь и послушаете коварного злодея?

— Отличная работа, — одобрил Фаулер, заговорив впервые. — Конечно, вы — Фламанд, но хладнокровия вам не занимать. Вернее, вам его не занимать именно потому, что вы Фламанд. Почему вы убили того парня и кто он был?

Д'Андре тоже взял себя в руки.

— Я так долго ждал этого собрания, — заметил он, — что нахожу удовольствие в разговорах. Что вы хотите сказать?

— Я хочу получить шанс оправдаться — вот и все.

— Значит, вы по-прежнему отрицаете свою вину? Очень хорошо. Сэр Джордж Рэмсен, вечером вы говорили, что можете удостоверить личность этого человека. Вы уверены, что можете удостоверить ее теперь?

— Нет, не уверен, — ответил Рэмсен, и земля ушла у меня из-под ног.

Рэмсен стоял у камина расставив ноги. Его лицо выглядело озадаченным.

— Я никогда близко не знал Блейка, — продолжал он. — А шапочного знакомства недостаточно. — Рэмсден повернулся ко мне: — Простите, если я несправедлив к вам, но это слишком серьезное дело для опрометчивых заявлений. Вы могли обманывать меня.

— По-вашему, я мог обманывать и Г. М., или вы согласны с д'Андре, что он стал слабоумным?

Рэмсден скрипнул зубами.

— А по-вашему, это подходящий тон для человека, арестованного за убийство? Думаю, вы не вполне меня поняли. Вы можете быть Кеном Блейком, а можете и не быть им. На этот счет я не принял решения. Но Блейк вы или нет, вы совершили это убийство. Можете вы опровергнуть доказательства? Если Г. М. говорит, что вы Кен Блейк, я соглашусь с ним. Но как насчет доказательств?

К несчастью, я это предвидел. Даже если бы я привез из Сент-Джеймса всех знакомых, способных клятвенно подтвердить мою личность, это едва ли отразилось бы на обвинении в убийстве. Я посмотрел на Г. М., который снова сидел с таким деревянным лицом, как будто ничего не слышал, только его правое веко слегка подергивалось.

— Ваша защита, месье Фла... мистер Блейк? — язвительно произнес д'Андре.

— Вся эта чушь основана на предположении, что я прятался за гобеленом, вылез из окна и влез назад через окно мистера Хейуорда. Но вы кое-что проглядели. Если бы я влез через это окно, как говорите вы, и если мистер Хейуорд был в своей комнате, как говорит он, то он должен был меня увидеть. Вы спрашивали его, может ли он поклясться, что видел меня?

Хотя я сделал ударение на слове «поклясться», это был выстрел наугад. Судя по тому, как был настроен Хейуорд, он запросто мог заявить, что видел, как я влез к нему в комнату. Обернувшись, я был удивлен и ободрен. Хейуорд снова сидел на диване, положив руку на спинку, и разглядывал меня, прищурившись и жуя сигару. Как ни странно, он выглядел почти дружелюбным.

— Я уже спрашивал вас, ребята, — заговорил Хейуорд после паузы, — почему вы не позволите юристу, который привык к подобным делам, задать пару вопросов. Сейчас я это сделаю.

Но я немного пораскинул мозгами и скажу вам кое-что. Если этот человек виновен, то он не ведет себя как те виновные, которых мне приходилось видеть. Я начинаю менять о нем мнение. — Хейуорд прочистил горло и выпятил вперед голову, как человек, переходящий к делу. — По поводу того, о чем вы меня спросили. Нет, я не заметил, чтобы вы проходили через комнату, но если бы давал показания под присягой, то не мог бы поклясться в том, что вы этого не делали. Понимаете, я погасил лампу примерно за секунду до того, как услышал крик.

— Погасили лампу?

— Вообще-то вы должны отвечать на вопросы, — заметил он, описав сигарой круг в воздухе. — Но вы можете и спрашивать, если думаете, что это пойдет вам на пользу. Да, я погасил лампу. В этом нет ничего странного. Я собирался идти в ванную и спускаться вниз. Услышав вопль, я стоял в темноте, думая, что делать. Должен признаться, мне было не по себе. Я хотел снова зажечь лампу, но не мог найти спички. Поэтому я подбежал к двери и открыл ее.

Краем глаза я наблюдал за д'Андре, который казался довольным. Это разозлило меня еще сильнее.

— Что вы сделали потом? — спросил я.

— Ждал, пока не увидел компанию, собравшуюся у лестницы. Да, вы были среди них. Когда все вы направились вниз, я подбежал и присоединился к вам.

— Значит, вы стояли в дверях и должны знать, что никто не мог проскользнуть из комнаты на галерею мимо вас?

— Это можно назвать наводящим вопросом свидетелю, — усмехнулся Хейуорд. — Нет, я не стоял в дверях. Я вышел в коридор, отойдя от двери на четыре или пять футов, чтобы лучше видеть.

— Мне нравятся эти ссылки на судебные правила, — заметил наш хозяин. — Они сослужат нам отличную службу во Дворце правосудия, когда его будут судить. Итак, вы не можете поклясться, что никто не выходил из комнаты после вас и не бежал к лестнице, как будто вышел из собственной комнаты?

— У меня сложилось впечатление, что никто, — поправил Хейуорд, подняв палец.

— Будем надеяться, мистер Хейуорд, что ваше впечатление удовлетворит суд.

— Но разве вы бы не услышали шаги или какие-нибудь звуки, если бы кто-нибудь открыл окно, пересек комнату и вышел позади вас? — настаивал я.

— Необязательно. Буря создавала много шума, ковры в доме мягкие, а я присматривался и прислушивался к тому, что происходит на галерее.

Самым странным было то, что, сводя на нет последнее доказательство моей невиновности, Хейуорд выглядел так, словно старался мне помочь. Казалось, он подает намеки отгадывающему загадку.

— Продолжать это нет смысла, — сказал д'Андре. — Фактически вопросы мистера Блейка снабдили меня последним пунктом, необходимым для уверенности в его вине... Значит, мистер Хейуорд погасил лампу перед криком? Превосходно! Меня удивляло, что Фламанд осмелился влезть в окно, рискуя застать обитателя комнаты. Но, увидев с карниза, что свет погашен, он, естественно, предположил, что комната пуста, и влез в нее без колебаний. Не хочу торопить вас, месье Фламанд, но мы можем продолжить разговор по дороге в Париж. У меня есть планы на ваш счет. Днем вы должны быть в Париже вместе с мисс Чейн.

Г. М., сидевший неподвижно, зашевелился. Я видел, что, какой бы замысел ни вертелся у него в голове, это заявление сделало его неосуществимым. Меня же оно повергло в отчаяние.

— Мне следовало знать... — буркнул Г. М.

— Вам, безусловно, следовало знать, — согласился д'Андре, — что мы бы не стали устраивать эту маленькую ловушку, не обеспечив выход из нее. У нас имеется даже автомобиль. Очень скоро я предоставлю мисс Чейн и месье Фламанду менее удобное жилище...

Хейуорд выпрямился:

— Погодите! Разве парень не хочет задать мне еще несколько вопросов?

— Не думаю, что у нас есть на это время, — отозвался я. — Но предположим, мы заключим сделку? Если вы согласитесь не связывать мисс Чейн с этим делом...

— Молчите, болван! — рявкнул Г. М. — Именно это он и пытается заставить вас сказать. Лучше задайте Хейуорду вопрос, на который он хочет ответить...

— Из вас вышел бы никудышный адвокат, Блейк, — усмехнулся Хейуорд. — У меня есть старая привычка — находясь в незнакомом доме, никогда не выходить из комнаты, не сделав одной вещи, которую делают многие...

— Что вы сделали, прежде чем задули лампу, мистер Хейуорд? — спросил я.

Хейуорд с облегчением откинулся на спинку дивана.

— Я запер окно, — ответил он.

Глава 16

ЛЖЕЦЫ БУДУТ ПРЕУСПЕВАТЬ

Мои акции повышались. Последнее доказательство, если бы я смог его поддержать, весило бы так же тяжело, как этот чертов пистолет, мое отсутствие в группе и грязные ботинки. Сочувствие публики, столь же непредсказуемое, как колесо рулетки, вроде бы начало медленно поворачиваться в мою сторону.

— Это опровергает обвинение, не так ли? — проворковала Эвелин. — Если окно было заперто, Кен не мог пролезть в него. А вся теория держится на том, что он это сделал. — Она посмотрела на Г. М. и добавила почти сердито: — Почему вы молчите? Вы наверняка можете припомнить куда больше фактов, говорящих в его пользу.

— У меня есть свои причины. — Г. М. покачал головой. — Пускай сам ведет свою защиту — если может. Между прочим, д'Андре, как вы намеревались отсюда выбраться?

— Вы спрашиваете, как я планирую покинуть это место с моими арестованными? — весело отозвался наш хозяин. — С помощью разборного моста военно-инженерного образца. Жозеф и Жан-Батист скоро начнут над ним работать. Примерно через полчаса течение успокоится достаточно, чтобы рискнуть проложить мост.

— С вашими арестованными? — воскликнул Хейуорд. — А как же история с окном? Через окно Фаулера Блейк тоже не мог пролезть — все утверждают, что он бежал к лестнице с другого конца галереи. Кроме того, у Фаулера горел свет. Как же он мог вернуться в дом, если не влезал в мое окно? Или вы хотите сказать, что я его не запер?

— Нет.

От возбуждения Хейуорд стал агрессивным.

— Тогда что же вы хотите сказать? Я готов держать пари, что эти окна взломать невозможно. На них нет обычных шпингалетов. Они похожи на маленькие двери с ручкой посередине, которая опускает стержень в подоконник при повороте. Пришлось бы вырезать кусок стекла или...

— Вряд ли вы заметили, — прервал его д'Андре, — что ручка этого окна сломана.

Хейуорд разинул рот.

— Очевидно, вы полагаете, джентльмены, — продолжал д'Андре, — что я не знаю свое дело. Конечно, я об этом подумал. Этот стержень не входит в паз в подоконнике. Легкий толчок снаружи — и окно открывается. Я не упоминал об этом, так как хотел вас опровергнуть. — Он посмотрел на меня, потирая руки.

— Все равно я этому не верю! — мрачно заявил Миддлтон. — Моя комната рядом с комнатой Хейуорда, по другую сторону поперечной галереи. Я выбежал вскоре после того, как раздался крик, и думаю, что, если бы Блейк выскользнул из комнаты Хейуорда, я бы его увидел.

— Давайте в заключение спросим вас об этом, — согласился д'Андре. — Вы уверены, что увидели бы его?

— Можно сказать, уверен.

— На галерее было не слишком темно?

— Нет. Я вышел из комнаты, услышав крик, и остановился, глядя на галерею в сторону комнаты Хейуорда, когда кто-то пробежал мимо меня сзади (теперь я знаю, что это был Блейк), а потом направился к лестнице. Все это время я смотрел на галерею и никого не видел.

— Вот именно, — промурлыкал д'Андре. — Было так темно, что вы не могли разглядеть даже мистера Хейуорда, стоящего в нескольких футах от собственной двери.

— Друзья, — заговорил я после паузы. — Злодей благодарен вам за добрые намерения, но просит больше не стараться ему помочь. Каждый раз, когда кто-то протягивает мне руку помощи, я все глубже увязаю в болоте.

Миддлтон выругался.

— Вы все извращаете, Гаске! Я этого не говорил.

— Значит, вы изменили ваше мнение и заявляете, что видели мистера Хейуорда впереди вас?

— Ну, вероятно, это был Хейуорд. Впереди маячила какая-то тень...

— Которая с таким же успехом могла быть мистером Блейком. Благодарю вас. Будет справедливым вас информировать, — сказал д'Андре, — что Луи стоит за дверью, стенографируя весь разговор. Понимаете, друг мой, настоящий д'Андре сообщил мне, что эта комната сконструирована по принципу «галереи шепотов» и у двери слышен малейший звук. Вот почему я выбрал ее. Чтобы завершить процедуру, мы идентифицируем несколько вещей. Луи!

Дверь открылась, и в комнату, сунув в карман записную книжку, заглянул один из лакеев — коренастый громила.

Д'Андре обратился к нему по-французски:

— У вас чемодан месье Фламанда, который, как он утверждает, не имеет второго дна?

— Да, месье.

Д'Андре повернулся ко мне:

— Только для уверенности в том, что не произошла ошибка, не сообщите ли вы нам, что находилось в вашем чемодане? Благодарю вас. Принесите его сюда, Луи, и доставайте предметы в том порядке, как он будет их называть... Пижама. Халат. Комнатные туфли. Носки. Рубашка. Бритва...

Снова этот безумный заговор перевернул мои мозги вверх ногами.

— Это мои вещи, но не мой чемодан, — сказал я. — Мой чемодан был из черной кожи — не знаю, какого сорта. А этот из коричневой свиной кожи. Спросите...

— Спросить мисс Чейн? — осведомился д'Андре. — Нет, спасибо. Кто еще может идентифицировать чемодан? Вы говорите, что чемодан чужой. Это недостойно вас, друг мой. Теперь вы скажете, что кто-то подбросил в вашу комнату не только «гуманного убийцу», но и другой чемодан, в котором таинственным образом оказалась вся ваша одежда. Кто и когда имел возможность сделать это? Вы открывали ваш чемодан, когда поднялись наверх перед убийством?

— Да, и тогда все было в порядке! Это был черный... проклятие!

Огюст, он же сержант Аллен, шагнул вперед.

— Могу заверить вас, месье Фламанд, — обратился он ко мне, — что я сам достал этот коричневый чемодан из вашей машины и отнес его в дом.

— Давайте продолжим, — сказал д'Андрье. — Перечисляя ваши вещи, вы ничего не забыли упомянуть?

— Может быть. Не знаю. Ничего важного.

Д'Андрье погрозил пальцем:

— Нет? Например, пистолет «браунинг», один патрон в котором недавно использовали? Интересно, когда и почему вы произвели этот выстрел?

Разумеется, речь шла об оружии, которое Эвелин подобрала на дороге и о котором я забыл. Меня поглотило сильное желание отрицать, что оно принадлежит мне, как только пришла мысль о бездне, которая разверзнется у нас под ногами, если я попытаюсь все объяснить.

— И еще одна вещь. Записная книжка, исписанная женским почерком, который, думаю, принадлежит мисс Чейн, — продолжал наш хозяин, — где тщательно перечислены все подвиги Фламанды с информацией о его методах, которые могли быть известны только ему одному.

Это решило дело. Нас окружали каменные лица, и было очевидно, что, за исключением Г. М., никто нам не верит. Но это поражение могло обернуться нашей победой.

— Не только ему, — запротестовал Г. М. мягко, словно воркующий голубь. — Это известно и полиции. Есть кое-что, сынок, о чем вам следует знать, и меня удивляет, что мисс Чейн до сих пор об этом не заявила. Правда, разглашать это позволено только в крайнем случае, но мне кажется, этот случай наступил... Мисс Чейн сотрудница нашей разведывательной службы — я за это ручаюсь. Даже если вы считаете меня слабоумной бездарью, надеюсь, вы признаете, что я не лжец?

Эвелин облегченно вздохнула:

— Вопрос в том, поверит ли он мне, даже если я докажу, кто я.

Д'Андрье задумчиво разглядывал ее.

— Действительно, это вопрос, мисс Чейн. Как вы понимаете, я мог бы без колебаний согласиться, что вы та, за кого себя выдаете, тем не менее считать вас коллегой Фламанды. — Он щелкнул пальцами. — Конечно, у вас имеется удостоверение?

Пока Эвелин снимала часы и открывала корпус, я нашел способ, который поможет ей выпутаться. Следовало признаться, что я самозванец, убедивший ее, что являюсь агентом разведки, но поступивший так потому, что я Фламанд. Это докажет, что она оказалась замешанной в неразбериху не по своей воле (что было истинной правдой), а впоследствии, когда с ней все будет в порядке, я смогу вести собственную битву, доказывая, что не виновен в убийстве.

— Вроде бы удостоверение в порядке, мисс Чейн, — промолвил д'Андре, обследуя сероватый клочок бумаги, который она ему протянула. — Я вспомнил. Вы были одной из двух сотрудников британской разведки, которым вначале поручили охранять... — Он кивнул в сторону Рэмсдена.

— Да, — подтвердил я. — По-вашему, Фламанд об этом не знал?

Д'Андре круто повернулся:

— Значит, вы признаете...

— Что я Фламанд? О, разумеется. Вас это смущает? Ведь вы уже давно пытаетесь это доказать, не так ли?

— Он жуткий лжец! — сказала Эвелин и рассмеялась мне в лицо.

Природная извращенность человеческой натуры такова, что я впервые увидел на лице д'Андре если не сомнение, то удивление.

— Вы мне не верите? — весело осведомилась Эвелин. — Он и есть другой агент, которого прислали вместе со мной. А разведслужба не настолько коррумпирована, чтобы мы оба оказались мошенниками. Хотите доказательств? Хватайте его, Огюст, и посмотрите, что лежит в его левом верхнем жилетном кармане!

Эта просьба явно пришлась Огюсту по вкусу. Прежде чем я успел шевельнуться, он схватил меня, достал из указанного кармана сероватый клочок бумаги и протянул его д'Андре. Тот нахмурился, хотя это должно было стать решающим доказательством моей вины.

— Где вы это взяли?

— Украл.

— Это его удостоверение, — сказала Эвелин. — По-вашему, британская разведка целиком состоит из мошенников и убийц?

— Не знаю, как насчет этого, — вмешался Хейуорд, — но начинаю думать, что она целиком состоит из законченных психов. Это часть нелепой истории о том, как вы напали на полицейских, пытавшихся украсть ваш паспорт, которую вы рассказали нам вечером?.. Слушайте, Гаске, этот парень либо невиновен, либо безумен, но будь он Фламандом, неужели он стал бы рассказывать эту чушь с самого начала?

Я повернулся к нему:

— Все чистая правда. Я украл удостоверение у настоящего агента. Кстати, это его оружие — у меня не было пистолета. Он увидел меня с Эвелин и что-то заподозрил. Я принял его пистолет за портсигар. Он и два полицейских остановили машину. Произошла потасовка, и мне пришлось вывести их из строя. Но мисс Чейн тут ни при чем. Господи, неужели вы мне не верите, даже когда я признаю себя виновным?

— Интересно, что это за игра? — пробормотал Фаулер, поднявшись и меряя шагами комнату. — Вероятно, месье Гаске, это какой-то трюк.

— Если это трюк, — заявил Хейуорд, — то ему следовало бы исполнять его на сцене. Позвольте мне задать вопрос. Вы просите нас поверить, что в одиночку и без оружия атаковали троих вооруженных мужчин и вывели их из строя, потому что вам показалось, будто они украли ваш паспорт?

— Боже мой, что за человек! — воскликнул Эбер.

— Погодите, — остановил его Хейуорд. — Помимо удостоверения и оружия, вы украли что-нибудь еще?

— Авторучку Драммонда. Я говорил вам об этом.

— Верно, говорили. Теперь я вспоминаю. Вы украли этот клочок бумаги, авторучку и пистолет, так как приняли его за портсигар. Правильно?

Я пожал плечами:

— Какой в этом смысл? Я признаю, что я Фламанд, — разве этого недостаточно? Давайте поедem в Париж и покончим с этим. Нет, я не собираюсь бежать. Принесите наручники.

— Одну минуту, — вмешался д'Андрье. — Что может сказать об этих приключениях мисс Чейн?

— По его словам, — раздраженно отозвалась Эвелин, — я ничего об этом не знаю, потому что меня там не было. Неужели вы не понимаете, что это выдумка — что он ни в чем не

виновен и просто пытается меня защитить? Стал бы Фламанд так себя вести? Похоже это на действия убийцы? Он дошел до того, что отрицает свою службу в разведке...

— Не вижу, как он может ее доказать, — критически заметил Хейуорд. — Вы утверждаете, что на дороге ничего подобного не произошло?

— Конечно! — ответила Эвелин с такой уверенностью, что у меня отвисла челюсть. — Вечером он морочил вам голову, потому что этот человек, — она кивнула на д'Андре, — вел себя так нелепо с письмами, которые якобы получил от Фламанды. А теперь он пытается превратить шутку в серьезное заявление, так как хочет избавить меня от неприятностей, даже отрицая, что является сотрудником разведслужбы. Здесь присутствует сэр Генри Мерривейл. Почему бы вам не спросить его, служит мистер Блейк в разведке или нет?

— Ага! — радостно воскликнул Г. М. — Я все время ждал, что кто-нибудь выдвинет аргумент, вызвавший у нашего славного Гаске хотя бы тень сомнения. И будь я проклят, если это не заставит его усомниться в виновности Кена!

— Я жду вашего ответа, — сказал д'Андре, — хотя и не говорю, что это что-либо изменит даже в малейшей степени. Они должны быть доставлены в Париж под арестом. Но если стоящий передо мной человек действительно секретный агент...

— Конечно, сынок, — даже не покраснев, ответил Г. М. — Я сам только вчера выдал ему удостоверение.

— А как же авторучка? Вы сами видели авторучку с надписью «Харви Драммонд».

— Господи, сынок, неужели вы до сих пор не поняли? Несколько дней назад Кен случайно позаимствовал авторучку у настоящего Харви Драммонда, а вечером здесь появился человек, называющий себя этим именем. Кен знал, что он самозванец, и выдумал эту историю, чтобы смутить его. Кстати, это ему удалось.

— Значит, на дороге Лева не было никаких неприятностей?

— Разумеется, не было. Наконец-то вы это поняли.

Д'Андре пригладил усы. Его глаза сардонически поблескивали, но мне казалось, что эти аргументы действительно вызвали у него сомнение в моей виновности.

— Вы признаете, что это правда? — обратился он ко мне.

— Я подчиняюсь неизбежному, месье Гаске.

— Ладно, посмотрим. Если сэр Генри Мерривейл солгал мне... Сержант Аллен!

— Месье?

— Мисс Чейн и мистера Блейка следует поместить под арест. Отведите их наверх в комнату мистера Блейка и сами их охраняйте — только сначала общитесь с ним. Будьте вооружены и стреляйте без колебаний, если он попытается бежать... Луи! — Д'Андре посмотрел на часы. — Уже пятый час. Луи, посмотрите, достаточно ли успокоилась река, чтобы установить наш мост. Некоторые из нас, несомненно, вскоре отправятся в Париж, но я настаиваю, чтобы остальные оставались здесь.

— Он все еще считает вас убийцей, сынок, — пробормотал Г. М., — хотя уже не так в этом уверен. Идите с Эвелин наверх и играйте в карты со стариной Огюстом, а я продолжу расследование.

После того как меня обыскали, Эвелин и я, пытаюсь сохранить достоинство, направились в сопровождении Огюста к двери. Остальные не произнесли ни слова, так как не знали, что сказать, но, когда дверь за нами закрылась, мы услышали голоса. Эвелин склонилась ко мне.

— Ты выглядишь ошеломленным, — шепнула она. — Я все думаю — что, если настоящий Драммонд появится здесь со своими копами?..

— Ш-ш! Берегись Огюста.

— Хорошо, но в том, что ты выглядишь ошеломленным, нет никакой тайны.

— Остальным, похоже, так не кажется, — не без раздражения отозвался я.

Глава 17

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕРНОГО ЧЕМОДАНА

Огюст распахнул дверь моей спальни и подал нам знак войти. Огонь в камине погас, но лампы еще ярко горели, так что, несмотря на мрачные зеленые портьеры, можно было представить себе тюремную камеру и похуже. Эвелин опустилась на стул и попросила сигарету. Огюст подскочил к ней, достав пачку из кармана брюк.

— Разогнитесь, Огюст, — строго сказала ему Эвелин по-французски. — Теперь вам незачем изображать дворецкого. Вы детектив-сержант Аллен из Сюрте. Скажите положи руку на сердце: вы действительно думаете, что этот человек — Фламанд?

Огюст разогнулся и с усмешкой хлопнул себя по бедру, потом задумался, прищурившись на кончики усов, как на ружейный прицел.

— Откровенно говоря, мадемуазель, не знаю. Иногда я думаю, что да, а иногда — что он просто чокнутый англичанин. Но друзья поддерживают его — особенно вы. — Улыбнувшись, он добавил с галльским простодушием: — Он ваш *amant*¹, не так ли? Это бросается в глаза.

— Если это так легко бросается в глаза, — сказал я, — некоторые люди оказались достаточно глупы, чтобы не поддаваться всеобщему мнению. Вы шпионите за нами, Огюст? Все, что мы скажем, будет использовано против нас?

Огюст задумался.

— В зависимости от обстоятельств, месье. Мне поручили наблюдать за вами. Конечно, если вы ничего не скажете... — Он поколебался. — Могу предположить одно. Если вы Фламанд, то тоже могли бы разогнуться. Вам незачем так скверно говорить на вашем родном языке, месье.

Удар был не в бровь, а в глаз.

— Это приводит нас к вопросу, — задумчиво промолвила Эвелин, — должен ли ты продолжать притворяться Фламандом, Кен? По-моему, нет. С твоим акцентом ты никогда не сможешь делать это убедительно.

— Ладно. Под таким сильным давлением признаю, что я не Фламанд. Поэтому я собираюсь задать сержанту Аллену несколько вопросов. Послушайте, старина, вы можете поклясться, что действительно нашли коричневый чемодан в этой комнате?

— Конечно! Он был здесь — в изножье кровати.

Там, где я оставил черный чемодан!

— Вы достали его из багажника машины мисс Чейн и принесли сюда?

— Вообще-то в комнату я его не приносил. Багаж распределяли Луи и Жозеф.

¹ Возлюбленный (*фр.*).

— А вы обращаете внимание, к примеру, на отпечатки пальцев? Вы нашли мои отпечатки на чемодане с двойным дном или на «гуманном убийце»?

Огюст засмеялся:

— Шеф не уделяет особого внимания таким мелочам, месье. Он говорит, что они устарели и психологически не важны. Если где-то находят какие-то отпечатки, можно не сомневаться, что их оставил не тот, кто нам нужен. В любом случае там не было никаких отпечатков. По-вашему, Фламанд оставил бы их? Он нанес бы на пальцы жидкую резину.

— Нанес бы на пальцы жидкую резину, чтобы достать зубную щетку из своего чемодана?

Огюст снова усмехнулся:

— Если вы не Фламанд, то вы слишком простодушны. Существует прозрачная разновидность жидкой резины, которую можно нанести на кончики пальцев незаметно. Во время операции Фламанд делает так постоянно, поэтому не оставляет отпечатков... — Он нахмурился. — Прошу прощения, но мне не разрешено отвечать на вопросы.

— Ну-ну, Огюст! Сядьте поудобнее, закурите сигарету, и давайте выпьем... Потяните этот шнур звонка, и посмотрим, удастся ли нам что-нибудь раздобыть.

По поведению Огюста было очевидно, что он далеко не убежден в моей вине. Поколебавшись, Огюст сунул пистолет в карман, дернул шнур и сел со вздохом облегчения.

— Значит, вы допускаете, — продолжал я, — что с багажом могла произойти ошибка?

Он пожал плечами:

— Вы должны убедить шефа, месье, а не меня. Кроме того, какая ошибка? Разве мы совершили ошибку?

— О да. Помните, что портфель самозванца, именовавшего себя Гаске, таинственно исчез? Вижу, что помните. Его нашли?

— Нет. Это правда, — согласился Огюст, снова прищурясь на кончики усов. — Но это не делает черный чемодан коричневым, а коричневый черным. Фальшивый Гаске доставил нам — я имею в виду шефу — много хлопот! Конечно, мы думали, что он Фламанд. Вот почему я наблюдал за его окнами, а шеф — за его дверью. Мы хотели посмотреть, что он намерен

делать, а потом — voilà!¹ — Огюст сжал кулак. — Когда его убили, шеф расстроился. Фламанда надо было искать снова. Поэтому, когда вы ужинали, он приказал мне обыскать все комнаты, кроме комнат доктора Эбера, в котором он уверен, и двух англичан, которых называют «сэр».

Мы с Эвелин сразу же обратили внимание на одну деталь этого монолога.

Эвелин выпрямилась:

— Значит, д'Андре, или Гаске, наблюдал за дверью этого человека перед убийством? Откуда?

— Ну... — Огюст задумался. — Полагаю, из средней двери своих комнат в конце галереи, мадемуазель.

— И следовательно, он мог видеть всю галерею, пока не погас свет?

— Понимаете, я всего лишь подчиненный... — пробормотал Огюст.

Эвелин возбужденно повернулась ко мне, забыв о французе:

— Одна вещь мне с самого начала казалась странной, Кен. Когда Гаске обвинил тебя, он не упомянул одно обстоятельство, которое раньше интересовало всех. Кто выключил свет на втором этаже рубильником в бельевой? Если Гаске думал, что ты убийца, он должен был считать, что и свет выключил ты. У тебя была возможность это сделать? Я знаю, что ты этого не делал, так как была с тобой в этой комнате, но есть какое-нибудь доказательство?

— Да. Фаулер утверждает, что видел бы любого, идущего к бельевой, если он шел с этого конца галереи. Он говорит, что никто туда не проходил.

— Верно. Теперь подумай. Самозванец заявляет, что он Гаске, когда его загнали в угол. Настоящий Гаске, или д'Андре, знает, что это не так. Естественно, он стал наблюдать за его дверью, как Огюст наблюдал за окном, и должен был четко видеть галерею. Гаске должен был видеть, кто проскользнул в бельевую и выключил свет... Почему же он не сказал об этом?

— Думаю, он придерживал взрыв бомбы... Нет, постой! Он не стал бы так делать, если собирался обвинить меня, потому что я не заходил в бельевую и не выключал свет. Напротив, в

¹ Вот! (фр.)

течение часа или получаса после убийства Гаске был больше всего озадачен...

— Озадачен?

— Да! Он желал выдвинуть обвинение против Фаулера и доказать, что только у Фаулера была возможность проскользнуть в бельевую...

— Ты имеешь в виду, что он видел, как Фаулер это сделал?

Я пробовал сложить вместе фрагменты картинки-загадки.

— Это возможно. Но есть возражения. Стал бы он так срываться с цепи, распутав только полдела и собрав так мало свидетелей его театрального эффекта? Не попытался бы лучше подготовиться к атаке? Не сказал бы «Не думайте блефовать — я видел, как вы туда входили!» вместо сравнительно мягких логических упреждений?

— Ему нравится представлять себя логиком.

— Да, но еще больше ему нравится безошибочно хватать добычу. Вспомни, это величайшее дело в его жизни, а он далеко не глуп. Г. М. говорит, что он обвинил Фаулера только потому, что был расстроен, озадачен и стрелял наугад. Если он считал Фаулера виновным, то почему так быстро переключился на меня? Но если Гаске не видел Фаулера проскальзывающим в бельевую (а меня он точно не видел), то кого же он видел, в конце концов?

В глазах Огюста, который слушал нас, приложив ладонь к уху, чтобы лучше понимать, светилось любопытство. Но, увидев, что я смотрю на него, он распушил усы и стал по-отечески благожелательным.

— Если я вас правильно понял, — сказал он, — это интересно, но маловероятно. Возможно, это был человек-невидимка?

Эвелин устремила на него взгляд, полный холодного неодобрения:

— Вы меня удивляете, сержант Аллен. Подумайте о вашем долге перед Францией! Подумайте, наконец, о собственной карьере! Вы ведь толковый человек, не так ли? Отлично! Значит, вы могли бы разобраться в этом деле, если бы вам представилась возможность?

— Ну, — осторожно признал Огюст, — у меня могут иметься определенные идеи. Но я верен моему шефу, а он величайший детектив в мире...

— Вопрос не в том, — прервал его я. — Вы говорите, что он был около двери. Превосходно. Тогда кого он мог видеть входящим в бельевую? При сложившихся обстоятельствах мы делаем вывод, что не Фаулера...

Ворчанье.

— Следовательно, Фаулер говорит правду, заявляя, что не видел никого идущего с другого конца галереи. Это исключает мисс Чейн, миссис Миддлтон, Хейуорда, меня... фактически всех. Напрашивается вывод, Огюст, что свет выключил ваш шеф.

— Нет! — прогремел Огюст, вскочив со стула. — Это нелепо! Зачем шефу делать такую глупость? Это оскорбительно, а кроме того, я здесь, чтобы наблюдать за вами, а не разговаривать...

Эвелин задумалась, покуривая сигарету и закинув ногу на ногу. Внезапно она склонилась вперед:

— Какие же мы дураки, что упустили это! Не только шеф находился в другом конце галереи, где его не могли видеть. Вы забыли, что Оуэн Миддлтон был в ванной?

Я заявил, что отказываюсь этому верить не только потому, что Миддлтон последний, в ком я мог бы заподозрить Фламанд, но и потому, что он поддержал меня в трудную минуту.

— Признаю, что это не слишком веские причины, — добавил я. — Но если бы он выключил свет, д'Андре видел бы его. А он явно не обращал никакого внимания на Миддлтона.

— Но он, казалось, и на тебя не обращал никакого внимания, пока не предъявил тебе обвинение, — возразила Эвелин. — Помнишь, я говорила тебе, что Миддлтон, по его собственному признанию, только что вернулся из Индии?

— Да, помню. Что означают эти намеки на Индию, и вообще, что подразумевают под единорогом? Все говорят о нем! Рэмсен заявил, что он стоит королевства и миллиона фунтов. Прекрасно! Но что он собой представляет? Теперь, когда кота выпустили из мешка, я бы хотел, чтобы кто-нибудь проделал то же с единорогом. Несправедливо находиться под арестом, не имея понятия, что именно ты собирался украсть.

Эвелин взмахнула рукой с сигаретой:

— Все мое время, Кен. А свет должен был выключить Миддлтон. Неужели ты не понимаешь, что если это не он, то единственные альтернативы — д'Андре и человек-невидимка Огюста?

В этот момент Огюст поднял руку:

— Невидимка только в одном смысле, мадемуазель.

— В каком?

— В том, что шеф, возможно, не мог его видеть.

— Хотя вошел в бельевую при включенном свете?

— С вашей помощью, мадемуазель, — усмехнулся Огюст, — сержант Огюст Аллен может стать инспектором, хотя я не понимаю, что означает мое открытие. — Он нахмурился. — Понадобилось много работы, чтобы привести замок в порядок для нашей интермедии, тем более что это нужно было сделать быстро. Мне шеф доверил женскую работу, которую я считаю грязной. Именно я выносил белье, устанавливал лампы и... Короче говоря, в отличие от моего шефа, я часто входил в бельевую и выходил оттуда.

— Ну и что?

— То, что я обратил внимание на дверь в левой стене бельевой. Она почти незаметна, так как является частью стеной панели, но должна вести в соседнюю комнату, которую занимал убитый самозванец! Правда, я этого не проверял, но ведь его комната рядом с бельевой. Помните большой занавес на правой стене комнаты самозванца? За ним должна находиться противоположная сторона двери! Если то, что вы говорите, соответствует действительности, значит, мнимый Гаске сам выключил свет! Ведь свет погас всего через несколько секунд после того, как я видел его выбрасывающим из окна чемоданы. Но зачем ему было выключать свет?

Я свистнул.

— Если он это сделал, становится понятно, почему д'Андре, смотря прямо на галерею, не видел никого входящим в бельевую. Это также означает, что все снова попадают под подозрение!

— Включая тебя — не забывай, — указала Эвелин. Теперь она выглядела испуганной. — Это ужасно, Кен! Держу пари, наш друг шеф только потому наконец согласился выслушать Г. М., что его озадачивала эта единственная деталь. Если Гаске услышит о двери, все его доказательства будут идеально соответствовать друг другу. Сержант! — Поколебавшись, она повернулась к Огюсту с таким умоляющим видом, что тот вздрогнул, очевидно понимая, что сейчас последует. — Огюст, вы ведь не собираетесь рассказывать об этом вашему шефу?

Огюст поднялся с негодующим фырканьем:

— Даже не просите меня об этом, мадемуазель! Я обязан исполнить свой долг. Месье Гаске и так будет сердит, что я не сообщил ему об этом раньше, и наградит меня хорошим пинком пониже спины. Нет, нет, нет!

— Пусть рассказывает, — шепнул я. — Тебе это ничем не грозит, а если я наконец смогу убедить Гаске в своей виновности, то...

— То ты погубишь нас обоих — неужели ты этого не понимаешь?

Я попробовал взять иной курс:

— Естественно, вы должны рассказать ему, сержант Аллен... Сядьте, черт возьми! Я не собираюсь вас подкупать — я просто полез в карман за трубкой. Так-то лучше... Безусловно, необходимо все сообщить шефу, но вы не можете сделать это сейчас. Вам приказано оставаться с нами. Давайте обсудим ситуацию без предубеждений.

— Рад, что вы это понимаете, — проворчал Огюст, опускаясь на стул. — Ну, месье?

— Давайте представим, что вы инспектор Огюст Аллен, кем вы можете стать, если разумно подойдете к делу. Вы ведете это расследование и не верите, что я Фламанд, а мисс Чейн моя сообщница. Тогда кого бы вы арестовали? У такого толкового полицейского должна быть какая-то теория. Кто, по вашему, виновен?

— Строго между нами?

— Естественно!

Поколебавшись, Огюст заговорил вполголоса:

— Я бы без колебаний надел наручники на запястья месье Эрнеста Хейурда. Вас это удивляет? — продолжал он после паузы. — Так я и думал. Конечно, мой шеф — величайший детектив в мире. Беда в том, что иногда он проявляет излишнюю активность и расследует то, чего не существует. Он всегда ищет изощренность. Допустим, шеф приходит домой вечером и видит пакеты с крупой у себя на пороге. Разве он подумает: «Приходил мальчишка из бакалейной лавки. Интересно, не обсчитали ли они меня снова?» Нет! Он начнет придумывать способы, которыми бакалея могла оказаться на пороге не с помощью посыльного на велосипеде. Что ее сбросили с само-

лета, что она принадлежит кому-то другому или что в пакете спрятана бомба!

Огюст энергично покачал головой и продолжил:

— Я — другое дело. Мы нашли пятна грязи на подоконнике комнаты месье Хейуорда. Для меня это означает, что их, вероятнее всего, оставил сам месье Хейуорд. Я бы, по крайней мере, спросил его об этом. И что мы узнаем? — Огюст многозначительно поднял указательный палец. — Мы узнаем, что он, по его словам, выключил свою лампу за несколько секунд до того, как услышал крик. Но что он делает потом? Выбегает из комнаты, как все остальные? Нет! Он колеблется и добирается к лестнице последним. Месье Хейуорд говорит, что стоял на галерее, хотя месье Миддлтон, идущий из следующей комнаты, не видел его там.

Я не критикую моего шефа. Только величайший в мире детектив мог изобрести такое великолепное объяснение того, как произошло убийство. Но что потом? Шеф обвиняет вас, месье. Он говорит, что после того, как вы выбежали из комнаты месье Хейуорда, вы сразу же (с оружием под пиджаком) поспешили смотреть на труп. Только затем вы нашли предлог удалиться в свою комнату. Возможно, таким образом вы стремились избежать подозрений. Но мне этот поступок кажется глупым и неестественным. Если бы вы совершили убийство, то разве не побежали бы тотчас же к себе в комнату прятать оружие? В темноте вас бы не увидели, а потом вы могли бы присоединиться к остальным у лестницы. Кто же мог спрятать оружие в вашей комнате? Месье Хейуорд. Кто колебался, прежде чем присоединиться к остальным? Месье Хейуорд. Но вы глупец! — Огюст скорчил свирепую гримасу. — Вы погубили себя, заявив, что у вас есть черный чемодан без второго дна. Должно быть, вы обезумели!

Эвелин и я посмотрели друг на друга. Ее глаза сияли.

— Да, черный чемодан. Во всех прочих отношениях, — искренне сказал я, — мне остается снять перед вами шляпу. Вы победили великого Гаске в его же игре. Черт возьми, почему я не мог подумать о таком простом...

Огюст протестующе отмахнулся, и мое уважение к нему поднялось на пятьдесят градусов.

— Месье, я бросил играть в шахматы, так как все в кафе подсказывали мне ходы. Но к делу! Подумайте о самозванце, кото-

рый называл себя Гаске и был убит. Сам шеф после кратких размышлений сказал, что этот человек не мог действовать с дурной целью. Был ли он Фламандом? Нет! Фламанд, будучи уличенным в одном самозванстве, не поступил бы так глупо, сразу же заявив, что он Гаске. Настоящий Гаске тут же бы... — Огюст снова сжал кулак. — Но этот человек, кем бы он ни был, явился сюда с добрыми намерениями. Он собирался разоблачить Фламанд. Сказав всем, что знает, кто такой Фламанд, он не лгал. Его портфель исчезает. Я ищу его, и он тоже. Я поднимаюсь наверх и застаю его выходящим из комнаты меcье Хейуорда. Почему он решил начать поиски с этой комнаты и почему не стал обыскивать другие, убедившись, что портфеля там нет?

Откинувшись на спинку стула, Огюст достал очередную сигарету, и Эвелин чиркнула спичкой.

— Я изменил своему долгу, поделившись с вами своими мыслями. — Он мрачно скрестил руки на груди. — Шеф наградит меня хорошим пинком, если узнает об этом. Но я хотел показать мадемуазель, что, хоть я и *flic*¹, у меня доброе сердце. Теперь я хочу знать только одно. Что за история с этим проклятым чемоданом? Как могли вы достать зубную щетку из черного чемодана, когда я знаю, что он был коричневым?..

В дверь постучали. Огюст, говоривший громко, резко оборвал фразу, едва не проглотив сигарету. Поднявшись, он направил на нас пистолет и отошел открыть дверь.

Это оказался Жозеф — высокий и тощий в сравнении с коренастым Луи. Он с подозрением уставился на нас, но при виде оружия в руке Огюста облегченно вздохнул, вытер лоб грязной рукой и осведомился:

— В чем дело? Кто звонил? У меня нет времени отвечать на звонки — мы устанавливаем мост...

Был только один способ выяснить то, что я хотел знать.

— Заткнитесь, Жозеф, — сказал я, вставая. — Относитесь ко мне с уважением, иначе даю честное слово Фламанд, которое я никогда не нарушал, я выйду из тюрьмы через три дня и передрежу вам горло. Понятно? — Я с трудом удержался, чтобы не рывкнуть «Бу!», так как он испуганно отпрянул. В том, чтобы быть заклеянным этим именем, имелись свои преимущества.

¹ Полицейский, шпик, сыщик (*разг. фр.*).

— Теперь вам это не удастся, — отозвался Жозеф без особой уверенности. — Что вам нужно?

— Нам нужна бутылка виски за счет республики, и поживей. А теперь вопрос. Вы принесли багаж в эту комнату из нижнего коридора или Луи?

— Я. Ну и что из того? Если вы спрашиваете о коричневом чемодане, то его принес я.

— А другой чемодан — черный?

— Не пытайтесь говорить как англичанин! Вам не выпутаться. Да, я принес и другой чемодан.

Огюст повернулся к нему:

— Значит, чемоданов было два? Коричневый и черный? Говорите, бригадир!

— Не уроните оружие, Аллен! — нервно вскрикнул Жозеф. — Разве преступник не может иметь два чемодана? Я не крал его коричневый чемодан. Я детектив, а не чертов лакей. Говорю вам, я принес его сюда и поставил у кровати.

— Вы принесли два чемодана? — рявкнул Огюст. — У шефа будет что заявить по этому поводу!.. Попробуйте теперь сказать, что ничего не напутали. Например, не вы ли потеряли портфель, принадлежавший убитому? — В его голосе звучала тяжеловесная ирония.

— Подумаешь! — фыркнул Жозеф. — Повторяю, я детектив, а не лакей! Кроме того, какое это имеет значение, если он мертв? Все равно он был мошенником. К тому же я нашел портфель. Знаете, куда я его отнес?

— И куда же, бригадир? — вкрадчиво осведомился я.

— В комнату доктора Эбера, — ответил Жозеф.

Глава 18

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

— Если вы хотите когда-нибудь стать инспектором, Огюст, — сказал я, — притащите его сюда и закройте дверь. Самый большой ключ ко всему делу свалился вам на голову.

Огюст хладнокровно взял Жозефа за воротник.

— Подойдите сюда, месье Жозеф, и расскажите о последнем проявлении вашей тупости. — Он втащил детектива в комнату и запер дверь. — Что произошло с этим портфелем?

Жозеф старался держаться как можно дальше от меня.

— К чему вся эта суета? — осведомился он. — Матерь Божья, неужели возникли сомнения, что это чудовище Фламанд стоит здесь?.. Держите его под прицелом!.. Он же сам в этом признался. А если нет, — добавил Жозеф со зловещей улыбкой, — то люди поумнее нас сейчас доказывают это внизу. Они уже разоблачили ложь находящейся здесь женщины и толстого лысого старика, который говорил, что на дороге Леве не было никаких неприятностей. Помните пьяного водителя такси, которого нам велели уложить спать в кухне? Они допросили его, и он говорит, что толстый старик — злодей, который тоже напал на полицейского на дороге. Водитель слышал через перегородку, как они разговаривали об этом на заднем сиденье и как Фламанд признался, что ограбил и убил агента британской секретной службы всего за несколько километров отсюда...

Наши шансы снова рухнули с грохотом упавшего лифта. Я посмотрел на Эвелин и впервые увидел, что ее покидает самообладание. Мы оба (как, очевидно, и Г. М.) забыли об этом чертовом водителе, который, должно быть, проснулся после чрезмерной дозы виски в ярости из-за потери машины и готовым заявить что угодно.

— Ясно, что все трое были в заговоре, — быстро продолжал Жозеф, очевидно надеясь, что перемена темы позволит забыть о его собственных промахах. — Луи говорит, что эта... — поймав мой взгляд, он судорожно глотнул и добавил: — Что эта девушка — дочь толстяка. Когда завтра новость опубликуют газеты, она прозвучит как сенсация...

Бедный старый Г. М.! Я мог себе представить его апоплексическое состояние, но мы с Эвелин были в куда худшем положении. Я посмотрел на Огюста. Мы не могли позволить себе потерять нашего последнего союзника...

— А вы в такое время пристаёте ко мне с каким-то портфелем! — Жозеф сделал презрительный жест. — Мы поймали величайшего преступника века, а вы даже не заботитесь о том, чтобы охранять его как следует! Шеф узнает о том, что сделал я? А как насчет...

Это было ошибкой. Побагровев, Огюст протянул огромную лапу и пригвоздил Жозефа плечом к двери.

— Тем не менее, друг мой, — заговорил он с обманчивой мягкостью, не выпуская изо рта сигарету, — мы побеседуем о портфеле, если не возражаете. Я думаю, что этот человек — англичанин, и мы, французы, должны показать ему, что умеем играть честно. Расскажите мне все, что знаете. Вы сказали, что портфель в комнате доктора Эбера. Как и почему он там оказался?

— Но это вполне естественно! — воскликнул Жозеф. — Подумайте сами. Багаж был сложен в нижнем коридоре, верно?

— Я помню. Продолжайте.

— А вы помните, что, когда доктор вошел в дом, он нес коричневый портфель?

Это была правда. Я представил себе первое появление Эбера в поблескивающих очках и с портфелем под мышкой. Он взял его с собой в гостиную перед нашей первой беседой, но я не мог вспомнить, что произошло с ним потом.

— И что же? — сказал Огюст.

— А то, что, когда весь багаж сложили в коридоре и отсортировали, я увидел коричневый портфель и, естественно, подумал, что он принадлежит доктору, поэтому отнес его наверх вместе с его чемоданом. Я не связывал его с другим портфелем, когда вы спрашивали меня о нем, хотя помнил, что видел коричневый портфель. А уже после убийства, когда я заметил, что доктор Эбер все еще носит свой портфель, мне показалось это странным, так как все говорил, что он не поднимался наверх! Вспомнив ваши вопросы, я понял, что, очевидно, было два коричневых портфеля. Но какая разница? Ведь этот человек мертв...

— Вы не понимаете важности самого факта наличия двух портфелей, — сказал я, — как не могли понять важности двух чемоданов. Трудно сказать, в каком качестве вы проявили себя хуже — как лакей или как детектив. Вы имеете в виду, что портфель все время находился и находится до сих пор в комнате доктора Эбера?

— Полагаю, что да.

— Но, — вмешалась Эвелин, — разве Огюст не нашел бы его, когда обыскивал все комнаты?

— Нет, мадемуазель, — сказал сержант. — По приказу шефа я не должен был обыскивать его комнату, если найду доказательства где-нибудь еще.

Я собрался с духом:

— Слушайте, Огюст. Это мелочь, и вы должны ее сделать. В комнате Эбера, несомненно, находится улика, которая разоблачит Фламанд и отправит его на гильотину. Вы должны пойти туда и добыть ее. Заприте нас здесь и оставьте этого парня на страже с вашим оружием. Мы не сможем убежать. Господи, неужели вы не понимаете, как это важно?

Я быстро говорил по-английски, надеясь, что Жозеф не станет вмешиваться. Но если он и не понял моих слов, то, очевидно, понял их смысл.

— Вы с ума сошли, сержант Аллен! — воскликнул он. — Вам поручили охранять этого человека. Говорю вам, это трюк! Я не возьму на себя ответственность за его охрану. Неужели вы не понимаете, что он Фламанд? Думаете, я так глуп, чтобы остаться...

— Вы должны сделать выбор, Огюст, — настаивал я. — У вас есть шанс продемонстрировать свои способности, которые не желает признавать ваше начальство, поймать в одиночку настоящего Фламанд и получить от французского правительства заслуженную награду! Мы не просим об услуге — мы лишь просим детектива найти доказательство. Это ваша работа, и у вас есть шанс выполнить ее с блеском. Можете связать меня, посадить Жозефа мне на живот, даже всадить мне пулю в ногу, чтобы я не мог двигаться. Но ради самоуважения сделайте двадцать шагов и найдите Фламанд!

Тяжело вздохнув, Огюст шагнул назад и протянул Жозефу пистолет.

— Вы будете их охранять, — сказал он, — или я расквашу вам физиономию, понятно? Если вы боитесь, стойте снаружи и закройте дверь. Вот ключ. Я всегда подчинялся приказам, но этот приказ я нарушу.

В следующий момент он вытолкнул Жозефа наружу, дверь захлопнулась, и ключ повернулся в замке. Чувствуя, как мое сердце стучит о ребра, я пожалел, что Жозеф сначала не принес виски.

— По-твоему, шанс действительно есть? — спросила Эвелин.

— Если в портфеле то, что я думаю (а я даже не знаю, что это), — ответил я, глядя на дверь, — то ты спасена. Они не смогут ничего тебе сделать...

Меня прервали странные звуки. Эвелин плакала, съежившись на стуле; упавшая сигарета прожигала дырку в ковре, а ее руки так сильно прижались к скулам, что ногти порозовели. Она дрожала, и я чувствовал себя беспомощным, ощущая нежность, какой никогда не испытывал раньше, и проклиная себя за собственную глупость, втянувшую ее в эту передрагю. Все, что я мог сделать, — это обнять Эвелин, шептать ей слова утешения и всматриваться в тени, ища осязаемого врага, с которым можно сразаться.

— Наступи на с-сигарету, — запинаясь, вымолвила Эвелин. — Я... со мной все будет в порядке через секунду. Это... не то, что ты думаешь. П-просто все это... ужасно нелепо. Д-думаю, я бы так не волновалась, если бы действительно совершила убийство. Но они выставили дураками всех нас — даже Г. М. Если бы мы могли выбраться отсюда и доказать им...

— Здесь очень жарко — тебе необходим воздух. Подойди сюда — давай откроем окно.

Опустившись на колени на подоконном сиденье, мы распахнули створки и глубоко вдохнули свежий воздух. Мы молчали — говорить было не о чем. Эвелин была права. Если бы мы могли одержать над ними верх и поймать неуловимого Фламанд... но он был слишком ловок даже для Г. М., не говоря уж о таких, как я. У меня развилась личная ненависть к человеку, подложившему мне орудие убийства и завлекшего нас в западню.

Мы оба повернулись, услышав, как Жозеф тихо, но возбужденно говорит что-то за дверью. Ему ответил голос из галереи. Ни одного слова было невозможно разобрать. Потом послышались шаги, указывающие, что Жозеф отходит от двери.

Я подбежал к двери и дернул ручку.

— Огюст!

Ответа не последовало. Шаги продолжали удаляться.

— В чем дело, Жозеф? Вы нашли...

Шаги смолкли.

— Что, по-твоему, это означает? — прошептала Эвелин.

— Бог знает. Возможно, новые неприятности. Если бы он нашел нужное доказательство, то мог бы намекнуть на то, чего нам ждать...

Прошло десять минут, казавшихся нам бесконечными. За это время мы оба зажгли три сигареты и выбросили их недо-

куреными. В замке царила мертвая тишина — он казался покинутым. Одна из наших ламп уже догорала.

— Кен...

— Да?

— Я кое о чем подумала. Гаске сказал, что нижняя комната похожа на «галерею шепотов» и снаружи можно услышать все, что там говорят. Предположим, Фламанд мог подслушивать таким же образом и здесь? Что, если он слышал, о чем говорили ты, Огюст и Жозеф, и подстерег Огюста в комнате Эбера? Мы ведь не знаем, кто сейчас позвал Огюста...

— Да, я думал о том же. Нам нужно выбраться отсюда. Может быть, вытолкнуть ключ на кусочек бумаги снаружи и втащить его под дверь? Если Огюст попал в ловушку... Слушай!

На галерее раздались тяжелые, но быстрые шаги. Чьи-то руки стали поворачивать ключ. Дверь приоткрылась. На пороге стоял Г. М.

Это был один из тех немногих случаев, когда я лицезрел его деревянное лицо слегка побледневшим. Он тяжело дышал и, казалось, с трудом видел сквозь очки, а на лбу у него выступил пот.

— Слушайте внимательно, — заговорил Г. М., бросив взгляд через плечо. — Я не хочу никаких возражений и требую, чтобы вы выполнили мои приказания, иначе вы погубите всех нас. Не важно, как я сюда попал или что я делаю. Вы оба должны срочно выбраться отсюда.

— Но как...

— Слушайте меня! Сейчас все в задней части дома, не важно почему. Мост уже установили, и вы можете перебраться через реку. Как только окажетесь на другом берегу, поверните направо и футах в двадцати в ивняке найдете конюшню и гараж с открытой дверью. В гараже стоит автомобиль с полным баком. Садитесь в него, выезжайте по подъездной аллее на дорогу и мчитесь изо всех сил...

— Да, но что...

— Сколько раз мне повторять, чтобы вы делали все, что я скажу? Доверьтесь мне, иначе мы пропали. Вот ключ от машины. Когда приедете в Шартр, найдите британское консульство и оставайтесь там, пока не получите от меня известия. Это

долго не продлится. Не спорьте, говорю вам! Дайте мне две минуты, чтобы незаметно спуститься, и уходите.

Сейчас на галерее было темно. Г. М. изобразил на лице нечто вроде ободряющей усмешки и прикрыл дверь.

— Будь готова, — сказал я. — Г. М. знает, что говорит.

Побледневшая Эвелин кивнула.

— Если Г. М. ... если мы сможем их одурачить... — Она сжала кулаки. — На Г. М. можно положиться. Я не знаю его планов, но держу пари, что он выиграет партию. Теперь им нас не остановить!

— Уходим через минуту.

Эвелин закрыла окно и задула лампы. Я поцеловал ее, и мы оба шагнули на галерею.

По ковровой дорожке можно было ступать бесшумно. В нижнем коридоре горел свет, проникая наверх сквозь лестничную клетку. На ступеньках не было ковра, но они не были скрипучими. Я слышал учащенное дыхание Эвелин. Оказавшись на освещенном участке, мы посмотрели вниз. В коридоре первого этажа никого не было видно. Если мы спустимся к колоннам, отбрасывающим тени на покрытый красным ковром пол, то сможем без помех добраться до входной двери...

Спуск казался нескончаемым. Один раз Эвелин споткнулась, и мы застыли на площадке. Но нигде не слышалось ни звука. Наконец-то нижний коридор! Еще несколько шагов по ковро, и мы будем у двери...

— Мы сможем пуститься бегом, как только выйдем, — шепнула Эвелин.

И в этот момент в тишине послышался властный стук дверного молотка. Мы окаменели, словно он означал конец света. Послышался чей-то сердитый оклик, и дверь распахнулась. В дверном проеме, снимая шляпу и хлопая ею о дождевик, стоял настоящий Харви Драммонд.

Эхо еще не замерло, когда мы молча уставились друг на друга.

Рука со шляпой застыла в воздухе. Маленькие глазки блеснули, а массивное скуластое лицо человека, с которым мы столкнулись на дороге Леве, расплылось в злорадной улыбке.

— Выходит, я наконец добрался до вас, — прошипел он. — Я ждал всю ночь, чтобы войти и увидеть вас, мистер чайный импортер, он же Фламанд. Вы и опомниться не успеете, как ока-

жетесь в тюрьме. Полицейские здесь, но, прежде чем передать им вас, я намерен доставить себе удовольствие, превратив вашу физиономию в месиво. Понятно, мистер чайный импортер?

Это явилось кульминацией ночи, полной недоразумений и неудач. Все перенесенные мною унижения сконцентрировались в злобной ухмылке Драммонда. Я приветствовал его радостным криком, как вновь обретенного брата.

— Вот как? — отозвался я. — Тогда подойди, ублюдок, и посмотри, чего стоит твоя похвальба!

При обычных обстоятельствах я бы, вероятно, не выстоял в схватке с ним и двух минут. Но Драммонд так же обезумел от ярости, как и я, и, по-видимому, забыл все, чему его учили. Даже не прикрывшись рукой, он рванулся вперед, пытаясь ухватить меня за воротник. Я быстро шагнул назад и изо всех сил нанес ему удар прямо в рот.

Это было все равно что ударить кулаком ступку. Но тем не менее ступка треснула, и я увидел кровь из выбитого зуба, перед тем как кулак противника угодил мне между глазом и скулой. Лицо Драммонда размножилось у меня перед глазами, пустившись в беззвучную пляску, хотя рот, казалось, что-то кричал. Я даже не пытался защититься — меня обуревало единственное желание убить его. Дважды ударив Драммонда правой и левой рукой, я почувствовал удар в живот, словно поднявший меня в воздух...

Драммонд продолжал плясать передо мной, и колонны плясали вместе с ним. Из носа у него текла кровь. Правый кулак огрел меня по уху, на миг полностью лишив слуха. Я двинул его в челюсть, наши ноги сплелись, и мы ударились о колонну. Что происходило потом и как долго это продолжалось, я толком не помню. Знаю лишь, что великий Харви Драммонд размахивал руками, как слепой, а я продолжал колотить его, несмотря на боль.

Внезапно коридор наполнился людьми, бегущими ко мне, и Драммонд смешался с ними. Кто-то заломил мне руки за спину. Сквозь кровь, заливающую мне глаза, я увидел, как Драммонд сделал несколько неуверенных шагов, словно пьяный, и рухнул на колени. Шум и крики перекрыл голос Фаулера:

— Мерривейл, старый дурень, вы не на того надели наручники!

Драммонд склонился вперед, как будто молясь. С безумным выражением окровавленного лица он поднял руки, скованные цепью, тщетно пытаясь ее порвать.

— Нет, сынок, — ответил голос Г. М. — Наручники находятся там, где надо, что может подтвердить старина Гаске, — на запястьях Фламанда.

Глава 19

ТРОЙНОЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

— Значит, наше «бегство», — спросил я, — было спланировано вами и месье д'Андрье (простите, что придерживаюсь этого имени) с целью заставить Фламанда перехватить нас?

— Угу. Мы знали, что он это сделает.

— А тип, остановивший нас на дороге Леве, был не настоящим Харви Драммондом, а Фламандом? В открытом бою он не так уж силен...

— Зато он в десять раз опаснее любого силача — пусть это вас утешит, мистер Блейк, — весело отозвался д'Андрье. — Мы очень боялись, что он окажется вооружен... Дело в том, что настоящий Харви Драммонд мертв — так говорит сэр Генри, и я ему верю. Но вы вскоре услышите все детали. А сейчас — завтрак.

Было семь утра. Солнечный свет согревал промокший Орлеаннуа, разгоняя последние облака над Шато де Л'Иль. Д'Андрье настоял, чтобы мы с помпой позавтракали на балконе задней стены, обращенной к полноводной реке. Стол накрыли на одиннадцать персон, так как Эвелин потребовала присутствия Огюста Аллена. Глядя на этих людей при утреннем солнце, было трудно поверить, что всего несколько часов назад мы приписывали мотивы убийства каждому из них по очереди, особенно Хейуорду, который, сияя под стеклами очков на чисто выбритом лице, снова говорил тоном оракула. Во главе стола сидел Гаске, безукоризненно вежливый, щеголеватый, несмотря на темный костюм, и с цветком в петлице. Напротив восседала Эльза в голубом, «ибо мадам, — как указал Гаске, — хозяйка дома, даже если она этого не знает». Миддлтон возбужденно излагал теории несколько смущенному, но столь же возбуж-

денному Фаулеру, получившему в итоге материал для сенсационной статьи. Рэмсдэн, как всегда самоуверенный, дружелюбно обсуждал ситуацию со мной и Эвелин, как будто прошлой ночью не обвинял меня в убийстве. Даже доктор Эбер, который опытной рукой отремонтировал мою физиономию, сопроводив свои манипуляции толикой нравоучений, кисло улыбался и передавал другим предметы, которые те не просили. За столом царил праздничный дух, подчеркнутый тем, что все наконец привели себя в порядок. Исключение составлял Г. М., который не побрился и не сменил воротничок, но выглядел как китайский идол после сытного обеда, сидя рядом с д'Андре с сигарой во рту и бутылкой виски перед собой.

Длинный стол был уставлен серебром и фарфором, хотя ассортимент провизии ограничивался яйцами и беконом. Внизу поблескивала река. Д'Андре излучал радушие, как и вчера вечером.

— Думаю, — сказал он, — накопившиеся загадки следует объяснить в присутствии всех. Во-первых, чтобы воздать справедливость неправомерно обвиненным мисс Чейн и мистеру Блейку, а во-вторых, чтобы продемонстрировать, что Гастон Гаске не так упрям, как иногда кажется. Признаю открыто, что до начала пятого утра у меня оставались сомнения, а окончательно меня удалось убедить только в пять. Поскольку моя реконструкция убийства оказалась неверной, я скромно удаляюсь. А так как мы поймали Фламанд и он сейчас под стражей, скажу по секрету, что мне наплевать, прав я был или нет. Логика торжествует. А вся слава, как я заявляю публично, принадлежит моему другу Мерривейлу...

Г. М. казался встревоженным.

— Нет! — рявкнул он. — Если вы собираетесь принести себя в жертву, то сделайте одну вещь. Забудьте, что я принимал в этом участие. Никогда не упоминайте мое имя в связи с этим делом. Только вы поймали Фламанд, и не позволяйте никому об этом забыть. Если станет известно, что меня едва не отправили в Париж в наручниках, как отца очаровательной международной шпионки... — он подмигнул Эвелин, — и сообщника Фламанд, моя жизнь в Лондоне превратится в кошмар и я даже не смогу показать нос в клубе «Диоген». Договорились? — Он посмотрел на Фаулера. — Отчет, который вы готовите...

— Я напишу, — сказал Фаулер, — что Фламанд был пойман Гаске и его верным оруженосцем сержантом Алленом при условии, что вы расскажете нам, что произошло в действительности и как вы об этом узнали.

На сей раз Г. М. не стал демонстрировать слоновью застенчивость в ответ на просьбу поведать подробности. Некоторое время он попыхивал сигарой, глядя через балюстраду.

— Угу. Ладно. Конечно, реконструкция будет несовершенной, пока мы не сможем связаться с Марселем и удостовериться в паре вещей. К тому же Фламанд едва ли заговорит. Он заявляет, что выйдет из тюрьмы через два дня. Знаете, я почти опасаюсь, что ему это удастся! Как бы то ни было, я постараюсь заполнить пробелы догадками и держу пари, что они окажутся недалеко от истины.

Это дело, ребята, было самым странным из всех, с какими я когда-либо сталкивался. Я не имею в виду, что оно самое трудное или даже самое замысловатое, но, безусловно, самое странное. Его можно назвать проблемой тройного перевоплощения. Вы наверняка слышали о делах, где фигурируют два человека, похожие друг на друга, но это единственный известный мне случай, где похожими оказываются трое. Из-за подобной мелочи абсолютно простая серия событий стала настолько запутанной, что все участники выглядели чокнутыми.

Мы начнем не с самого начала — я вернусь к нему, — а с того момента, когда у меня впервые мелькнула смутная догадка о том, что может здесь таиться. Это произошло вчера вечером в гостинице, когда туда вошел человек, представившийся Харви Драммондом, — еще один самозванец, находившийся в злополучном самолете.

Зная то, что рассказал мне Кен о происшедшем на дороге Лева, я встрепнулся. Два Драммонда — два человека, которые в течение часа выдавали себя за одно и то же лицо! (Теперь мы знаем, что оба были самозванцами, но тогда у меня всего лишь закружилась голова.) Глядя на этого парня, я мог поклясться, что он не Харви Драммонд! Он играл роль — походка была не та, да и все свидетельствовало, что человек, обладающий высоким интеллектом, копирует манеры Драммонда...

— Я это заметил, — сказал я.

— Угу. Ну, если он не был Драммондом, то кем он был? Я решил притвориться, что верю ему, и постараться выяснить, какую он ведет игру. Потом я получил первый смутный намек. Когда Кен рассказывал о встрече с этим парнем на дороге, мнимый Драммонд вел себя очень странно для самозванца, которого могут разоблачить в любую минуту, к примеру не проявлял никаких эмоций, которых можно было ожидать даже от хорошего актера, считающего, что он выйдет сухим из воды с его самозванством. Он казался всего лишь возбужденным и заинтересованным и с любопытством смотрел на Кена, а потом спросил: «Вы сказали, кто-то выдавал себя за меня?» — «Не совсем, — ответил Кен. — Он не назвал своего имени». — «А где он теперь?» — чересчур резко осведомился Лже-Драммонд. Его тон не показался мне похожим на тон самозванца, опасющегося разоблачения. Скорее, это был голос человека, желающего встретиться со своим двойником, но опасющегося, что это ему не удастся. Я был очень заинтригован. Потому вмешался и дал понять, что другой парень, вероятно, направляется сюда, чтобы причинить неприятности, и скоро будет здесь. Но это не беспокоило его, а произвело прямо противоположный эффект. Пока я ломал себе голову, наш любезный хозяин заявил, что в этом нужно разобраться. Кена загнали в угол несколькими быстрыми вопросами и попросили предъявить авторучку, которую он позаимствовал у якобы настоящего Драммонда.

Кен протянул этому парню авторучку. Что же произошло? Как только тот увидел ее, то побледнел и его пальцы задрожали. Означало ли это, что он выглядел виновным? Мнимый Драммонд сохранял хладнокровие, даже когда мы ему не верили. Конечно, он мог запаниковать при виде авторучки, но в реальной жизни люди не бледнеют и не кричат, сталкиваясь с уличающим их доказательством, а борются жестко и хладнокровно. Бледнеют они, когда видят нечто подтверждающее то, чего они опасались раньше. Почему же этот парень так себя повел при виде ручки?

Суть дела заключалась в следующем: имело его самозванство благую или дурную цель? Подумав, я решил, что происходящее похоже на невинное самозванство. Конечно, это была всего лишь догадка, которую следовало проверить. Даже если

самозванство невинное, кто этот парень? Черт возьми, подумал я, ведь он похож на Харви Драммонда, как родной брат...

Брат! Я вздрогнул при этой мысли. Мог ли наш знакомец оказаться Гилбертом Драммондом, который считался убитым в Марселе? (Помните, что я все еще оперировал смутными непроверенными догадками.) Я никогда не встречал подлинного Гилберта Драммонда. Возможно ли, чтобы с помощью усов (явно фальшивых) и ватной подкладки в костюме Гилберт сошел за Харви? Если так, то где настоящий Харви? И кого убили в Марселе?

Мы находились на весьма спорной, если вовсе не на мифической почве. Существовала сильная вероятность, что я гонюсь за тенью и что этот человек может быть Фламандом. Поэтому я применил два теста. Тест номер один: я заявил, что он Гаске, и он признал это.

Миддлтон потянул себя за верхнюю губу.

— Таким образом, — сказал он, — убедив всех подозрительно настроенных, что он действительно Фламанд?

— Напротив, сынок. Это убедило меня, что он не может быть Фламандом и вообще мошенником. Фламанд знал, что Гаске должен здесь присутствовать, — возможно, даже догадывался, под какой личиной. Поэтому, если бы он объявил себя Гаске, вся игра была бы проиграна. Любой мошенник, играющий роль, — я имею в виду его первую роль Харви Драммонда, — придерживался бы ее до конца, а не стал бы перевоплощаться в другого персонажа в середине пьесы. Тем более что остальные больше сомневались в словах Кена, чем в его... Следовательно, зачем этому человеку заявлять с иронической усмешкой, словно наслаждаясь шуткой, что он Гаске?

— А вы не подумали, сэр, — спросил Фаулер, — что это могло произойти по той странной причине, что он действительно Гаске?

— Я был уверен, что это не так, — невозмутимо отозвался Г. М. — Мой второй тест это подтвердил. Я дал ему серную спичку.

— Не понимаю, — сказал Хейуорд.

— Естественно. Не многие американцы и англичане это бы поняли. Зато любой француз понял бы сразу. Серная спичка, ребята, дьявольская штука, присущая Франции. Смотрите,

вот одна из них. Для нас она выглядит как обычная большая спичка. Вы чиркаете и сразу же подносите ее к сигаре, а когда затягиваетесь, сернистая волна попадает вам в горло и едва вас не душит. Чтобы избежать этого, нужно подождать пару секунд, пока сера не выгорит, а потом зажечь сигару. Любой француз это знает и поступает так инстинктивно. А если вы видите, как кто-то зажигает такую спичку и втягивает серу в горло, можете прозакладывать последнюю рубашку, что он не француз... Когда я дал этому парню серную спичку, он задохнулся. Значит, он не был ни Гаске, ни вообще французом. Это подтверждало мои подозрения, что он мог быть англичанином и Гилбертом Драммондом.

Зачем притворяться Гаске, когда его могут разоблачить, если появится настоящий Гаске? Мне пришел в голову ответ: он не возражает, чтобы его разоблачили. Причуда назваться Гаске щекотала какой-то сатирический нерв — ведь он действительно совершал миссию мести и действительно знал, кто такой Фламанд. Это не было притворством — он был уверен, что знает Фламанд. Почему? Знал ли он это все время, или ему подали какой-то намек рассказ Кена и авторучка? Инцидент с авторучкой становился все более значительным. А что случилось потом? Мы сказали ему: «Если вы Гаске, покажите нам Фламанд». И он ответил с яростью, к которой примешивался триумф: «Да, я покажу вам Фламанд, но не сейчас, а вскоре». Почему же не сейчас, если кота выпустили из мешка? Зачем давать Фламанду шанс спастись? Другие его слова также наводили на размышления: «Мои люди скоро будут здесь, и они доставят арестованного в Париж». Казалось, все зависит от чьего-то прибытия. Чьего же? Никаких «людей» у него не могло быть — он не был Гаске и не имел никаких полномочий. Не ждал ли он прибытия в замок своего двойника, прежде чем ловушка захлопнется? «Предположим, — сказал я себе, — этот парень — Гилберт Драммонд, а в Марселе убили Харви. Предположим, Гилберт занял место брата, чтобы найти и поймать убийцу, так как тот убил Харви и украл его документы с целью занять его место». Но так как это снова была догадка, мне пришлось ждать.

Теперь вы понимаете, почему я не подозревал, что этому парню грозит опасность. Я думал, что убийца — Фламанд —

еще не прибыл в замок. В действительности он все время тайно находился здесь, но мы этого не знали. Гилберт (будем называть его настоящим именем, чтобы не запутаться) ждал, что убийца появится в роли Драммонда. Наверху у него были документы, доказывающие, что он Гилберт, что Харви мертв и что в его гибели виновен Фламанд. Но Гилберт не знал, что дамба разрушена, а когда Фламанд тайком проник в замок, он не знал, что ее разрушат.

Однако я забегаю вперед. Обо всем этом я еще не догадывался, а просто сидел и думал. Вскоре мы нашли беднягу убитым. Господи, для меня весь мир перевернулся вверх ногами! «Сынок, — сказал я себе, — ты снова витал в облаках — твои догадки не подтвердились. Ты был не прав, так как дамба снесена и никто не мог сюда пробраться. Забудь свои нелепые идеи». Вот почему я вел себя так дико, когда произошло убийство и после того, как нам в темноте подбросили издевательскую записку.

Тогда я начал по-новому располагать фрагменты картинка-загадки. Лучшим способом это сделать было уяснить последовательность событий. Что происходило после того, как мнимый Гаске (кто бы он ни был) поднялся наверх? Как вы помните, он поднялся на несколько минут раньше остальных. Что произошло в промежутке? Он вышел в коридор, поговорил с Огюстом (как я выяснил, по-английски) и спросил, куда отнесли его багаж. Огюст показал ему его комнату. Там он увидел два чемодана и обнаружил, что портфель исчез. (Теперь нам известно, что его по ошибке отнесли в комнату Эбера, но бедолага этого не знал.) Он отправил Огюста вниз на поиски. Пока Огюст искал портфель, никто не видел этого парня. Потом Огюст поднялся на второй этаж... и увидел, как он выходит из комнаты Хейуорда.

Огюст снова спустился, а остальные поднялись в свои комнаты. Огюст собирается посмотреть, не остался ли портфель в самолете, но Жозе и Луи уже разрушили дамбу. Огюст поднимается в комнату Гилберта и сообщает, что дамбу снесло. Гилберта это приводит в ярость. Огюст идет в комнаты д'Андрье и наблюдает за задними окнами мнимого Гаске, покуда д'Андрье наблюдает за дверью. Правильно?

— Правильно, — согласился д'Андрье. — Добавлю, что при этом я не видел никого входящего в бельевую, что сильно все запутало.

— Еще бы! Но продолжим. Вы, Фаулер, наблюдая с другой стороны коридора, не видели никого проскользнувшего в бельевую. А что видели остальные? Огюст видел, как фальшивый Гаске выбрасывает свой багаж в окно.

Ребята, хотя все предприятие окружено ореолом безумия, одного этого эпизода было бы достаточно, чтобы сойти с ума. Зачем невинному человеку вытворять подобное? Огюст слышал, как он произнес трагическим тоном: «Украли!» Это делает все еще безумнее. Допустим, «Гаске» что-то потерял, не нашел это в своих чемоданах или обнаружил, что это не его чемоданы. При любом объяснении сама мысль, что человек, обнаружив потерю, впадает в такое состояние, что вышвыривает в окно всю свою одежду, кажется невероятной.

Но тут я вспомнил один многозначительный факт. Парень, который выдал себя за Гаске, и человек, который остановил Кена и Эвелин на дороге, выглядят почти одинаково. Это ударило меня, как молоток. «Предположим, — подумал я, — снова исключительно в качестве гипотезы, — что моя первая теория все-таки была правильной. Предположим, что человек на дороге был Фламандом, что он последовал сюда за Кеном, увидел, что происходит, и понял, что фальшивый Гаске — это Гилберт Драммонд, который приехал с целью разоблачить его... Ну, точные мотивы еще невозможно установить, но предположим, что Фламанд в замке. Что, если человек, выбрасывавший чемоданы в окно, — Фламанд, который занял место первого самозванца? Тогда причина избавления от чемоданов становится очевидной. Ни одной вещи с меткой «Гилберт Драммонд» не должно оставаться в замке. Но, выбрасывая вещи в реку, Фламанд видит Огюста, наблюдающего за ним из другого окна. Вынужденный срочно изобрести предлог для своего эксцентричного поведения, он кричит: «Украли!» — между прочим, единственный раз, когда его слышали говорящим по-французски.

Поддерживает ли что-нибудь эту гипотезу? Я вспомнил о портативной пишущей машинке Фаулера. Из-за этой машинки было немало суеты и споров. Все вращалось вокруг вопроса, у кого имелась возможность украсть ее. Вы все начали обвинять друг друга на очень хлипких основаниях. Никому не пришло в голову спросить: у кого именно была возможность украсть машинку незаметно? Вспомнив ситуацию, вы получите очевид-

ный ответ: у человека, который поднялся на второй этаж раньше остальных и оставался там наедине со всем багажом.

Я все сильнее убеждался, что произошла подмена. Один человек — мнимый Гаске, которого мы определили как англичанина, знающего личность Фламанд, — поднимается вверх. Через четверть часа он становится другим человеком. Когда же именно была осуществлена подмена? Давайте подумаем!

Он остался наверху один, когда Огюст спустился искать его портфель. Мы можем сделать вывод, что Огюста отправил на поиски первый мнимый Гаске, так как Огюст был с ним с тех пор, как он покинул нас в гостиной... Что же увидел Огюст, поднявшись снова? Он увидел мнимого Гаске, выходящего из комнаты Хейуорда.

Тут есть о чем подумать. Независимо от того, был ли этот человек «оригиналом» или подменой, что ему понадобилось в комнате Хейуорда? Что мы обнаружили позднее в этой комнате? Ничего, кроме пятен грязи на подоконнике, через который кто-то туда влез...

И тут я понял. Предположим, он влез в комнату именно тогда. Значит, до того он был на плоской крыше. Почему? Туманная картина начинала приобретать четкие очертания.

Фламанд находится в замке. Покуда слуги (прошу прощения, детективы) заняты разрушением дамбы, он стоит за дверью гостиной и слышит последнюю часть нашего разговора — о превращении «Харви Драммонда» в «Гаске» — благодаря акустике типа «галереи шепотов». Фламанд понимает, что не сможет явиться в дом в роли Харви Драммонда, как намеревался с самого начала, если не заставит замолчать человека, который его опередил. Когда наша группа в гостиной собирается расходиться, он быстро ускользает и, как я подозреваю, прячется в оконной нише за гобеленом, покуда Огюст и его Немезида поднимаются по лестнице.

Гилберт, отправив Огюста вниз за своим «дипломатом», пребывает в страшной тревоге. Все доказательства того, что он в действительности Гилберт Драммонд, находятся в исчезнувшем портфеле. Если он потерян или украден, ему грозят серьезные неприятности. Обуреваемый нетерпением узнать, что делает Огюст, он начинает спускаться. Огюст находится в задней части дома, все остальные в гостиной, и Фламанд — слу-

чайно или намеренно — выходит из-за гобелена, столкнувшись лицом к лицу с Гилбертом Драммондом.

Фламанду приходится действовать быстро и бесшумно. Думая, он оглушил свою жертву рукояткой «гуманного убийцы», втащил его за гобелен, приставил дуло к его голове и нажал на спуск.

После избавления от врага образ действий абсолютно ясен. Фламанд оставляет тело за гобеленом, быстро поднимается в комнату Гилберта и уничтожает все доказательства личности последнего, какие может найти. Если его кто-нибудь увидит — за исключением Эвелин и Кена, которые хорошо разглядели его на дороге, — это не имеет значения. Любой, естественно, подумает, что это первый мнимый Гаске. Уничтожив доказательства, он выскользнет из дома, а потом явится снова в качестве подлинного Харви Драммонда, на которого напали на дороге, — это будет втрое безопаснее, так как Кен практически признал в присутствии всех, что он был настоящим Драммондом. Фламанд окажется в замке, готовый ограбить Рэмсдена. Никто в мире не заподозрит Фламанда в убийстве, так как мошенника тогда якобы не было в доме, а личность Харви безмолвно подтверждена...

Итак, Фламанд убивает Гилберта за гобеленом... и слышит шаги на лестнице! Это поднимается Огюст. Если он выйдет из-за гобелена, объяснив, что хотел полюбоваться им изнутри, это может вызвать подозрения. Поэтому Фламанд вылезает в окно, перебирается на карниз, выбирает наугад комнату Хейурда, взлезает в нее через окно... и, выходя в коридор, сталкивается с Огюстом.

— И все это время тело Гилберта Драммонда лежало за гобеленом? — спросил Миддлтон.

— Угу. А если вы используете ваши мозги еще несколько секунд, то увидите доказательство, — отозвался Г. М.

Глава 20

ПРАВДА

— Чтобы понять положение, в котором оказался Фламанд, — продолжал Г. М., — давайте рассмотрим дело с самого начала и разберемся в намерениях Фламанда. Здесь нам

снова придется пользоваться намеками, но разобраться в них не составит труда.

Фламанд находился в Марселе. Его первоначальный план был очевиден. Он собирался попасть на самолет в роли Харви Драммонда. Мы не знаем, как он разузнал о личностях двух британских агентов, — при всем уважении к вам, дружище Гаске, подозреваю, что тут не обошлось без утки из полицейского департамента. Или можете прибегнуть к более благоприятному объяснению — скажем, Фламанд не знал, что Драммонд секретный агент, а всего лишь увидел его в отеле, обратил внимание на их сходство, выяснил, что Драммонд заказал билет на самолет, в котором он сам собирался лететь, и решил убить его и выдать себя за него.

— Если не возражаете, мы примем второе объяснение, — быстро сказал д'Андре. — Бумаги в портфеле Гилберта Драммонда и заявление, которое он написал на случай, если с ним что-нибудь произойдет...

— Угу. Тут мы можем руководствоваться фактами. Заявление, которые мы обнаружили этим утром, обнаружив портфель в комнате Эбера, объясняет убийство в Марселе.

Харви Драммонд, как и мисс Чейн, получил инструкции несколько дней назад. Необходимость подчиняться вслепую приводила его в ярость. Он хотел знать, что происходит. Ему предписывалось вечером 5 мая встретиться с мисс Чейн в кафе «Лемуан» и отправиться вместе с ней в гостиницу за Орлеаном, где вначале собирались устроить западню. Правильно?

— Да, — ответил наш хозяин. — Все изменила моя встреча с моим добрым другом д'Андре.

— Согласно заявлению Гилберта, Харви знал, что частью его миссии является охрана Рэмсдена и что Рэмсден должен быть в Марселе 3 и 4 мая. Поэтому Харви решает наплевать на инструкции, отправиться тайком в Марсель и выяснить, что там происходит. Кстати, поэтому его не могли разыскать, когда миссию отменили, — никто не знал, где он.

В Марселе Харви встречает своего брата Гилберта, который проводит там отпуск. Они остановились в разных отелях, поэтому никто из них не знал о присутствии в городе брата. Харви рассказывает о происходящем Гилберту, но не может

ни в чем разобраться, пока 4 мая кто-то не публикует в газете нескромную догадку относительно единорога...

— Вы имеете в виду меня, — сказал Фаулер. — Вот почему я был в Марселе и почему следовал за вами, сэр Джордж. Как видите, я открыто это признаю.

— Разумеется, я говорю о вас... Да-да, Кен, через минуту мы перейдем к единорогу. Итак, Харви начинает догадываться, решает незаметно держаться поближе к Рэмсдену и действовать как настоящий охранник. Его брат Гилберт, который собирается возвращаться в Лондон, уже заказал место на вечернем самолете. Харви делает то же самое.

Тем временем Фламанд готовится убить Харви и занять его место. Но он ничего не знает о его брате — возможно, никогда не видел Гилберта и не слышал о нем. Начинается путаница, в результате которой все пошло наперекосяк. Когда, как сообщает Гилберт, Харви убили в парке, произошло нечто, о чем мы бы никогда не догадались, не располагая заявлением Гилберта. Харви примчался в Марсель практически без багажа — он одолжил у Гилберта комплект одежды с метками портного.

Вечером 4-го числа Фламанд подстерегает его в парке, вероятно, весело сообщает ему о своих намерениях, а когда Харви пытается сопротивляться, наносит ему в драке ряд увечий и приканчивает его «гуманным убийцей». Потом он удаляет с тела все, принадлежащее Харви, — документы, служебное удостоверение, даже инструкции, — и думает, что теперь труп невозможно идентифицировать.

Попытаемся, руководствуясь тем, что мы знаем, реконструировать ход мыслей Фламанд. Перед ним британский агент с инструкциями охранять то, за чем охотится Фламанд. Инструкции предписывают Драммонду находиться в Париже, встретиться с другим агентом, Эвелин Чейн, на террасе «Лемуана» в половине девятого вечера в пятницу, отправиться вместе с ней в гостиницу и т. д. — мне незачем повторять все это, — куда также прибудет сэр Джордж Рэмсден. «Что все это означает? — думает Фламанд. — Трюк или какой-то план? Почему Рэмсден должен ехать туда, когда, насколько мне известно, он собирается в Париж?»

Должно быть, он испытал еще большую встряску, когда следующим утром прочитал в газете, что мертвеца опознали по

меткам на одежде как Гилберта Драммонда. Господи, неужели он убил не того, кого надо? Кто такой Гилберт Драммонд? Харви упомянут в качестве его брата. Два брата... В статье упомянуто название отеля, где остановился Гилберт. Фламанд может позвонить туда и разузнать все о нем. Возможно, Гилберт летит в Париж тем же самолетом. Если так, все пропало. Фламанд не может свалить свое самозванство на брата покойного. Но кто же убит — Харви или Гилберт? Очевидно, Харви в костюме брата. По телефону он узнает, что оба брата заказали места в одном самолете. Значит, в любом случае игра проиграна. Он не может лететь этим самолетом в качестве Харви Драммонда.

Естественно, если Гилберт узнает об убийстве, он тут же обратится к властям и скажет: «Ребята, я жив — убит мой брат». Тогда Гилберт может отказаться от полета, но это ничего не изменит. Новость распространится, и, если «мертвец» сядет на самолет, игра будет кончена, прежде чем самолет взлетит.

Но у него остается шанс. В тот день есть более ранний авиарейс из Марселя в Париж — об этом даже упоминалось в газетах, — и если он вылетит им, то будет в Париже во второй половине дня, сможет следовать инструкциям, данным Харви Драммонду, и быть в «Лемуане» к половине девятого для встречи с другим агентом. Конечно, все получится только в том случае, если агенты не знают друг друга, но это его единственный выход. Ему известно, что рано или поздно они должны встретиться с Рэмсденом, и тогда можно будет организовать подмену...

Но что тем временем происходит с настоящим Гилбертом? Нам незачем строить догадки — мы знаем это из его заявления. Он тоже поражен сообщением, что его считают мертвым, но, так как отнюдь не является самым большим дураком в Лондоне, понимает, что произошло. Харви подстерег и убил человек, который, согласно газетному источнику, угрожал появиться на борту самолета, — значит, там готовятся какие-то неприятности. Очевидно, убийца ничего не знает о нем, Гилберте. Что же ему делать? Есть два пути. Он может пойти в полицию и объяснить, что произошла путаница. Да, но пока он будет доказывать, кем является, самолет взлетит без него, и план убийцы, каков бы он ни был, осуществится согласно графику. Что, если выдать себя за Харви и нанести удар убийце брата? Полицию по-

свящать нельзя, иначе возникнет задержка, которая погубит весь замысел, но этот трюк имеет одно колоссальное преимущество. Предположим, убийца собирается выдать себя за Харви Драммонда и два Харви Драммонда появятся в аэропорту. «Что это значит, джентльмены?» — спросят чиновники. «Это самозванство, — ответит Гилберт. — Поместите нас обоих под стражу, пока кто-то из нас не сможет доказать подлинность своей личности». Как бы то ни было, Гилберт сделал это.

Между прочим, — усмехнулся Г. М., — вы должны были это заметить. Разве в письме от Гаске к Гаске, которое наш друг написал сам себе, не фигурировал список пассажиров и не упоминалось, что «месье» — то есть господа — Драммонды заказали места на этот рейс? Снова два Драммонда — Гилберт и Харви. Что же произошло с другим и как случилось, что Харви ничего не знал о смерти брата или делал вид, что не знает?

Но давайте повернем нашу камеру и посмотрим на то, что делает Фламанд. Один раз ему уже не повезло, и его ожидала новая неудача. Фламанд, изображая Харви Драммонда, явился в полицейский комиссариат в Париже, предъявил удостоверение Харви, позаимствовал полицейскую форму и стал ждать, что произойдет в «Лемуане» в половине девятого. В назначенное время там появляется Эвелин, подходит к Кену и делает ошибку (хотя помоги ей Бог, если бы она выбрала другого парня!), декламируя условленный стишок о Льве и Единороге. У Фламанда волосы встают дыбом. Что это значит? Новый план и новые агенты? Он не осмеливается вмешаться, не разобравшись. Теперь ему приходится держаться в стороне. Что же делать? Ну, он заручился сотрудничеством полиции. Предположим, он последует за двумя агентами, остановит их на законном основании и узнает, кто они, куда направляются и в чем состоит игра. Потом он предъявит им обвинение и отправит их в кутузку на ночь, невзирая на протесты, а сам явится на условленную встречу, как подлинный секретный агент, после чего исчезнет, выполнив работу за несколько часов.

Вы знаете, что произошло. Фламанд получил взбучку, и птички упорхнули. Он был в ярости, но не собирался сдаваться. Кен и Эвелин украли удостоверение, похищенное им ранее, и он решил следовать за ними, даже если придется идти пеш-

ком. Думаю, Фламанд послал двоих ставших бесполезными полицейских в обратную сторону и отправился в путь. При нем был собственный коричневый чемодан с «гуманным убийцей» в тайнике на случай, если его понадобится использовать вновь... Но что он увидел, перебравшись через холм? Снижающийся самолет. Многие странности неожиданно объяснились сами собой.

Теперь Фламанд знал, что приготовлена западня. Его самого собирались заманить в этот дом. Вопрос: находится ли Гилберт Драммонд на борту самолета? Если да, то Фламанду придется проникнуть в дом тайно, так как он не может выдавать себя за Харви в присутствии Гилберта. Фламанд подходит ближе и видит впереди на дороге два увязших автомобиля, с которыми он уже сталкивался. Люди покинули их, — очевидно, теперь они вместе с пассажирами самолета. Фламанд кладет свой коричневый чемодан в багажник одного из автомобилей, чтобы избавиться от него, пока он подберется ближе и осмотрится. Теперь вспомните. У самолета оставались трое — Эбер, Фаулер и Гилберт Драммонд. Фламанд подкрадывается к ним в темноте и, несомненно, слышит, как о нем говорят. К тому же самолет освещен, и Фламанд видит человека, который выглядит точь-в-точь как он сам.

В чем же дело? Что это за дьявольский трюк? Ведь он уверен, что Харви мертв. Но Фламанд понимает преимущества ситуации. Теперь он может войти в дом и спрятаться, пока не представится шанс нанести удар. Если кто-нибудь его увидит, то примет за другого парня — важно только, чтобы их не видели вместе. Фламанд приходит в замок и прячется в одной из свободных комнат внизу. Позже приходит Гилберт Драммонд, но слуги в суматохе наверняка подумали, что пришедший первым вышел и вернулся.

Гилберт Драммонд был пойман на лжи и притворился, что он Гаске. Должно быть, Фламанд пел от радости. Его враг сам идет к нему в руки. Если он сумеет убить Гилберта, то, поскольку полиции он известен как Харви Драммонд, он сможет явиться в дом открыто, притворившись, будто только что прибыл, и делать все, что хочет.

Я уже говорил, что сделал Фламанд. Он убил Гилберта и оставил тело за гобеленом. Теперь нужно было уничтожить

все доказательства, какие могли иметься у Гилберта, выйти из дома и вернуться...

— Но как же... — начал Хейуорд и оборвал фразу. — Понял! Когда Фламанд вернулся в комнату Гилберта и приготовился выбрасывать чемоданы в окно...

— Угу. Фламанд узнал, что дамба разрушена и он заперт в доме.

Последовала пауза.

— Неудивительно, что Фламанд растерялся, — снова заговорил Г. М. — Ведь весь план был основан на его уходе из замка и последующем возвращении. А притвориться пришедшим только что он никак не мог. К тому же в любой момент могли обнаружить тело за гобеленом. В любой момент кто-то мог подняться и спросить, почему он не спускается для разговора с Рэмсденом и мною. И хотя на расстоянии Фламанд достаточно походил на парня, которого мы видели внизу, изображать его он не мог — особенно перед Эвелин и Кеном.

Остается одно — спрятаться, пока кто-нибудь не нашел в этой комнате его, а также труп за гобеленом. Если ему удастся скрываться, покуда он не найдет способ выбраться с острова, остальные будут считать, что убийца — один из них.

Фламанд уже отпечатал записку, которую собирался оставить на видном месте, чтобы поддержать иллюзию. Есть ли из его комнаты выход, помимо двери на галерею? Он ищет и находит маленькую дверь, ведущую в бельевую. Неплохая идея! Фламанд прячет там пишущую машинку и осматривается. Рубильник! Несомненно, им отключают свет на галерее, а может, и внизу. Если отключить весь свет и пробраться в одну из нижних комнат...

Но сначала нужно избавиться от доказательств. Фламанд выглядывает в окно и видит электрический свет в окне Огюста на расстоянии нескольких ярдов. Если пойти в бельевую, отключить свет и выбросить багаж... Но его видел Огюст. Фламанд кричит «Украли!» и выбрасывает чемоданы. Он боится, что, когда обнаружат жертву, собравшиеся догадаются, что в доме видели ее двойника — убийцу.

Фламанд берет адвокатскую папку Гилберта Драммонда, в которой не хранилось ничего существенного, но которая придавала ему деловой вид. Собравшись с духом, он открывает

дверь на галерею и выглядывает наружи. Свет внизу продолжает гореть. Как же ему незаметно добраться до лестницы и спуститься вниз? Кто-то — я — идет по нижнему коридору. Внезапно Фламанд в панике осознает, что дверь с другой стороны открыта и там стоит Фаулер, который видел его... Господи, приближается кто-то еще! Это мадам Эльза, но Фламанд думает, что это Эвелин. Обе носят белые платья, обе темноволосые, и у обеих сходные фигуры, изобилующие округлостями. Теперь он в ловушке!

Но из этой катастрофической ситуации, друзья мои, Фламанд находит единственно возможный выход. Он создает видимость того, что убийство произошло только сейчас. Практически на глазах свидетелей Фламанд подходит к лестнице, кричит, подносит руки к голове и падает вниз, сунув папку в карман. Оказавшись на площадке, где его нельзя было увидеть сверху, он подкатывается под гобелен и сталкивает плечом мертвое тело вниз по ступенькам. Все заняло не более двух секунд.

Вы поняли? По первому пролету скатился живой человек, а труп завершил падение. Ваша реконструкция происшедшего, Гаске, была достаточно изобретательной, но такой ход событий требовал бы слишком много времени. Чтобы выйти из-за гобелена, застрелить жертву из «гуманного убийцы», вытащить стержень и столкнуть тело вниз, убийце понадобилось бы больше чем эти две секунды, прежде чем Фаулер посмотрел на площадку...

Оказавшись за гобеленом, Фламанд вылезает в окно на плоскую крышу и возвращается в дом через окно Хейуорда. Времени у него достаточно — он может ждать, пока остальные соберутся внизу, прежде чем выйти на темную галерею. Следующий вопрос: где ему спрятаться там?..

— Погодите! — вмешался Рэмсен. — Вы говорили о «гуманном убийце». Когда мы слышали о нем в последний раз, он лежал на втором дне коричневого чемодана, который Фламанд спрятал в багажник автомобиля на дороге...

— Верно. И который был принесен Огюстом вместе с остальным багажом, а позже отнесен наверх Жозефом. Понимаете, они думали, что чемодан принадлежит Кену. Очевидно, пока чемодан находился в нижнем коридоре, Фламанд, как только вошел в дом, достал из него оружие для будущего ис-

пользования. Благодаря колоннам в коридоре можно прятаться даже в присутствии там других людей. Он забрал оружие, но не мог расхаживать по дому с чемоданом, поэтому оставил его на месте, проследив, в какую комнату его отнесли.

Чемодан отнесли в комнату Кена, и это подало Фламанду идею — хотя он тогда еще не мог ее осуществить. Совершив убийство, Фламанд в промежутке между тем, как Огюст вторично спустился вниз, а вы все поднялись на второй этаж, украл пишущую машинку Фаулера. Войдя в комнату Кена, он снова положил «гуманного убийцу» на второе дно чемодана и спрятал его там — вероятно, за одной из плотных портьер. Кен еще не видел чемодана и ничего о нем не знал.

Первоначальный план Фламанды заключался в том, чтобы позволить кому-нибудь найти спрятанный там чемодан — он не сомневался, что будет произведен обыск. В чемодане не было ничего указывающего на него — все думали, что чемодан принадлежит Кену. Фламанд ненавидел Кена за то, что тот взял над ним верх на дороге, поэтому Кен должен был стать жертвой, ответив за совершенное Фламандом преступление. Появившись в доме в роли негодующего и ограбленного Харви Драммонда, Фламанд собирался сам найти «гуманного убийцу» в тайнике чемодана, если кто-то не сделал этого раньше. Я сразу понял, что, если кто-то выставит Фламанды дураком, тот вылезет из могилы, чтобы свести счеты.

Итак, где мог спрятаться Фламанд, сфальсифицировав сцену убийства, сбросив тело вниз и снова пробравшись в дом? Пока у него не появилась возможность спуститься на первый этаж, только в одном месте — в собственной комнате! Это кажется безумием? Нет, поскольку в комнате имелась дверь (не потайная, но не слишком заметная), связывающая ее с бельевой. Если бы мы вошли в комнату Фламанды, он бы ускользнул в бельевую, а если бы мы вошли в бельевую, вернулся бы за портьеру в своей комнате. (Хотя в замке нет тайных коридоров, портьеры в спальнях их неплохо заменяют!) Кроме того, мы не могли застигнуть его врасплох, так как в комнатах только парафиновые лампы, и он мог скрыться, прежде чем зажгут свет.

Когда мы поднялись наверх, чтобы реконструировать преступление, Фламанд, очевидно, находился в бельевой, оставив

открытой дверь в свою комнату. А когда Гаске, Кен и я вошли в бельевую и стали ощупью искать рубильник, Фламанд подбросил свою записку. Почему? Потому что при слабом свете снаружи он мог видеть силуэт вошедшего Кена и слышал, как тот говорил со мной. В такой ситуации должно было казаться очевидным, что записку мог оставить только один из нас троих. Но Фламанд совершил ошибку. Он подбросил записку в воздух, и я увидел, как мелькнуло что-то белое. Это доказывало, что ее бросили из задней части бельевой, где не могло быть никого, если только там кто-то не прятался.

Таким образом, друзья мои, фарс продолжался. Гаске был абсолютно прав, обвиняя Кена в том, что он спрятал пистолет и оставил следы грязи на подоконнике, так как больше никто в нашей группе с тех пор не отлучался ни на секунду и не имел грязной обуви. Но я не сомневался в присутствии еще одного персонажа.

Конечно, теперь вы можете догадаться о том, что произошло с коричневым чемоданом. Когда мы спустились вниз перед ужином, у Фламанда было достаточно времени, чтобы усовершенствовать свой план. Он стремился опутать Кена такой паутиной косвенных улик, чтобы тот не мог из нее выбраться. Войдя в комнату Кена, Фламанд опустошает его черный чемодан и выбрасывает его в окно, потом наполняет свой чемодан вещами Кена, оставив оружие на втором дне. Поскольку Огюст может поклясться, что нашел коричневый чемодан в багажнике машины Кена и что Жозеф отнес его наверх, кто сумеет доказать, что он не принадлежит Кену?

План осуществлялся успешно. Фламанд слушал и наслаждался. Он видел каждое наше движение, черт бы его побрал! И хотя я не сомневался, что он находится в доме и почти в пределах досягаемости, я был беспомощен, так как мой друг Гаске отвергал все мои предположения. Я ждал своего шанса и заставил его усомниться, только когда мы с Эвелин начали лгать относительно нападения на дороге...

— Думаю, нам незачем в это вдаваться, — дружелюбно заметил д'Андре.

— Но я совсем упал духом, услышав, что вы собираетесь установить мост через зияющую бездну и увезти Эвелин и Кена в Париж, покуда Фламанд будет потирать руки. Теперь

он мог покинуть замок — особенно услышав, что у Рэмсдена нет при себе единорога. Когда Кена и Эвелин отправили под охраной наверх, я отвел друга Гаске туда, где мы могли побеседовать наедине, не будучи подслушанными. Мое положение становилось отчаянным, так как старина Марсель Селестен, водитель такси, нас здорово подвел. Но я рад сообщить, что природный здравый смысл Гаске...

Д'Андрье кашлянул.

— Едва ли стоит на этом задерживаться, — сказал он. — Сэр Генри имеет в виду, что в критический момент вошел сержант Аллен с портфелем, который лежал в комнате доктора Эбера. В нем содержалось доказательство...

— Прошу прощения, — вмешался Огюст. — Я вам очень признателен, но знал ли Фламанд об этом, и если знал, то почему его не уничтожил?

— Не думаю, что он об этом знал, — ответил Г. М. — Понимаете, Фламанд не мог подслушать разговор между Огюстом и Гилбертом Драммондом в комнате последнего. Он знал, что что-то пропало, так как Огюста послали на поиски, но не знал, что именно, и не осмелился спросить. Когда он нашел несколько документов в чемоданах Драммонда (точнее, в этой адвокатской папке, которая должна была предоставить вам ключ к его профессии), то решил, что раздобыл все.

Когда дружище Гаске наконец согласился со мной, что Фламанд прячется в доме, было едва ли не слишком поздно. Даже если бы мы устроили повальный обыск, продемонстрировав тем самым, что разгадали его план, он мог ускользнуть. Мост был установлен, да и река успокоилась достаточно, чтобы ее переплыть, а мы не хотели рисковать упустить его. Поэтому Фламанд считал, что может в любой момент войти в дом в роли Харви Драммонда и мы поверим ему.

Но мы были уверены, что, если я состряпаю план бегства для Кена и Эвелин, он не сможет удержаться от искушения помешать им и попадет прямоком в наши руки. Мы играли в расчете на его характер. Он мог бы вывернуться, если бы не был таким мстительным и не стремился отправить эту пару в Париж в наручниках. На редкость «приятная» личность.

Последовала длительная пауза.

— Остается раскрыть тайну единорога, — заговорил я. — Меня спрашивали, что я о них знаю и как они связаны с Индией, но никто еще не...

— Значит, вам намекали на Индию? — Рэмсдён усмехнулся и посмотрел на Фаулера. — Между прочим, когда вы, щенок, в своем стремлении к многозначительным замечаниям осведомились о здоровье низама, я подумал, что вы собираетесь испортить игру.

— Но что это значит? — допытывался я. — Я перебрал все легенды — что рог единорога предохраняет от яда, что единорог может становиться невидимым, что его можно поймать только с помощью девственницы...

По какой-то причине это позабавило Рэмсдена.

— Думаю, так как мы поймали Фламанд, нет причин для секретности, — сказал он. — О единорогах существуют не только сказки и легенды. Первое описание единорога дал...

— Аристотель, — прервал Г. М. — Это моя епархия, сынок. Единственными животными, которые, согласно Аристотелю, имели один рог, были «орикс и индийский осел»¹. Аристотеля воспринимали как бога науки, и его авторитет долгое время был незыблемым. Считалось, что более поздние сведения об индийском единороге возникли под влиянием носорога, но Индия считалась родиной этого фантастического существа. Поэтому даже много лет спустя прииск в Партиале был известен как прииск Единорога... Знаете, где находится Партиал?

— Поняла! — воскликнула Эвелин. — Рядом с Голкондой², верно?

— Голконда! — подхватил я. — Вы имеете в виду алмазные прииски? Но ведь они давным-давно истощены и покинуты...

— Спокойно, — остановил меня Г. М. — Кроме того, Голконда была не прииском, а местом, где алмазы гранили и шлифовали. Подумайте снова. В каком единственном независимом княжестве Индии под британским протекторатом правителя именуют «низам»?

¹ То есть антилопа бейза и индийский носорог.

² Г о л к о н д а — в XVI—XVII вв. государство в Индии в области Декан, славившееся добычей алмазов.

— Хайдарабад, — ответила Эвелин и с торжествующим видом повернулась ко мне. — Голконда — его часть. Всего в семи милях от столицы. А Партиал...

— Полагаю, если вы читали газеты, то видели сообщение о беспорядках в Индии?

— Это было первое, на что я обратил внимание в этом чертовом деле, — сказал я, — прежде чем прочитал о Фламанде и Гаске. Но я только взглянул на заголовки.

— Незачем болтать о политике, — проворчал Рэмсен. — В ней слишком много чепухи. Говоря коротко, на старом прииске Единорога в Партиале, который считался истощенным, обнаружили залежи алмазов. Они настолько велики, что могут причинить кучу неприятностей. Хайдарабад — индуистское княжество, но его правящий класс почти целиком мусульманский. Местный губернатор — мы опустим имена — напрашивался на осложнения. К счастью, низам — один из самых сильных и лучших людей в стране. Его ответом был маленький подарок королю Англии, внутри которого содержалась записка с просьбой, чтобы новые богатства Индии никогда не использовались для борьбы с ее друзьями. Подарок представлял собой плоскую фигурку единорога длиной в десять дюймов, целиком изготовленную из прекраснейших алмазов, найденных в новых залежах. Вчера подарок отправили в Лондон для торжественного вручения — по поводу юбилея короля. Мне пришлось быстро слетать в Хайдарабад, дабы убедиться, что все в порядке, — я даже заехал в Афины, чтобы оставить ложный след... — Он усмехнулся, расправил плечи и встал. — Кажется, самолет готов доставить нас в Париж. Думаю, Мерривейл, для вас найдется местечко, если вы хотите отправить такси назад.

Я посмотрел на Эвелин и твердо заявил:

— Мы решили побывать на юге Франции.

— То, что я всегда советовал, не так ли? — воскликнул Г. М. — А если вы должны руководствоваться легендами, то теперь, когда единорог пойман, нет никакой пользы в...

— В талисмানে против яда, — закончила Эвелин и подмигнула. — Вы абсолютно правы, сэр!

СОДЕРЖАНИЕ

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА. Роман	
<i>Перевод с английского В.В. Тирдатова.</i>	7
«ОКНО ИУДЫ». Роман	
<i>Перевод с английского В.В. Тирдатова.</i>	183

Литературно-художественное издание

Карр Джон Диксон

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

Романы

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

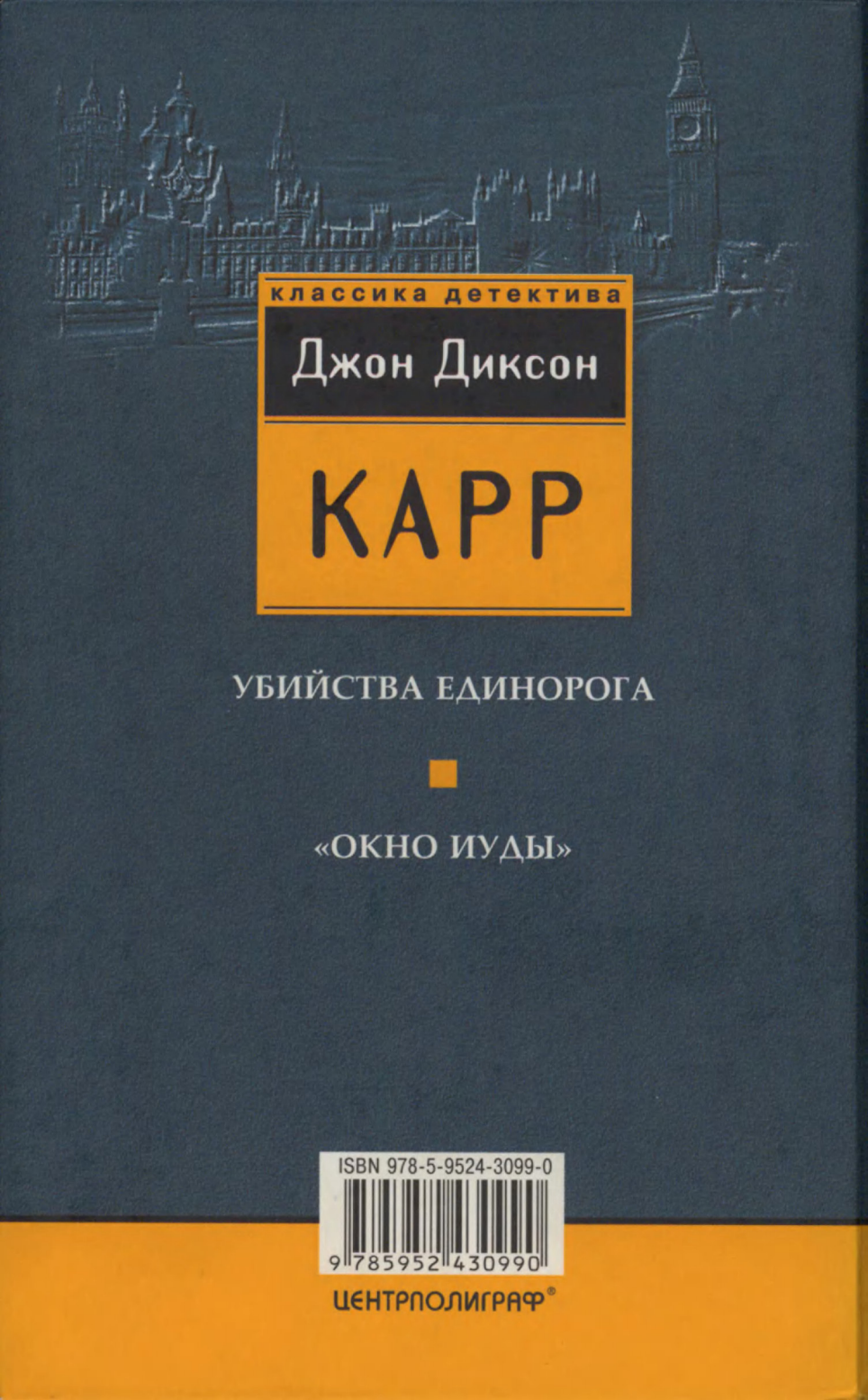
Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.06.2007.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.16. Уч.-изд. л. 19.47.
Тираж 6 000 экз. Заказ № 4715

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

«ОКНО ИУДЫ»

ISBN 978-5-9524-3099-0

9 785952 430990

ЦЕНТРОЛИГРАФ®